

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС. ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

МОНОГРАФИЯ

ВЫПУСК 111

Часть 1

Уфа
НИЦ АЭТЕРНА
МЦИИ ОМЕГА САЙНС
2026

УДК 00(082)
ББК 65.26
ISBN 978-5-00249-654-9 ч.1
ISBN 978-5-00249-656-3 ч.1+ ч.2
М 43

Рецензенты:

Курманова Лилия Рашидовна, доктор экономических наук, Уфимский университет науки и технологий

Старцев Андрей Васильевич, доктор технических наук, Государственный аграрный университет Северного Зауралья

Епхиева Марина Константиновна, кандидат педагогических наук, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова

Ванесян Ашот Саркисович, доктор медицинских наук, Уфимский университет науки и технологий

Коллектив авторов

**ПЕТРУХИНА Н.В., СЛИНКОВА О.К., ВИШНЕВСКАЯ Е.В., СЛИНКОВ А.М.
БЕЛЯКОВ Н.С., ДЕВЯТЫХ С.Ю., ШЕПИЛЕВИЧ А.А., ЗВЕРКОВИЧ Г.В.
ИШКОВ А.Д., КОТОВА Е.Г., ЛУПИНА А.Е., МАСЛЕЧКИНА С.В.**

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС. ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ:
МОНОГРАФИЯ. ВЫПУСК 111. В 2Ч. Ч 1. [ПОД РЕД. А.А. СУКИАСЯН]. –
УФА: АЭТЕРНА, 2026. – 238 С.**

Монография «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС. ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ» посвящена широкому кругу проблем, которые находятся в центре внимания. Монография призвана дать представление об актуальных теоретических подходах и концепциях, аналитических обзорах и практических решениях в конкретных сферах науки, общества, образования.

Ответственность за точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

Все материалы проходят рецензирование (экспертную оценку). Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Материалы представлены в авторской редакции. При перепечатке материалов коллективной монографии ссылка обязательна.

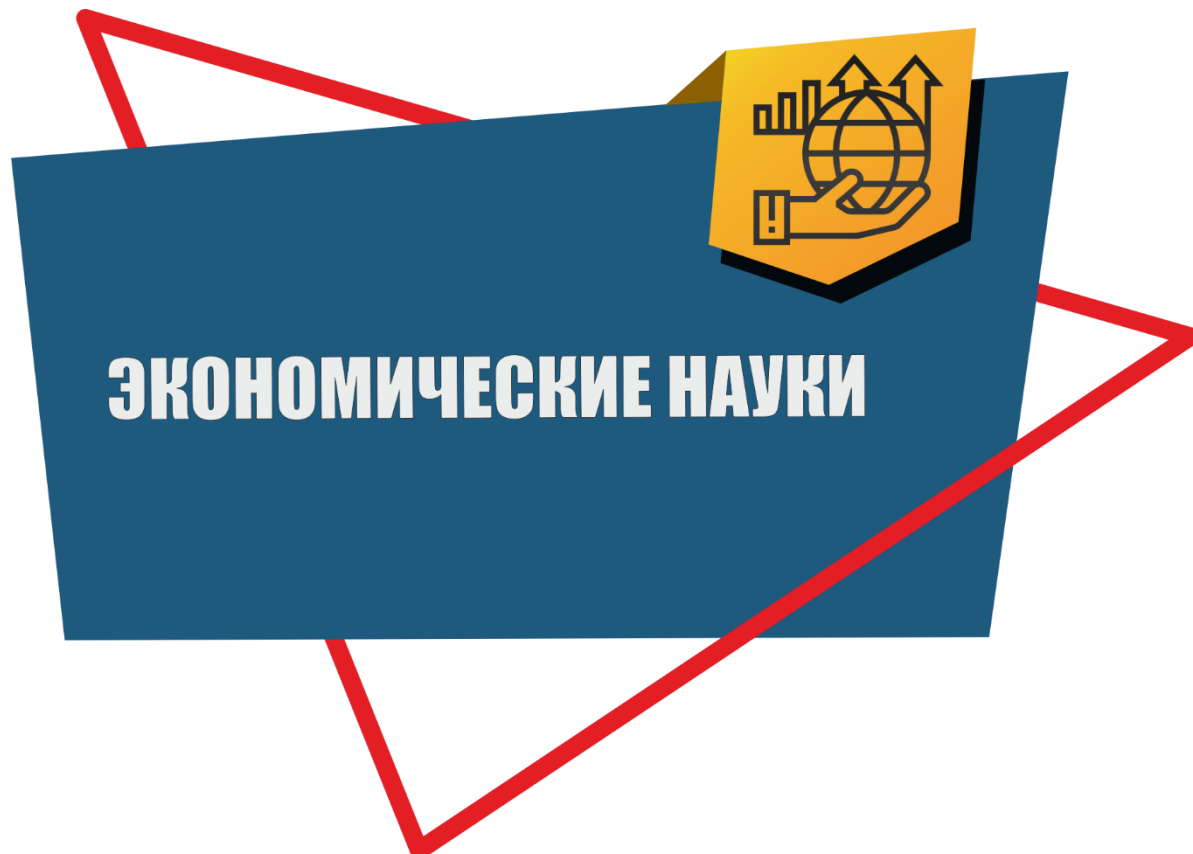
УДК 00(082)
ББК 65.26
ISBN 978-5-00249-654-9 ч.1
ISBN 978-5-00249-656-3 ч.1+ ч.2
М 43

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю работа – яркий пример междисциплинарности. Представители ряда гуманитарных и естественных наук объединяются, чтобы исследовать некоторые особенности научного развития.

Монография, по нашему мнению, будет интересна и полезна научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов. Данная книга, на наш взгляд, окажет также несомненную и немалую пользу всем, кто интересуется проблемами развития и становления научной мысли. Хочется отметить, в связи с этим, прекрасный язык и стиль многих авторов, нередко приближающийся к художественному, а также высококачественные издательские характеристики книги, отличный дизайн, удачное структурирование излагаемого материала.

Начатая коллективом авторов работа, безусловно, имеет будущее, которое приведет к увеличению как круга поднятых вопросов, так и решения иных задач.

УДК 332

ГЛАВА 1

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ОАО «БРЯНСКИЙ МОЛОЧНЫЙ КОМБИНАТ»)

ПЕТРУХИНА Н.В.

к.э.н., доцент, заведующий кафедрой
«Гражданско-правовых дисциплин»
ЧОУ ВО «Брянский институт управления и бизнеса»

Аннотация: Статья посвящена особенностям развития предприятий перерабатывающей промышленности на территории региона. Обеспечение продовольственной безопасности стоит на повестке дня у руководителя страны, а также у глав регионов. Предприятием, обеспечивающим одно из направлений продовольственной безопасности, является ОАО «Брянский молочный комбинат». Анализируется современное состояние молочной переработки в Брянской области, структурные сдвиги в отрасли под влиянием санкционных ограничений и процессов импортозамещения. Выявляются ключевые факторы конкурентоспособности предприятия: территориальное расположение, доступ к сырьевой базе, модернизация производства и маркетинговая стратегия. Рассматриваются системные проблемы отрасли — дефицит высококачественного сырья, кадровый голод, технологическая зависимость, логистические барьеры, а также возможность их преодоления за счёт инструментов государственной поддержки, технологического обновления и кооперации с сельхозпроизводителями. На основе проведённого анализа формулируются практические рекомендации по повышению устойчивости и эффективности деятельности ОАО «Брянский молочный комбинат» и аналогичных предприятий региона.

Ключевые слова: перерабатывающая промышленность, молочный комбинат, региональное развитие, импортозамещение, конкурентоспособность, сырьевая база, модернизация, государственная поддержка, продовольственная безопасность.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF PROCESSING INDUSTRY ENTERPRISES IN THE REGION (ON THE EXAMPLE OF ОАО “BRYANSKY MILK PLANT”)

NATALIA VIKTOROVNA PETRUKHINA,

PhD in Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law Sciences,
Bryansk Institute of Management and Business

Abstract: The article is devoted to the specific features of the development of processing industry enterprises in the region. Ensuring food security is on the agenda of the country's leader, as well as of the heads of the regions. One of the enterprises ensuring one of the areas of food security is OAO "Bryansk Dairy Plant". The current state of dairy processing in the Bryansk region, structural shifts in the industry under the influence of sanctions restrictions and import substitution processes are analysed. The key factors of the enterprise's competitiveness are identified: geographical location, access to the raw material base, production modernization, and marketing strategy. The study examines the systemic problems of the industry — the shortage of high-quality raw materials, staff shortages, technological dependence, and logistical barriers — as well as the possibility of overcoming them through state support tools, technological renewal, and cooperation with agricultural producers. Based on the analysis, practical recommendations are formulated to improve the sustainability and efficiency of the operations of OAO "Bryansk Dairy Plant" and similar enterprises in the region.

Keywords: processing industry, dairy plant, regional development, import substitution, competitiveness, raw material base, modernization, state support, food security.

На официальном сайте Правительства региона представлены итоги социально-экономического развития Брянской области в 2025 году. Брянская область демонстрирует хорошие показатели по своему развитию. Так, например, объем валового регионального продукта в 2024 году составил 724,2 млрд руб., индекс физического объема — 101,0% к уровню 2023 года (в сопоставимых ценах). В 2025 году ВРП оценивается в 771,0 млрд. руб. (102,5% к уровню 2024 года). Указанное представим схематично на рисунке 1[7].

Ведущими видами экономической деятельности являются обрабатывающие производства; сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; деятельность по операциям

с недвижимым имуществом; транспортировка и хранение; государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; образование; строительство, на долю которых приходится 89,0% произведенного ВРП .

Рисунок 1- Объем ВРП [7]

Отметим, что в развитие региона, а также в обеспечение его продовольственной безопасности вносят вклад функционирующие предприятия. На территории Брянского региона работает много предприятий перерабатывающей промышленности, которые занимаются переработкой сельскохозяйственного сырья, древесины, металла и утилизацией отходов. Продовольственную безопасность на территории региона обеспечивают следующие предприятия: **1) ОАО «Брянский молочный комбинат»** осуществляет производство молочной продукции; **2) ОАО «Брянский гормолзавод»** — производит молочную продукцию, в том числе жидкие детские смеси; **3) ГУП «Брянский хлебокомбинат №1»** — занимается производством хлебобулочных изделий; **4) Пищекомбинат «Бежицкий»** — выпускает мучные кондитерские изделия (печенье, пряники и др.); **5) Кондитерская фабрика «Брянконфи»** — производит сухари, печенье, торты, пирожные и другие кондитерские изделия; **6) ОАО «Брянский мясокомбинат»** — выпускает колбасные изделия и мясные полуфабрикаты; **7) ОАО «Консервсушпрод»** — производит сыры, натуральные мясоовощные консервы, кулинарные изделия, обеспечивает потребности армии. И другие предприятия[1,2].

Брянская область обладает значительным агропромышленным потенциалом, располагая обширными сельскохозяйственными угодьями и сложившимися традициями молочного животноводства. Однако эффективность переработки сельхозсырья, в частности молока, остаётся сдерживающим фактором развития АПК региона. Одним из ключевых перерабатывающих предприятий является ОАО «Брянский молочный комбинат», многолетний лидер молочной индустрии региона.

Рассмотрим основные экономические показатели предприятия. Сегодня ОАО «Брянский молочный комбинат» является динамично развивающимся предприятием перерабатывающей промышленности. Согласно данным ОКВЭД оно занимается производством молока и молочной продукции. Предприятие относится к категории крупного бизнеса. История предприятия берет свое начало в 1977 г. Сегодня ОАО «Брянский молочный комбинат» производит качественную продукцию широчайшего ассортимента: молоко, сметану, творог, сливки, функциональную продукцию. Комбинат ведет активную экспортную деятельность с 2020 года, экспортируя свою качественную продукцию в 10 стран, среди них Казахстан, Республика Беларусь, Киргизстан. Многоаспектность предприятия впечатляет. Так, предприятие помимо экспорта поставляет свою продукцию в различные федеральные торговые сети, ежедневно поставляет продукцию для различных российских авиакомпаний. Пример – компания Аэрофлот.

ОАО «Брянский молочный комбинат» ежегодно принимает участие в региональных выставках-демонстрациях (Славянское единство, День Брянского поля, День работника сельского хозяйства Брянской области), так и международных, например – «Продэкспо», и российских – «Золотая осень», где регулярно получает награды за качественную продукцию[3].

Организационная структура предприятия имеет линейно-функциональный тип. Общее руководство осуществляет генеральный директор, которому подчиняются основные руководящие звенья производственного процесса. Процесс контролирует главный инженер.

Экономическое составляющее деятельности ОАО «Брянский молочный комбинат» является основой эффективности его деятельности. Поэтому

остановимся подробно на анализе результатов расчетов финансовых и экономических показателей. В таблице 1 представим проанализированные данные.

Таблица 1 – Основные результаты финансовой деятельности
ОАО «Брянский молочный комбинат» за 2023-2025 гг., тыс. руб.

Показатели	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Абсолютное изменение, тыс. руб.		Темп прироста, %	
				2025 к 2024	2025 к 2023	2025 к 2024	2025 к 2023
Выручка	11 822 952	16 016 809	18 011 328	1 994 519	6 188 376	12,45	52,34
Себестоимость продаж	10 776 267	14 383 382	16 254 505	1 871 123	5 478 238	13,01	50,84
Валовая прибыль	1 046 685	1 633 427	1 756 823	123 396	710 138	7,55	67,85
Коммерческие расходы	691 310	990 350	927 353	-62 997	236 043	-6,36	34,14
Прибыль убыток от продаж	355 375	643 077	829 470	186 393	474 095	28,98	133,41
Проценты к получению	0	0	16 647	-	-	-	-
Проценты к уплате	123 932	327 569	430 107	102 538	306 175	31,30	247,05
Прочие доходы	19 966	4 694	1 187	-3 507	-18 779	-74,71	-94,05
Прочие расходы	46 277	41 881	90 413	48 532	44 136	115,88	95,37
Прибыль убыток до налогообложения	205 132	278 321	326 784	48 463	121 652	17,41	59,30
Текущий налог на прибыль	41 650	56 790	88 222	31 432	46 572	55,35	111,82
Прочее	16 371	24 750	57 247	32 497	40 876	131,30	249,69
Чистая прибыль отчетного периода	147 111	196 781	181 315	-15 466	34 204	-7,86	23,25

Проведём анализ финансовых результатов ОАО «Брянский молочный комбинат» за последние три года. За исследуемый период выручка, полученная от реализации продукции в 2025 году показала рост на 52,34% относительно результата 2023 г., что в абсолютном выражении составило 6188376 тыс. руб. При этом прирост себестоимости составил 50,84%. Такая динамика связана с наращиванием объемов производства, увеличением цен на реализуемую продукцию, и регулярную модернизацию ассортимента.

Опережающее темпы роста выручки относительно темпов роста себестоимости является положительной динамикой. Стоимость затрат на производство продукции прямо пропорционально получаемому доходу с её реализацией, что является показателем сохранения структуры затрат.

Такая тенденция стала причиной роста валовой прибыли за последние три года на 67,85%. Вместе с ростом валовой прибыли росли коммерческие расходы комбината: с 2023 года по 2025 год увеличение составило 34,14%. Прибыль от продаж увеличилась на 474095 тыс. руб., или на 133,41%. Вместе с тем наблюдается негативная динамика часть увеличения процентов к оплате, рост которых составил 247,05%, что в абсолютном выражении составило 306175 тыс. руб., и сокращения прочих доходов на 94,05%, в абсолютно выражении составило 18 779 тыс. руб.

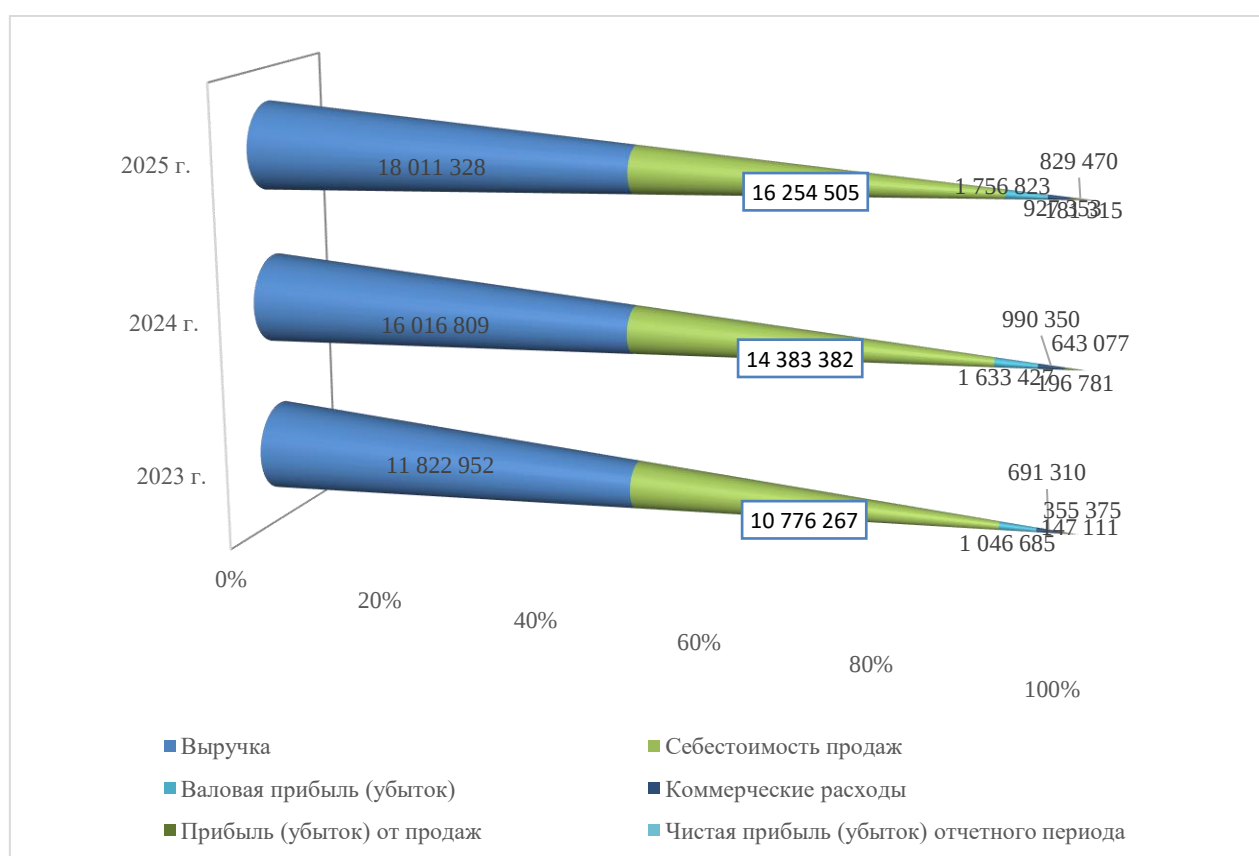

Рисунок 2 – Ключевые показатели предприятия ОАО «Брянский молочный комбинат», тыс. руб.

В течение исследуемого периода ОАО «Брянский молочный комбинат» показывает положительные результаты своей деятельности. В целом за

последние три года чистая прибыль предприятия увеличилась на 23,25% или в стоимостном выражении на 34 204 тыс. руб. При этом стоит отметить, что в 2025 году чистая прибыль предприятия относительно предыдущего года сократилось на 15 466 тыс. руб. Снижение чистого финансового результата по итогам 2025 года связано с увеличением финансовых расходов, и налоговых платежей.

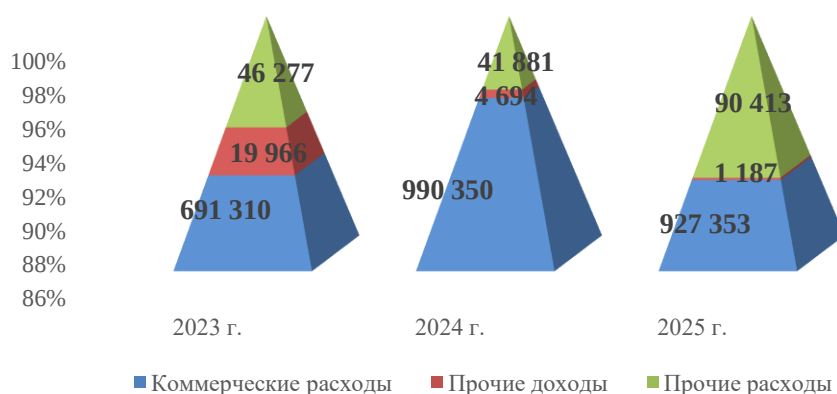

Рисунок 3 – Динамика коммерческих расходов, прочих расходов и доходов

Как было отмечено ранее, на конечный результат предприятия оказали влияние показатели коммерческих расходов, показавшие рост с 691310 тыс. руб. до 990350 тыс. руб. за период с 2023-2024 гг. и с незначительным снижением в 2025 году на 62997 тыс. руб. Усилил снижение чистой прибыли показатель прочих расходов предприятия, который только за период с 2024 года по 2025 год показал рост более чем в 2 раза, на 48532 тыс. руб.

Далее рассмотрим показатели, характеризующие состояние имущества предприятия, его активы, состояние собственного капитала и привлеченных долгосрочных и краткосрочных обязательств. Отразим на рисунке 4.

За последние три года имущество предприятия увеличилось, рост составил 1166 339 тыс. руб. Внеоборотные активы, напротив продемонстрировали нестабильную динамику, причиной которой могли стать инвестиционные вложения в расширение бизнеса.

Второй раздел бухгалтерского баланса, оборотной активы, увеличивались в течение всего периода исследования, при этом рост составил

с 1143752 тыс. руб. до 3673645 тыс. руб. в отчетном переводе. Такой рост был обусловлен увеличением дебиторской задолженности, что в последствии может привести к рискам неплатёжеспособности, так как наблюдается отток денежных средств, которые находятся в обращении других предприятий.

Рисунок 4 – Стоимость разделов, составляющих актив и пассив баланса ОАО «Брянский молочный комбинат» за 2023-2025 гг., тыс. руб.

Также в динамике наблюдается сокращение денежных средств, что может в последующем стать причиной нарушения ликвидности и привести ОАО «Брянский молочный комбинат» к неплатёжеспособности.

Проводя анализ второй части бухгалтерского баланса – пассива, можно отметить рост собственного капитала в течение всего исследуемого периода, что на первый взгляд является укреплением финансовой устойчивости. На рисунке видим как снижается стоимость долгосрочных пассивов. При этом краткосрочные обязательства только за последний год показали рост на 916 457 тыс. руб. в 2024 году, а в 2025 показали незначительная с снижение. Снижение в 2025 году произошло по причине сокращения кредиторской задолженности, а краткосрочные привлечённые денежные средства в течение всего периода показывали положительную динамику. Данная ситуация создает долговую нагрузку.

Анализ итогов раздела бухгалтерского баланса демонстрирует неоднозначную картину, с одной стороны можем сделать вывод о том, что

предприятия наращивает масштабы производства, чему свидетельствует рост активов в собственного капитала, но при этом есть и негативная динамика, связанная с сокращением финансовых ресурсов, увеличением стоимости дебиторской задолженности и стоимостью привлечённых краткосрочных средств.

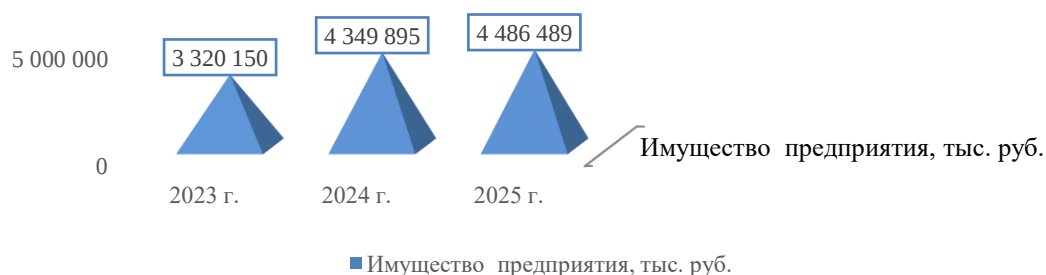

Рисунок 5 – Динамика стоимости имущества ОАО «Брянский молочный комбинат» за 2023-2025 гг., тыс. руб.

Далее проведем анализ показателей финансовой устойчивости молочного комбината. Это позволит оценить достаточность собственных средств для бизнеса и зависимость от привлеченного капитала.

Таблица 2 – Анализ финансовой устойчивости по абсолютным показателям

- Показатели	2023 г.	2024 г.	2025 г.
1. Источники собственных средств	611519,0	793585,0	955124,0
2. Внеоборотные активы	790257,0	708191,0	812844,0
3. Источники собственных оборотных средств для формирования запасов и затрат	-178738,0	85394,0	142280,0
4. Долгосрочные кредиты и займы	414674,0	345896,0	335920,0
5. Источники собственных средств, скорректированные на величину долгосрочных заемных средств	235936,0	431290,0	478200,0
6. Краткосрочные кредитные и заемные средства	1448169,0	2022457,0	2098112,0
7. Общая величина источников средств с учетом долгосрочных и краткосрочных заемных средств	1684105,0	2453747,0	2576312,0
8. Величина запасов и затрат, обращающихся в активе баланса	728862,0	1208298,0	1192892,0
9. Излишек источников собственных оборотных средств	-907600,0	-1122904,0	-1050612,0

10. Излишек источников собственных средств и долгосрочных заемных источников	-492926,0	-777008,0	-714692,0
11. Излишек общей величины всех источников для формирования запасов и затрат	955243,0	1245449,0	1383420,0
3-х комплексный показатель финансовой ситуации	0	0	0
	0	0	0
	1	1	1
Финансовая устойчивость предприятия	Допустимо неустойчивое состояние предприятия	Допустимо неустойчивое состояние предприятия	Допустимо неустойчивое состояние предприятия

Проводя анализ финансовой устойчивости молочного комбината по абсолютным показателям было выявлено: 2023 году наблюдался недостаток оборотных средств для формирования запасов финансировали за счёт привлечённых денежных средств, а недостаток средств составлял 178 738 тыс. руб. Недостаток собственных оборотных средств по итогу 2025 г. составил 1 050 612 тыс. руб., и он значительно увеличился относительно данных 2023 г., где недостаток составлял 907 600 тыс. руб. В целом анализ финансовую устойчивость показывает допустимо неустойчивое состояние, которое требует немедленного решения. ОАО «Брянский молочный комбинат» не имеет собственных источников финансирования для покрытия долгосрочных заемных средств, для покрытия оборотных средств.

Проанализируем кадровую составляющую предприятия. Проведём анализ трудовых ресурсов предприятия. Анализ эффективности управления бизнесом в большинстве своем определяется фактором грамотного управления трудовыми ресурсами.

Особую роль в эффективности деятельности играет достаточность обеспечения предприятия не только необходимыми трудовыми ресурсами, но и их компетенциями, стремлением к развитию, их рациональному использованию. Представленные данные таблицы демонстрируют рост численности персонала с 2023 года по 2025 год на 86 человек. При этом в структуре всего персонала основную долю составляют рабочие предприятия, численность которых по итогам 2025 г. составила 519 человек и за последний год увеличилась на 142 человека.

При этом наблюдается сокращение руководящего звена и специалистов на 19 и 37 человек соответственно. В таблице 6 приведём детальный анализ структуры сотрудников молочного комбината.

Таблица 6 – Численность сотрудников предприятия ОАО «Брянский молочный комбинат» и их состав за 2023-2025 гг.

Показатели	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста к предыдущему году, %	
				2025 г. к 2024 г.	2025 г. к 2023 г.
Численность, всего чел.	629	690	715	25	86
В том числе:					
руководители	97	77	78	1	-19
специалисты	155	115	118	3	-37
рабочие	377	498	519	21	142

Такое положение в изменении численности сотрудников ОАО «Брянский молочный комбинат» связано прежде всего с расширением его производственного потенциала.

Структура сотрудников предприятия является оптимальной с точки зрения реализации производственного процесса предприятия.

Эффективность использования трудовых ресурсов оценим с помощью диагностики использования рабочего времени, анализируя их полноту и количество часов, отработанных одним работником. Для анализа использовали данные кадрового учёта ОАО «Брянский молочный комбинат» за 2023-2025 гг.

Таблица 7 – Анализ эффективности использования трудовых ресурсов ОАО «Брянский молочный комбинат» за 2023-2025 гг.

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Общий фонд рабочего времени, чел.-час	1398267	1711200	1589445
Отработано дней 1 работником за год	247	248	247
Отработано часов 1 работником за год, час.	2223	2480	2223
Средняя продолжительность рабочего дня, час.	9	10	9

Представленные результаты таблицы 7 показывают, что эффективность управления сотрудниками молочного комбината состоит в такой системе

управления трудовыми ресурсами, при которых работник имеет возможность реализовать собственный потенциал, получать достойную заработную плату и иметь социальные блага, получать возможность расти по карьерной лестнице. При получении таких возможностей он способен внести вклад в конечный результат деятельности ОАО «Брянский молочный комбинат». Только персонал и эффективное управление определяют эффективность остальных направлений предприятия.

На следующем этапе проведём оценку структуры управления трудовыми ресурсами молочного комбината. Общая численность работников предприятия за последние три года увеличилась на 13,67%. При этом количество управленцев составляет 78 человек из 715. Их доля в общей численности сотрудников составляет 10,91%. Количество кадров, не относящихся к управленцам, составило по итогу 2025 г. 637 человек, их рост относительно 2023 г. составляет 19,74%. На предприятии выделяется три уровня управления, а структура состоит из 17 подразделений. Управления и подразделения в течение трёх лет оставались неизменными.

При оценке структуры управления кадрами предприятия производился расчёт коэффициента подчинённости, который был равен отношению количество управленческих кадров к числу управленцев. Вывод следующий – рост данного показателя составил с 5,48 до 8,17, что демонстрирует, что структура изменилась за счёт увеличения неуправленческих кадров. Коэффициент текущей кадров варьируется с 2,23 в 2023 году до 1,54% в 2025 году. В ряде отраслей экономики, текучести кадров находится в норме, если показатель меньше среднего значения по отрасли, 12 – 13%. Это положительная динамика в исследовании вопроса управления кадрами на предприятии.

Динамика коэффициента текучести кадров продемонстрирован на рисунке, на котором видно, что показатель сокращается и при этом имеет незначительный результат относительно среднего по отрасли (12-13%).

По данным кадрового учета текучесть кадров наблюдается по уровню управленцев и специалистов.

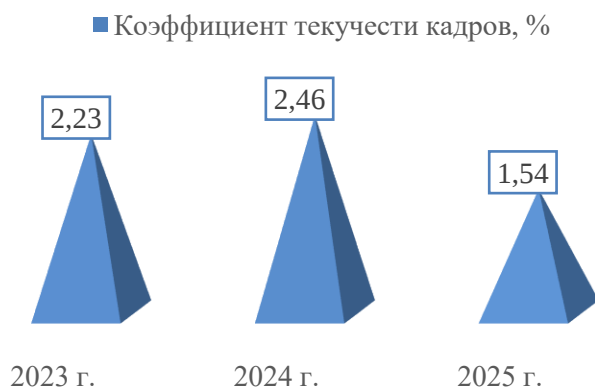

Рисунок 6 – Динамика коэффициента текучести кадров ОАО «Брянский молочный комбинат» за 2023-2025 гг., %

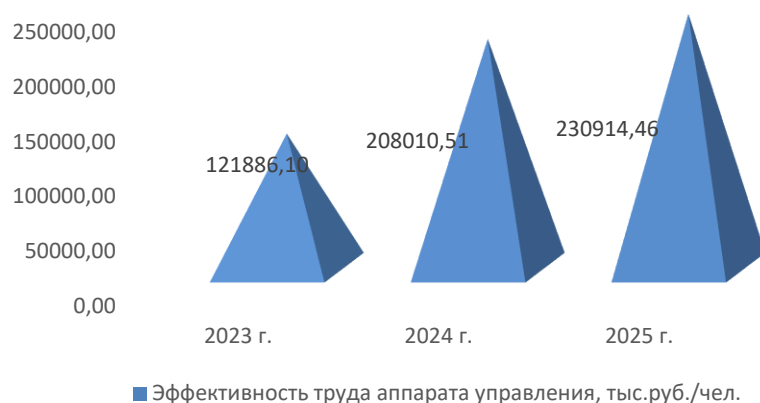

Рисунок 7 – Эффективность труда аппарата управления ОАО «Брянский молочный комбинат» за 2023-2025 гг.

Эффективность работы управляющего звена демонстрирует показатели эффективности труда аппарата управления. Видим, что в динамике этот показатель демонстрирует значительный рост в 89,45% за последние три года, это связано, как и с ростом выручки так и с незначительным сокращением управленческого звена. Результаты показателя оцениваются как положительные. Анализ состояния аппарата управления молочного комбината демонстрирует положительную динамику по категориям работников руководящего звена и специалистов.

В течение всего периода исследования руководители предприятия имели высшее образование, а работники категории специалисты увеличили уровень образования до высшего. Так если в 2023 году доля специалистов свыше

образованием составляла 75%, то уже в 2025 году среди 94 человек доля сотрудников с высшим образованием составляла 80%. Стоит отметить сокращение числа работников в аппарате управления, что может быть связано с мероприятиями, направленными на оптимизацию что-то молочного комбината.

Рассмотрим возрастной уровень управленческого состава предприятия, таблица 8.

Таблица 8 – Возрастной уровень управленческого состава ОАО «Брянский молочный комбинат» за 2023-2025 гг.

Год	Категории работников	По возрасту					
		35-45 лет	уд. вес, %	45-55 лет	уд. вес, %	55-65, лет	Уд. вес, %
2023 год	Руководители	-	-	48	50,0	49	50,0
	Специалисты	39	25,0	68	43,7	48	31,3
	Итого	39	15,5	116	46,0	97	38,5
2024 год	Руководители	-	-	77	100,0	-	-
	Специалисты	29	25,0	67	58,3	19	16,7
	Итого	29	15,1	144	75	19	9,9
2025 год	Руководители	-	-	68	87,5	10	12,5
	Специалисты	30	25,0	69	58,3	20	16,7
	Итого	30	15,2	137	69,5	30	15,3

Анализ кадрового состава молочного комбината по возрасту показал, что на протяжении исследуемого периода в категории руководителей отсутствуют сотрудники самой молодой категории 35 – 45 лет, что является негативной тенденцией, так как характеризует недостаточную преемственность кадров ОАО «Брянский молочный комбинат» и не реализует программу привлечения молодых управленцев.

Если по результатам 2023 г. руководители предприятия были в равном соотношении распределены между двумя возрастными группами с 45 до 65 лет, то уже в 2024 году преобладающий является группа в возрасте от 45 до 55 лет. Согласно кадровому учёту, такая динамика связана с выходом части старшего поколения на пенсию. Однако уже в 2025 году ситуация меняется, и часть руководящего звена, а именно 12,5%, находится в возрастной категории от 55 до 65 лет. Такая ситуация может быть связана с оптимизацией кадровой политики ОАО «Брянский молочный комбинат».

Анализируя категорию молодых специалистов в возрасте 35 – 45 лет можно отметить, что их удельный вес составляет всего лишь около 25 %. Отметим, что доля среднего звена специалистов находится в возрасте 45 – 55 лет, при этом доля специалистов 35 – 45 лет остается неизменной. Наблюдается проблема привлечения молодых кадров на предприятие.

1. Среди основных проблем можно выделить следующие: дефицит высококачественного сырья, кадровый голод, технологическая зависимость, логистические барьеры, а также возможность их преодоления за счёт инструментов государственной поддержки, технологического обновления и кооперации с сельхозпроизводителями.

2. Основные инструменты господдержки: поддержка экспорта, субсидии, поддержка операционной деятельности, льготное кредитование, которое является ключевым инструментом, который позволяет привлекать средства на развитие по более низкой ставке.

Еще одним инструментом государственной поддержки является институт промышленной ипотеки. Программа по реализации была запущена Правительством по поручению Президента в сентябре 2022 года. Она позволяет промышленным предприятиям оптимизировать расходы, а также способствует расширению производства, запуску перспективных проектов, созданию новых рабочих мест. По словам Мишустина, **промышленная ипотека помогла защитить рабочие места**, не допустить закрытия многих площадок после ухода из страны ряда зарубежных компаний. Всего по этой программе было выдано около 1,1 тыс. льготных кредитов на общую сумму свыше 116 млрд.

Отметим, что институт промышленной ипотеки, который появился относительно недавно и позволяет предприятиям не только осуществлять свою деятельность, но и развиваться.

Это программа государственной поддержки, которая позволяет юридическим лицам и ИП приобретать, строить или модернизировать производственные объекты на льготных условиях. Основная информация по

новому механизму инновационного развития предприятия размещена на сайте Минпромторга, как органа контролирующего указанный вопрос.

Цели кредита: 1)приобретение производственных площадей для быстрого запуска или расширения бизнеса; 2)приобретение объектов недвижимого имущества в целях осуществления промышленного производства; 3)строительство или модернизация производственного объекта, а также его реконструкцию.

Основные условия программы:1)процентная ставка плавающая: 3 % годовых для технологических компаний и 5 % годовых для иных заемщиков (базовые процентные ставки); 2) срок кредитования: до 7 лет; 3)сумма кредита: до 500 млн. рублей. Кроме того, заемщики **самостоятельно выбирают кредитную организацию из перечня, утвержденного Минпромторгом.**

Роль перерабатывающей промышленности в региональном развитии нельзя недооценивать. Она является ключевым звеном агропромышленного комплекса, обеспечивающим доведение сельскохозяйственного сырья до готовой продукции и формирующим продовольственную безопасность региона и страны в целом. В структуре обрабатывающих производств Брянской области пищевая промышленность занимает одно из ведущих мест, а молочная подотрасль выступает её системообразующим элементом.

Отметим, что инновационное развитие сегодня является незыблемым постулатом. Разработанные и реализуемые государством программы свидетельствуют о непрерывной работе госорганов по развитию страны и регионов. Стоит отметить, что предпосылками для устойчивого социально-экономического развития страны являются наличие активных региональных субъектов хозяйствования. От активной инновационной деятельности указанных субъектов будет зависеть, является ли регион лидером или аутсайдером по инновационной активности [4,6]. В целях повышения инновационной деятельности региональных субъектов хозяйствования, автор считает необходимым использование механизма «регуляторных песочниц» в качестве правовой инфраструктурной компоненты [5], а также предлагает использовать новый институт промышленной ипотеки.

Таким образом, ОАО «Брянский молочный комбинат» как типичный представитель региональной перерабатывающей промышленности демонстрирует как традиционные проблемы отрасли, так и успешные практики их преодоления, а его дальнейшее развитие станет важным индикатором эффективности всей системы управления АПК Брянской области и способности региона адаптироваться к современным вызовам.

Список источников

1. Агропромышленный комплекс Брянской области: цифры и факты // Официальный сайт Департамента сельского хозяйства Брянской области. — URL: <http://www.bragro.ru>.
2. Итоги работы пищевой и перерабатывающей промышленности Брянской области за 2023 год // Отчёт Управления пищевой и перерабатывающей промышленности Брянской области. — 2024.
3. Официальный сайт ОАО «Брянский молочный комбинат». — URL: <http://bmk32.ru>.
4. Петрухина Н.В. Формирование инновационной инфраструктуры региона в условиях цифровой трансформации // Вестник академии з. 2021. №4(45). С. 227-230.
5. Петрухина Н.В. Инновационная активность региона как основа его социально-экономического развития // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. №4
6. Петрухина Н.В. Анализ показателей инновационной деятельности региональных субъектов хозяйствования. Естественно-гуманитарные исследования. 2022 №40(2). С. 220-224
7. Правительство России // <http://government.ru/docs/59237/>

© Н.В. Петрухина, 2026

УДК: 338.1, 378.4

ГЛАВА 2

ФЕНОМЕН МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АКТИВИЗАЦИИ

СЛИНКОВА О.К.

д. э. н., доцент, профессор кафедры международного туризма и
гостиничного бизнеса НИУ «БелГУ», г. Белгород

ВИШНЕВСКАЯ Е.В.

к. э. н., доцент, доцент кафедры международного туризма
и гостиничного бизнеса НИУ «БелГУ», г. Белгород

СЛИНКОВ А.М.

к. э. н., доцент, руководитель научных проектов
АО «Медбэнк», г. Москва

Аннотация. Развитие молодежного предпринимательства на современном этапе рассматривается в качестве ключевой задачи государственной политики Российской Федерации. В решении этой задачи наблюдаются позитивные тенденции, однако потенциал молодежного предпринимательства еще не задействован в полной мере в силу множества факторов, ограничивающих стремление молодежи к организации собственного бизнеса. Целью настоящего исследования является попытка системного осмысления молодежного предпринимательства, выявление ограничений и направлений его активизации в условиях современной российской действительности. В работе используется поколенческий подход к изучению трудовых установок, позволяющий выявить особенности выбора сферы трудовой занятости поколения Z, к которому относится преимущественно современная молодежь. В результате исследования выявлены внутренние (личностные) и внешние факторы, ограничивающие и поддерживающие развитие потенциала молодежного предпринимательства.

Ключевые слова. Молодежное предпринимательство, поколение Z, трудовые установки, потенциал молодежного предпринимательства.

Введение. В современном мире молодёжное предпринимательство становится одним из ключевых драйверов экономического и социального развития. Молодые люди всё чаще выбирают путь создания собственного дела, что связано с глобальными изменениями на рынке труда, развитием цифровых технологий и трансформацией ценностей. Однако, несмотря на значительный

потенциал, молодёжное предпринимательство сталкивается с рядом системных проблем, которые сдерживают его рост. В данной статье анализируется феномен молодёжного предпринимательства, выявляются основные барьеры и рассматриваются перспективы его активизации в России и мире.

Молодёжное предпринимательство – это деятельность по созданию и развитию собственного бизнеса, осуществляемая лицами в возрасте от 18 до 35 лет. С точки зрения социологии, этот феномен отражает не только экономические, но и ценностные изменения в обществе: стремление к самореализации, независимости, инновациям и гибкости.

Значимость развития молодежного предпринимательства признается как учеными, так и практиками, что обусловлено выполнением целого ряда важных функций и, прежде всего, экономических. Организуя собственный бизнес, молодые люди не только обеспечивают собственную трудовую занятость, но и создают новые рабочие места для других людей и своих сверстников, что обеспечивает общий рост благосостояния. В силу большей склонности молодёжи к экспериментам и использованию нестандартных подходов к ведению бизнеса, молодежное предпринимательство часто становится источником новых инновационных решений, что способствует модернизации экономики. Наконец, благодаря молодежному предпринимательству развивается сектор малого и микро-бизнеса, создавая новую, более прогрессивную структуру экономики и повышая ее конкурентоспособность.

Молодежное предпринимательство не ограничивается сферой экономических интересов, оно выполняет также ряд очень важных социальных функций. Прежде всего, это снижение проявления тех негативных явлений (преступность, наркомания и другие виды антисоциального поведения), которые связаны с безработицей. Для многих молодых людей предпринимательство служит своеобразным социальным лифтом, обеспечивая рост социального статуса и признания в обществе. Молодые бизнесмены принимают активное участие в жизни общества, формируют новые ролевые модели, проявляют активную гражданскую позицию, обеспечивая интегративные процессы в местном сообществе.

Молодежное предпринимательство активно влияет и на сферу культуры. Успехи молодых бизнесменов мотивируют других людей к рассмотрению предпринимательской деятельности как достойной альтернативы работы по найму, что создает устойчивую предпринимательскую культуру, являющуюся основой долгосрочного экономического роста. Молодежное предпринимательство меняет облик общества, реализуя новые практики и формируя новые модели жизненного успеха и новые ценности, такие как самореализация, креативность, независимость, гибкость и т.п. Успех в бизнесе становится образцом для подражания, вытесняя традиционные модели карьерного роста. Молодежное предпринимательство часто объединяет бизнес и творчество, способствуя развитию различных сфер культуры. Оно также обращается к поддержке народной культуры, будь то популяризация национальных гастрономических брендов или народных ремесел, обеспечивая актуализацию культурного наследия. Наконец, молодежный бизнес проявляет высокую чувствительность к экологическим ценностям и ценностям социально-ответственного производства, создавая стартапы, в основу которых кладется ответственное отношение к окружающей среде, поддержка локальных производителей и местных сообществ.

В научных исследованиях, посвященных молодежному предпринимательству, выявляются закономерности, особенности и подходы к развитию молодежного предпринимательства. О.А. Александрова с соавторами исследует исходные предпринимательские установки студентов [10]. М.А. Череменская исследует профессиональное самоопределение предпринимателя как ключевого психологического фактора формирования у молодежи готовности к созданию и ведению собственного бизнеса [15]. А. В. Пеша и М. Н. Шавровская на примере России и Чехии проводят сравнительный анализ влияний гендерного фактора на развитие предпринимательских компетенций [8]. Ю.В. Тарануха рассматривает проблемы, связанные с ограничениями креативного предпринимательства [13]. Целый ряд отечественных и зарубежных исследователей рассматривает подходы к развитию молодежного предпринимательства, реализуемые в рамках «третьей миссии» университетов [6, 9, 12, 18]. Многие авторы сосредотачиваются на

исследовании особенностей молодежного предпринимательства в различных регионах нашей страны [1, 3, 4, 14]. Несмотря на большое количество исследований и публикаций по молодежному предпринимательству, сохраняется противоречие между сформировавшимися в обществе и научной среде ожиданиями его вклада в экономическое и социальное развитие России и реально существующей практикой. И даже наличие позитивных тенденций развития молодежного предпринимательства в России не позволяет говорить о существенной реализации его потенциала.

Целью настоящего исследования является попытка системного осмысления молодежного предпринимательства, выявление ограничений и направлений его активизации в условиях современной российской действительности.

Результаты исследования. Для более четкого оперирования понятиями определим категорию населения, называемую молодежью. Федеральный закон № 489-ФЗ от 30 декабря 2020 года «О молодёжной политике в Российской Федерации» устанавливает следующие возрастные границы отнесения граждан к молодежи – от 14 до 35 лет включительно. Соответственно, речь может идти о представителях поколений Y и Z, а если иметь в виду студенческую молодежь, то это практически исключительно представители поколения Z.

Термин «поколение Z» стал общеупотребительным в начале XXI в. применительно к людям, родившимся с 1995 по 2010 год, в значительной степени благодаря американским ученым Н. Хоуву и В. Штраусу, которые в своем фундаментальном труде [19] использовали термин «новое молчаливое поколение» или «поколение домоседов», пришедшее на смену поколению миллениалов (поколение Y).

Исследователи, изучающие поколенческие особенности людей, подчеркивают, что поколение нельзя сводить лишь к определенной возрастной группе. Здесь огромное значение имеет общий исторический опыт, который формируется под воздействием значимых общественных событий в период становления личности. Именно этот опыт во многом определяет

мировоззрение человека, его ценности, отношение к обществу и труду и обуславливает особенности его поведения. Д.А Шевченко отмечает: «Особенностью межпоколенческого подхода в социологии является дифференциация ценностных ориентаций различных поколенческих групп, осуществляющих свою жизнедеятельность в одно время и в одном социальном контексте, под воздействием средств массовой информации» [16, с. 5].

Главной особенностью поколения Z является то, что его представители выросли в условиях сформировавшейся цифровой среды, где доступ к интернету и мобильным устройствам является повседневной нормой. Для данного поколения характерны высокая цифровая грамотность, быстрая адаптация к новым информационным технологиям и выраженная ориентация на гибкость жизненных и трудовых условий. Характеризуя главные поведенческие особенности поколения Z, Д.А Шевченко указывает на «стремление к полной свободе» [16, с. 11], а в трудовой сфере: «Это поколение ... избегает всего того, что связано с физическим трудом и напряжением» [там же]. Характеризуя это поколение, В.И. Ильин пишет: «Эмпирические исследования в разных странах констатируют масштабный феномен «молодежи-NEET», исключенной из сферы занятости и образования. Ее неукоренность в институтах образования и занятости создает «жидкий» базис образа жизни, с ранних лет интегрируя в ряды прекариата» [5, с. 31]. А В.Я. Варшавская по результатам исследования, анализирующего социально-демографический профиль молодежи, отмечает, что «в России уже в 2014 г. каждый восьмой россиянин в возрасте 15-24 лет находился вне сферы занятости и образования, то есть не работал и не учился» [2]. В итоге мы получаем очень специфическую картину: с одной стороны, рассматриваем молодёжное предпринимательство как важное условие экономического роста, с другой, – видим серьезные угрозы депрофессионализации молодежи.

Проблема, которая требует глубокого понимания, – это отношение современной молодежи к работе вообще и к предпринимательству, в частности. Для ответа на этот вопрос сошлемся на результаты нашего исследования, проведенного со студентами Белгородского государственного

национального исследовательского университета [11]. Студентам было предложено выразить одним словом свое отношение к работе. Подавляющая часть студентов (35%) обозначили работу как деньги/доход. То есть более, чем у трети студентов работа рассматривается лишь как инструмент достижения материального благополучия, отсутствует нравственная интерпретация ценности труда. Это не может не вызывать беспокойства. Следующая по удельному весу группа студентов (29%) дала ответы с нейтральной коннотацией (опыт, стабильность, дисциплина, ответственность и т.п.). Еще 26% студентов дали ответы с позитивной коннотацией (успех, интерес, удовольствие, возможность и т.п.). Наконец, у 10% студентов семантические ассоциации, связанные со словом «работа», имеют исключительно негативную коннотацию (нервы, лень, усталость, тяжесть и т.п.). Таким образом, мы получили далеко не самую благоприятную картину, отражающую содержание трудовых установок студенческой молодежи. Результаты другого исследования, проведенного И.Г. Юрковой, коррелируют с нашими выводами: «... выявлены слабо сформированные профессионально важные установки, ориентации и ценности» [17, с. 410].

Следующий вопрос, представляющий интерес в контексте настоящего исследования, – это отношение современной молодежи к предпринимательству. Интересны в этой связи исследования, проведенные Н.А. Кныш с целью выявления знаний и представлений студентов о предпринимателях и предпринимательстве в истории России. По результатам этого исследования автор делает следующий вывод: «Проведённое исследование подтвердило (что совсем не радует) первоначальную авторскую гипотезу о незнании в студенческой среде не только истории предпринимательства и отдельных его представителей, но и низкий уровень знаний о предпринимателях-современниках» [7, с. 114]. И это действительно является проблемой. Ведь, как известно, сначала люди вдохновляются великими образами (в нашем случае – образами успешных предпринимателей) и только потом – идеями (в нашем случае – предпринимательскими идеями). Тем не менее, Н.А. Кныш отмечает при этом, что у студентов «... есть желание

связать свою карьеру со сферой предпринимательства, и этот наметившийся тренд оптимистичен» [там же, с. 115].

Проведенные нами исследования [11] подтвердили эту тенденцию: 36% студентов заявили о своем желании создать собственный бизнес после окончания университета. Студентам также было предложено обозначить свое отношение к собственному бизнесу. Интересно, что доля тех студентов (58%), для которых характерны позитивные ассоциации, связанные со словом «собственный бизнес» (самореализация, самоутверждение, успех, привилегия, мечта, удовольствие, любимое дело, перспектива, уверенность, возможности, смелость, свобода, независимость и т.п.) оказалась значительно выше тех, кто имеет позитивные ассоциации применительно к работе вообще (26%) и тех, кто хотел бы после получения диплома организовать собственный бизнес. Это свидетельствует о высокой привлекательности предпринимательской деятельности даже в глазах тех студентов, которые по каким-либо причинам не видят себя в этой сфере. В числе таких причин студенты назвали:

- боязнь все потерять (студенты довольно объективно оценивают риски, связанные с ведением собственного бизнеса);
- отсутствие финансовых средств (студенты знакомы со сложностями формирования начального капитала – банковские структуры часто неохотно кредитуют молодёжь из-за высоких рисков, отсутствие залоговой базы также становится препятствием для получения кредитов);
- недостаток опыта, компетенций, необходимых ролевых моделей и предпринимательских качеств (студенты указывали на ограниченное знание юридических тонкостей ведения бизнеса, опасение неправильно оценить рыночные возможности, среди наиболее востребованных, но недостаточно развитых личностных качеств они называли стрессоустойчивость, высокую самооценку и решительность, а ролевых моделей – лидерство).

Отметим также наличие административных барьеров, бюрократических процедур (которые, справедливости говоря, сокращаются в последнее время) и высокой налоговой нагрузки – все это также служит ограничениями в реализации студентами желания создать собственный бизнес.

За перечислением всех негативных моментов легко не увидеть то, что создает предпосылки к развитию потенциала молодежного предпринимательства. Эти предпосылки имеют отношение как к внешним, так и внутренним факторам. К числу первых следует отнести:

- усиление мер государственной поддержки развития молодежного предпринимательства (в последние годы был принят целый ряд законодательных актов, рассматривающих молодежное предпринимательство и его развитие в качестве главной стратегической задачи государства: Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», Распоряжение правительства РФ «Об утверждении стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» и др.), включая меры финансовой поддержки путем выделения грантов для молодых предпринимателей:

- развитие цифровых платформ, облачных сервисов, электронной коммерции, удалённой работы и стартап-культуры – все это открывает новые возможности для молодёжи для запуска бизнеса с минимальными первоначальными вложениями. Современные цифровые технологии кардинально снизили входной порог в бизнес. Использование цифровых платформ, социальных сетей и других цифровых площадок позволяет молодежи продвигать свой бизнес без особых затрат;

- развитие инфраструктурной поддержки (по всей стране сегодня активно разворачивается процесс создания физической и виртуальной среды для развития бизнеса: бизнес-инкубаторы, акселераторы, фонды поддержки предпринимательства и другие аналогичные структуры предоставляют коворкинги, наставническую поддержку, обеспечивают доступ к инвесторам, компенсацию части затрат на открытие бизнеса или предоставление льготных кредитов, что создает поддержку на ранних стадиях развития бизнеса;

- развитие образовательной поддержки (для успеха в бизнесе важны не только финансовые ресурсы, но и знания и специальные предпринимательские компетенции, поэтому в последние годы в стране активно развивается сеть обучающих семинаров, курсов и вебинаров, охватывающих все аспекты ведения

бизнеса: от регистрации бизнеса до его успешного продвижения). Активную позицию в этом вопросе занимают вузы в рамках реализации «третьей миссии университетов [12, 18]);

- общий культурный сдвиг в обществе, связанный с признанием и принятием частного бизнеса как достойной формы занятости. В современной культуре, в различных средствах массовой информации и особенно в социальных сетях активно тиражируется, а иногда и романтизируется образ удачного предпринимателя. Примеры сверстников, успешно реализующих IT-стартапы или ведущих собственные блоги, служат для молодежи мощным драйвером для подражания.

Говоря о внутренних факторах развития предпринимательского потенциала молодежи, мы имеем в виду те личностные особенности и качества, которые присущи молодому поколению. Выше мы отмечали принадлежность этого поколения к поколению Z и некоторые моменты, связанные с отношением к труду в целом, вызывающие озабоченность современных исследователей. Тем не менее, опять же, есть и позитивные моменты, которые позволяют рассчитывать на более активное участие молодежи в предпринимательской деятельности. Прежде всего, это высокая привлекательность собственного бизнеса в глазах молодежи, которая обуславливается целым комплексом факторов, принципиально отличающихся от мотивации предыдущих поколений.

Во-первых, это стремление к свободе как важнейшему ценностному ориентиру. Как показали наши исследования [11], 55% студентов в качестве основного преимущества собственного бизнеса называют свободу действий, независимость. Традиционный способ занятости – работа по найму – теряет свою привлекательность у молодежи, так как ассоциируется с отсутствием свободы (жесткий график, необходимость подчиняться распоряжениям руководства). И наоборот, собственный бизнес видится молодежью как возможность избежать подчиненности и достичь автономии, возможность самостоятельно распоряжаться своим временем и выбирать деятельность по душе.

Во-вторых, это стремление к высокому доходу. На этот фактор, обуславливающий привлекательность собственного бизнеса, в нашем

исследовании [11] указали 39% опрошиваемых, обозначив его как материальное благосостояние, отсутствие денежного «потолка». Молодежь понимает, что при работе по найму, какой бы ни была высокой оплата труда, существует естественный её «потолок», определяемой принятой в организации политикой стимулирования персонала. В работе же на себя они видят неограниченную возможность повышения собственных доходов, определяемых только собственными усилиями и масштабом бизнеса. Таким образом, стремление достичь высокого материального благосостояния служит весомым мотиватором к осуществлению предпринимательской деятельности.

В-третьих, не стоит сбрасывать со счетов и более высокие мотивы, определяющие привлекательность предпринимательской деятельности для молодежи. Несмотря на известный рационализм, значительной части молодежи свойственны не только стремления к финансовому благополучию, но и поиску глубокого смысла в работе. 27% студентов из опрошенных нами обозначили в качестве преимуществ собственного бизнеса возможность реализации собственных идей, воплощения своих целей, решения реальных социальных проблем, ощущения сопричастности и собственной значимости. Предпринимательская деятельность рассматривается ими как наиболее привлекательная сфера реализации своих талантов, самореализации.

Наконец, значимый вклад в стремление заниматься собственным бизнесом вносят хорошо развитые у молодежи цифровые навыки. Они позволяют создавать и продвигать свои новые продукты (онлайн-сервисы, сайты, мобильные приложения и др.), в режиме реального времени получать обратную реакцию рынка и ощущать удовлетворенность при росте числа подписчиков, повышении конверсии на сайте, получении положительных отзывов, а при получении негативных отзывов – учиться на своих ошибках и быстро корректировать подходы к ведению бизнеса. Все это способствует формированию нового мышления у молодежи, уверенности в собственных силах и возможностях. По сути, развитые цифровые навыки уже сами по себе являются товаром, позволяя молодым людям превратить свое хобби (музыка, художественное творчество, игры и т.п.) в полноценный бизнес.

Таким образом, в пользу развития предпринимательского потенциала молодежи «работает» целый ряд внешних и внутренних факторов. Высокая привлекательность ведения собственного бизнеса обеспечивается стремлением молодежи к свободе действий, материальному благосостоянию, поиску смысла в работе, самореализации. А внешние факторы, включая государственную и инфраструктурную поддержку, новые технологические, в том числе цифровые возможности, а также культурная среда, формирующая ролевую модель успешного предпринимателя, создают хорошую основу для поддержки предпринимательских инициатив молодежи. На рисунке представлена попытка системного осмысления потенциала молодежного предпринимательства.

В раскрытии и максимальном использовании молодежного предпринимательского потенциала большая роль принадлежит университетам, реализующим «третью миссию», которая в дополнение к традиционным задачам образования и научных исследований «включает в себя социальную и предпринимательскую предприимчивость и способность к инновациям» [12].

Заключение. Молодёжное предпринимательство – это не только экономический, но и важный социальный феномен, способствующий модернизации общества. Для его активизации необходим комплексный подход: сочетание образовательных инициатив, государственной поддержки, развития инфраструктуры и формирования благоприятной культурной среды. Преодоление существующих барьеров позволит раскрыть потенциал молодёжи как драйвера инновационного развития страны. Основные меры поддержки молодежного предпринимательства в современной России должны включать:

1) создание условий для доступа молодежи к финансовым и материально-техническим ресурсам за счет развития грантовых программ, предоставления налоговых каникул на первые годы жизни стартапа, облегчения доступа к коворкингам, дата-центрам, технопаркам, бизнес-инкубаторам, цифровым платформам и другим объектам инфраструктуры коллективных пространств;

2) качественное преобразование университетских образовательных программ в направлении практико-ориентированного и проектного обучения, внедрения программ наставничества и стажировок студентов в передовых

компаниях для получения практического опыта, а также программ развития предпринимательских компетенций и качеств;

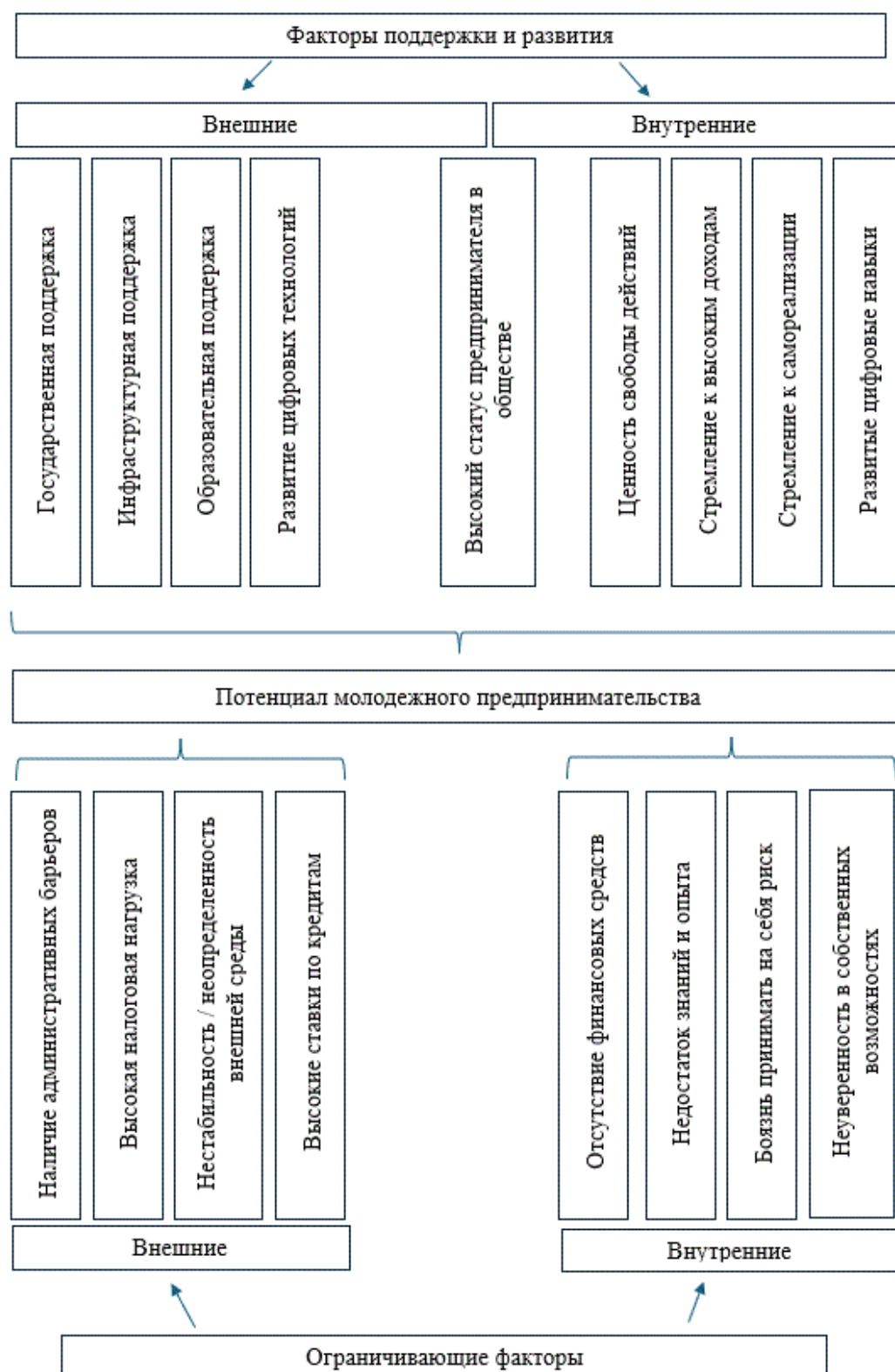

Рис. Потенциал молодежного предпринимательства: системное представление
Источник: разработано авторами

3) формирование позитивного имиджа предпринимателя в СМИ и социальных сетях. В средствах массовой информации важно отойти от стереотипного представления предпринимателя как человека, стремящегося достичь сверхприбылей и перейти к формированию образа предпринимателя как созидателя и активного гражданина своей страны.

Системное использование данных мер позволит создать привлекательную для молодежи предпринимательскую экосистему, в которой любой молодой человек, стремящийся к созданию собственного бизнеса, приобретает уверенность за счет четкого видения своих возможностей на всем пути предпринимательского процесса: от формирования идеи до выпуска конкретного продукта на рынок.

Список использованной литературы:

1. Атласкиров А. Р. Трудовые установки студенческой молодежи Северного Кавказа // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16. № 2. С. 71-85. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.5. EDN: BJKBRA.
2. Варшавская Е. Российская NEET-молодежь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31-39.
3. Винокурова А.В., Бадараев Д.Д., Очиров И.М. Профессионально-трудовые ориентации: мнения, суждения, оценки (на материалах Республики Бурятия) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 5. С. 26-31. DOI: 10.24158/spp.2021.5.3.
4. Гвоздева Е.С., Гвоздева Г.П., Боброва В.Ю. Куда и почему стремится образованная молодежь из восточных регионов России // ЭКО. 2024. № 5. С. 141-164. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-141-164.
5. Ильин В.И. Социальный серфинг как модель молодежного образа жизни // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 28-48. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.02.
6. Исследование программ предпринимательского образования в России: ожидания стейкхолдеров и практика университетов / А. А. Яшин [и др.] // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 9. С. 92-117. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-9-92-117.
7. Кныш Н. А. Предприниматели прошлого и настоящего в восприятии студенческой молодёжи // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 2 (38). С. 108-116. DOI: 10.24147/2312-1300.2023. 10(2).108-116.
8. Пеша А. В., Шавровская М. Н., Каха З. Развитие предпринимательских компетенций студентов бакалавриата России и Чехии: гендерный аспект //

Образование и наука. 2022. Т. 24, № 1. С. 101-134. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-1-101-134.

9. Предпринимательское мышление – универсальная компетенция выпускника вуза / О.Р. Чепьюк [и др.] // ЭКО. 2023. № 3. С. 47-67. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-3-47-67.

10. Предпринимательские установки как элемент финансово-экономической культуры студенческой молодёжи / О.А. Александрова [и др.] // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 3. С. 103-115. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.8. EDN: HGLAHT.

11. Слинкова О.К., Вишневская Е.В. Дилемма «работа по найму – собственный бизнес» в представлениях современного студенчества // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2026. Т. 12, № 2. С. 211-225. DOI: 10.18413/2408-9346-2026-12-2-1-7.

12. Тавбулатова З.К., Чаплаев Х.Г. Третья миссия университета и ее роль в стратегическом процессе развития вуза // Экономические исследования. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tretya-missiya-universiteta-i-ee-rol-v-strategicheskom-protssesse-razvitiya-vuza/viewer> (дата обращения 10.06.2026).

13. Тарануха Ю.В. Что мешает переходу к креативному предпринимательству? // Общественные науки и современность. 2022. № 3. С. 67-87. DOI: 10.31857/S0869049922030054. EDN: EWOCET.

14. Холодный В.К., Василенко М.Е. Студенческое предпринимательство в Приморском крае // ЭКО. 2016. № 1. С. 170-175.

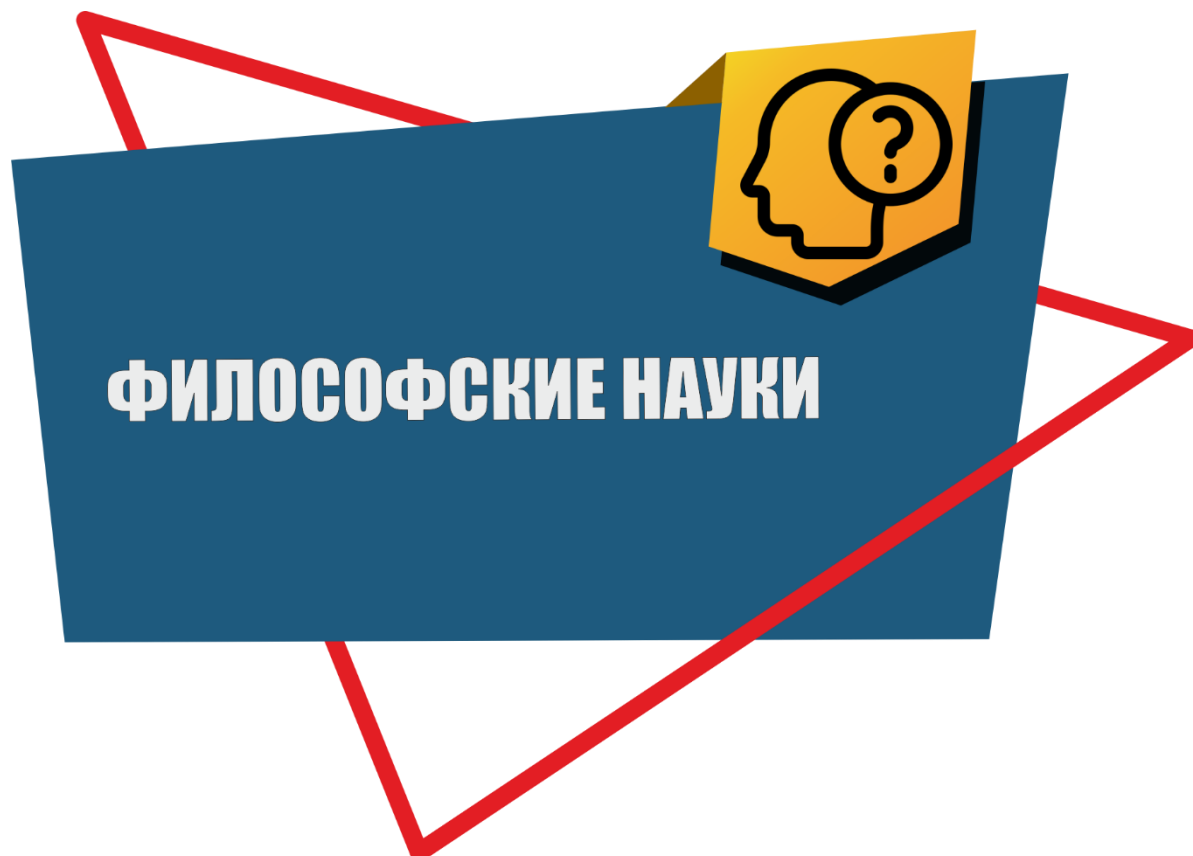
15. Череменская М.А. Профессиональное самоопределение предпринимателя: этапы и факторы // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. № 17 (3). С. 116-145. DOI: 10.11621/ТЕР-24-36.

16. Шевченко Д.А. Исследование потребительского поведения крупных сегментов рынка в России: поколенческий подход // Практический маркетинг. 2013. № 4 (194). С. 4-13.

17. Юркова И.Г., Шлюбуль Е.Ю., Лебедева Ю.А. Профессиональные представления студенческой молодежи: структурные особенности // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-2. С. 407-410.

18. Rubens, A. et al. Universities third mission and the entrepreneurial university and the challenges they bring to higher education institutions // Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy. 2017. Т. 11. No. 3. Pp. 354-372. DOI: [10.1108/JEC-01-2017-0006](https://doi.org/10.1108/JEC-01-2017-0006). URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1108/jec-01-2017-0006> (дата обращения 10.06.2026).

19. Strauss, W. & Howe, N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow and Company, 1991.

УДК 7.046.1

ГЛАВА 3

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК СПОСОБ ОСВОЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ОТ АРХАИКИ К СОВРЕМЕННОСТИ

БЕЛЯКОВ Н.С.

к. филос. н., ассистент кафедры
философии культурологии УУНиТ,
г. Уфа, РФ

Аннотация. Современное общество отличается высокой динамикой происходящих в нем процессов, вследствие чего актуализируется проблема межпоколенческих конфликтов. В сложившихся условиях представляется необходимым поиск универсальных элементов мировосприятия, присущих различным поколениям людей. Одним из них являются мифологические образы. В настоящем исследовании представлено рассмотрение специфики и функционала мифологического сознания в его историческом развитии от архаики к современному этапу.

Ключевые слова. Миф, мифологическое сознание, религия, наука, общество, архаика, современность, картина мира, ценности

Современное общество крайне динамично. Информатизация и широкое внедрение инновационных технологий ведет к трансформации коммуникационного пространства, и, как следствие, к общим системным изменениям в обществе. Представления о традиционных социальных институтах, социальных ролях, гендерные стереотипы, складывавшиеся в рамках предшествующих этапов общественного развития, становятся в некотором отношении оторванными от наличествующей социально-культурной и экономической реальности. При этом начинает обостряться проблема диалога поколений.

Эта проблема существовала и ранее: молодежь всегда ассоциировалась с новаторством и даже некоторым бунтарством. Однако в условиях традиционного и, отчасти, даже индустриального общества разрыв между поколениями был намного менее ярким. Динамика общественных процессов была ниже, вследствие чего сохранялось значительное число непреходящих

ценностей и практик, разделяемых всеми поколениями. Они составляли ядро ценно-смысловой матрицы восприятия действительности. К числу подобных примеров можно отнести, например, религию (отношение к религии и церкви безусловно менялось, но сама идея религиозности оставалась неизменным маркером общественного сознания на протяжении столетий), семейные отношения и основные социальные роли в соответствии с полом, возрастом и происхождением и др.

В настоящее время подобное ценностно-смысловое ядро оказалось в значительной степени деконструировано. Общие интегративные ценности остались, однако в значительно меньшем объеме и преимущественно на уровне предельно общих аксиологических установок – право на жизнь и стремление к достойному уровню жизни, экономическое благосостояние и др. Однако в целом можно говорить о явной тенденции к сегментации общества, когда каждая поколенческая группа обладает собственным видением мира, и, соответственно, отношением к труду, государству, религии, семье.

Наличие подобных групп усложняет систему общественных отношений и приводит к социальным конфликтам. В значительной степени это усилятся тем фактом, что властные полномочия сосредоточены в руках старшего поколения, которое иногда целенаправленно, а отчасти и подсознательно, стремится сохранить статус-кво и законсервировать привычную им картину мира. Не будем спорить, в некоторых случаях традиционные социальные практики действительно более эффективны, однако если их отношение к наблюдаемой социальной реальности перестает быть непосредственным, то их сохранение директивными методами, скорее всего не принесет ожидаемого социального эффекта.

В сложившейся ситуации особую значимость приобретает поиск общих ценностно-смысловых элементов в сознании представителей различных поколений. Общество не может быть устойчивым и гармонично развивающимся если оно не обладает внутренним единством.

В условиях идеологического и религиозного плюрализма, характерного для современного общества представляется необходимым обратиться к одной из самых древних и глубоко интегрированных в сознание человека форм

объяснения действительности – мифологии. Несмотря на то, что эпоха классического мифа давно завершилась, наличие мифологизированных образов в системе восприятия мира является неотъемлемым элементом в сознании каждого человека. Поэтому разрешение глобальных вызовов, стоящих перед обществом невозможно без обращения «назад», к мифу.

Мифологическое сознание является древнейшей из доступных человеку форм освоения действительности и осмысления мира. Миф являлся основной человеческого сознания задолго до возникновения целостных философских и религиозных систем, не говоря уже о науке, и продолжает играть значительную роль вплоть до настоящего времени. Человеческое мышление, даже на современном этапе своего развития, не мыслимо без мифологической составляющей.

Миф можно рассматривать и как один из атрибутов сознания [1]. Необходимо отметить, что миф на разных этапах развития человечества занимает различную позицию по своей значимости и яркости, но остается во всех исторических периодах базовым пунктом мышления и сознания. Наиболее четко миф являет себя в архаическую эпоху, а в рамках современной цивилизации он отчасти латентен и замечен не столь ярко.

Поскольку мифологическое сознание является одним из древнейших, то история осмысления данного явления в рамках философии имеет также очень глубокие корни. Первые попытки анализа причин возникновения мифа и его истолкования относятся еще к эпохе античности. Например, Аристотель полагал, что мифы создаются законодателями и политиками «для внушения толпе, для соблюдения законов и для выгоды закону» [2. с.315].

Иногда в мифе усматривалась определенная аллегория на какие-либо исторические события или иные проявления человеческого опыта. К исследователям, примыкающим к данному направлению, можно причислить Ф. Бэкона [4]. В дальнейшем такой подход будет подвергнут критике. В работе «Диалектика мифа» [10] А.Ф. Лосев утверждает, что миф не есть аллегория, поскольку идея и образ в нем тождественны. То есть мы сравниваем что-то с чем-то не потому, что они похожи, а потому, что они и есть одно и то же.

Существовало даже такое направление, в рамках которого считалось, что термин «миф» обозначает исключительно выдумку и носит несколько уничижительный оттенок по сравнению с современным сознанием и мышлением. Мифом называли сказки, не имеющие под собой никакого основания кроме фантазии, а носителем мифологического сознания, согласно данным теориям, являлись исключительно варварские народы. Одним из первых такое толкование проблемы дал философ-досократик Ксенофан Колофонский, который критикует Гомера и Гесиода за антропоморфное понимание божеств. [6. с.60].

Интерес к изучению мифологии в целом усиливается в Новое время, что вызвано эпохой географических открытий и контактом европейцев с народами, которые находились на стадии развития, близкой к архаической.

В XVIII в. свет увидела «Новая наука» Дж. Вико [5], где миф понимается как поэтическая, насыщенная образами история, однако совершенно необходимая для возможности дальнейшего исторического познания.

В XIX в. Э.Б. Тайлор [17] развивает эволюционистскую концепцию мифа. Согласно данной концепции в основе мифов лежит анимизм. Миф – это первобытные мысли об окружающем мире. Занимался изучением мифологического сознания и ученик Э.Б. Тайлора Д.Д. Фрезер [19], который утверждал, что в основе мифа лежит магия. Большое значение он придавал обрядовой традиции и объяснительной функции мифологического сознания.

Постепенно миф перестают трактовать как нечто примитивное, варварское, и за ним закрепляется новое значение: «... миф тоже истина, или ее эквивалент, и с истиной научной или исторической он отнюдь не спорит - он дополняет их» [18. с.207]. То есть, мифологическое сознание не теряет своей актуальности в современности, а миф есть нечто большее, чем только сказка.

Таким образом, изучение мифологического сознания и мифологии в целом началось еще в древности, и особенно актуализировалось в XIX-XX вв. Возникает множество теорий осмысления мифа.

Миф, несомненно, можно характеризовать как носитель определенного онтологического статуса. Это отмечает, например, К. Хюбнер. Он пишет, что

«миф является самодостаточной онтологической системой, так как обладает априорным фундаментом, посредством которого происходит интерпретация реальности» [20. с.170]. Миф понимается как мировосприятие, которое содержит в себе онтологическую модель истолкования, определенную историческим и культурным контекстом. Для человека, сознание которого детерминировано мифологическими константами, не существует какой-либо другой объективной и субъективной реальности, кроме мифологической. Образы мифологического сознания не только воспринимаются как правда, но трактуются как наиболее яркая, самая подлинная действительность. Это совершенно необходимая категория мыслей и жизни. Если говорить о мифе как об определенной эпохе в развитии сознания, то он не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определенную структуру и является категорией сознания и бытия вообще.

Мифологическое сознание – это одна из самых устойчивых структур, рожденных человеческим разумом. Проблема мифа как формы бытия сознания человека нашла отражение, например, в концепции А.Ф. Лосева. Миф, по словам А.Ф. Лосева, насыщен «эмоциями, а также примитивно-жизненными и трудовыми реакциями человека на окружающее» [11. с.591-592]. Он есть само бытие, которое выступает основой целостного существования личности и культуры.

В мифологическом сознании выработаны собственные принципы, по которым идет построение мифологических образов и их отношения между собой. Однако в рамках сознания такого типа данные образы не понимаются как нечто выдуманное, а напротив, воспринимаются человеком, погруженным в мифологическую реальность, как абсолютно реальные.

Многие исследователи констатируют, что человек архаической эпохи верит в миф, как в реальность. Во многом это действительно так, однако, здесь важно отметить, что, во-первых, человек не просто верит в эти образы, а это и есть для него реальность, а во-вторых, эта вера (если ее можно назвать верой) характеризует во многом дорелигиозную стадию мифологического сознания. Важно не допускать подмены мифа религией несмотря на то, что они тесно взаимосвязаны.

Другая ошибка связана с отождествлением терминов «миф» и «обман». Действительно, в разговорной речи, в обыденном сознании эти понятия мало различимы. Но тогда мифом, по аналогии, можно назвать любую ложь, в которую кто-то верит. А мифологическое сознание есть тогда полная профанация, не имеющая никакого значения. Но миф – это не обман, а эмоционально-ценностная картина мира, которая является абсолютно реальной для человека, сознание которого определяется мифологическими смыслами [10].

Если рассматривать модели отношения человека к человеку, то традиционный идеал западных этических ценностей был привнесён христианством. В дальнейшем он, естественно, прошел ряд преобразований. Но, в целом, по нашему мнению, даже в основе современного конституированного в нормативных рамках права лежат моральные нормы христианства, такие, как: «не убий», «не укради», «возлюби ближнего своего» и т.д., которые должны быть распространены на все человечество, вне зависимости от нации, веры и иных факторов.

В рамках классического мифа ценностная картина совершенно иная. Например, убийство – это совершенно не обязательно грех. Убийство, совершенное без надобности, из корыстных побуждений – бесспорно зло, и как показывают мифологические сюжеты, судьба всегда жестоко мстит убийце. Например, история о Ликаоне, убившем ребенка для того, чтобы испытать всеведение богов. Но, в то же время, убийство, совершенное во имя достойных дел, с благоволения богов, никак не карается и даже восхваляется. Оно может рассматриваться даже как некий символ перехода к новому этапу своего существования. Например, во время инициации или как знак окончания (начала) какого-либо иного процесса.

Помимо всего вышеперечисленного, мифологическое сознание играет еще одну крайне важную роль. Существуют теории, согласно которым, последующее становление человека, выраженное в эволюции его сознания и появлении философии, а в дальнейшем и науки, изначально обусловлено мифологическим сознанием. Например, возникновение философии можно

рассматривать как следствие мифологического восприятия мира (даже философия Платона, в значительной мере опирается на мифологические сюжеты, не говоря уже о более ранних философах).

Большинство современных исследователей не подвергают сомнению временную последовательность, идущую от мифологического сознания к философскому. Именно древние мифы создали тот контекст, в рамках которого стало возможным развитие философии со всеми ее разделами. Л.А. Ляховецкий пишет, что «сегодняшняя проблематика происхождения философии ничего равноценного противопоставить концепции мифогенной не может» [12. с.103]. Разумеется, что процесс преодоления мифических представлений, расчленение субъективно-объективной тождественности мифа или демифологизация, происходит, согласно каждой теории по-разному, различно и признание влияния мифа. Со временем, если так можно выразиться, свободное мифотворчество ставится под некий контроль и возможность свободы творчества, но уже на логико-понятийном уровне, переходит к философам. Миф, таким образом, становится одним из источников их творчества [9].

Как уже было сказано, в эволюции сознания человека принято выделять различные этапы, самым ранним из которых является мифологическое сознание. В течение долгого времени считалось, что развитие человека протекает по пути отказа от иррационального мифологического сознания и мышления. Таким образом, согласно рационалистической концепции, архаические, мифологические формы сознания, которые предшествуют логическому, аналитическому и научному мышлению, постепенно изживаются.

Однако существуют и альтернативные точки зрения. Например, если рассматривать миф с точки зрения психоанализа, то в основе мифологического опыта лежат «измененные состояния сознания», которые существуют на любом уровне развития общества. В рамках данного направления мифологическое мышление проявляется вследствие действия компенсаторных механизмов бессознательного. Бессознательное восполняет относительную фрагментарность рационального сознания, которая неизбежно

возникает вследствие того, что воплощение рациональной деятельности человека на данном историческом этапе всегда ограничено. Уровень научной познанности мира даже на современном этапе достаточно мал. Тем самым, благодаря бессознательному, происходит «достраивание» целостности мира.

К.Г. Юнг пишет, что коллективное бессознательное есть один из видов бессознательного, одинаково присущий для всех людей вне зависимости от их личного опыта. [23]. К проявлениям коллективного бессознательного относят психологическую предрасположенность людей, воспитание которых проходит в рамках одной культуры к сходной реакции в однотипных жизненных ситуациях. Подобного рода элементы получили наименование архетипов – устойчивых схематических мыслеформ, заложенных в сознании человека еще до его рождения и выраженных в ритуалах, культурных символах и конечном итоге в мифах. Они определялись К.Г. Юнгом, как «типичные способы понимания, и где бы мы ни встречали единообразно и регулярно повторяющиеся способы понимания, мы имеем дело с архетипом независимо от того, распознается ли его мифологический характер или нет» [24. с.336].

Мифологическое сознание можно рассматривать как начальную ступень, на которую надстраивались дальнейшие элементы, постепенно трансформируя к привычной нам рациональности. Но при этом базовые основы мифологического сознания сохранились в мышлении и нуждаются только в определенном толчке, чтобы вновь заявить о себе, что хорошо видно на примере современного общества.

Важно подчеркнуть, что миф в современном социальном плане не сводим к своим проявлениям в рамках политики или идеологии. Мифологический пласт в сознании, без сомнения, можно попытаться использовать, при конструировании идеологических или иных образов, но сведение мифа только к данным факторам было бы сильным редуцированием, если не искажением данной проблематики. Миф создает особую форму социального и индивидуального бытия человека.

В ряде случаев бывает крайне выгодно опираться на элементы мифологического мышления в современном социуме и даже пытаться

сознательно культивировать их. Так, например, в рамках политологической интерпретации мифа [7]. При такой трактовке мы видим отождествление категорий мифического и ложного, что с нашей точки зрения не совсем верно, так как обращаясь к мифологическому сознанию, мы говорим, что его образы есть реальность для человека в них верящего.

В рамках данной концепции мы можем использовать элементы мифа, но это делается уже отчасти сознательно, то есть, используя некий образ, мы понимаем, что это не реальность, а фантазия, сконструированная, однако, таким образом, что люди непосвященные могут принять ее за истину. Такого рода практики активно используются в современной политике или рекламе. Но их продукт не являются мифом в полном смысле этого слова.

Сознание современного человека, в отличие от человека архаического, не терпит синкретичного соединения, казалось бы, несоединимых, противоположных категорий в рамках одного целого. В границах мифа жизнь и смерть, сакральное и профанное, свет и тьма и др. способны слиться воедино, не потеряв при этом самих себя и не разрушив таким, по современным меркам, противоречием координационную сетку сознания архаического человека. В рамках мифологического сознания можно найти путь в мир мертвых и вернуться назад, что мы видим, например, в мифе об Орфее и Эвридике; боги спокойно могут жить среди людей и доступны не только группам посвященных, а любому, кто их даже случайно встретит и др. Нашлось в рамках мифа место соединению мужского и женского начала, что отразилось в мифе об андрогинах. Причем это были не уроды-гермафродиты, а существа, подобные богам, так как они объединяли в себе и постигали оба начала.

Классическая рациональность, лежащая в основе современного миропонимания, оперирует субъект-объектными отношениями. По такой схеме была построена вся классическая наука, а если рассматривать в целом, то и стиль мышления человека нового времени. Для современного миропонимания прорывом был переход от классики к неклассике и постнеклассике, которая в некоторой степени отходит от такой логики, и где классический субъект и объект начинают рассматриваются как тесно связанные, дополняющие друг

друга элементы. Говоря об этом, интересно заметить, что мифологическое сознание оперировало отношениями близкими к субъект-субъектным (человек – только одна из частей Космоса), то есть современное нововведение, возможно, есть новое диалектическое воплощение старого опыта.

Таким образом, осмысляя мир научно (рационально), мы изначально стараемся абстрагироваться от него, позиционируем себя как нечто находящееся на разных плоскостях с познаваемым объектом (миром), как то, что способно к объективным суждениям. Если говорить о практической реализации данной, казалось бы, теоретической проблемы, то она является одним из ключевых факторов, которые привели к глобальным проблемам современности как в социальном, так и общепланетарном масштабе.

Если рассматривать данную проблему через призму бинарных оппозиций (свет-тьма, жизнь-смерть, мужское-женское и др.), то медиация, то есть посредничество, способ найти определенный компромисс между оппозициями (или хотя бы стремление найти данный медиатор), которая в рамках мифологического сознания способна удержать противоположные полюсы бытия в состоянии гармонии, в эпоху классической рациональности почти исчезает. Идеал классического сознания человека не ищет медиатора, наоборот, истина уже дана в одном из полюсов бытия.

По нашему мнению, большой толчок к отказу от поиска медиатора в процессе перехода от мифологического к классическо-рациональному сознанию сыграла религия. Феномен религиозной веры возникает на этапе разложения архаического мифологического сознания. Практический опыт, накопленный путем освоения окружающего мира, постепенно получает определенную рационально-понятийную интерпретацию и все более противоречит мифологическому тождеству субъекта и объекта, происходит кризис мифологических ценностей, возникают сомнения в непротиворечивости мифологической ценностной картины мира. Шеллинг писал, что именно «кризис мифологического сознания дал эллинам Богов» [21. с.132].

Языческие религии еще не привели к полному кризису мифологического сознания, которое дало явную трещину лишь с возникновением развитых

монотеистических религий, в рамках которых такие бинарные оппозиции, как добро и зло, свет и тьма, жизнь и смерть оказались разведены по разные стороны баррикад. В рамках данного типа религий, к которым можно отнести, в первую очередь, христианство и ислам впервые присутствует абсолютизация только одного из нескольких полюсов бытия, наделение его исключительно положительными качествами и свойствами. В то время как противоположный ему полюс объявляется абсолютным злом. Какое-либо дальнейшее осмысление данной проблемы, попытки ее смягчения или снятия в рамках догматичного религиозного сознания строго запрещены. «Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» [3. с.292].

Конечно, религия сама по себе не несла никакой разрушительной цели и к современному этапу развития сознания вообще отошла на второй план, уступив место науке или иным формам осмысления мира, однако, сам стиль и идеал мышления сохранился и поныне.

Вернемся к практическим проблемам, которые возникли в результате разрушения синкретизма мифологического сознания. Рассмотрим, например, проблему экологии, стоящую так остро перед современным человечеством. Господствующее отношение к природе вплоть до конца XX в. правильнее всего объединить термином экофобность. Экофобию мы будем рассматривать, во-первых, как противопоставление человека и природы, в каком-то смысле даже боязнь природных явлений. Во-вторых, как рационалистическое отношение к природе как собственности человечества. Данный подход характеризуется утилитаризмом и прагматизмом. Природа перестает нести значительную самооценку самим фактом своего существования, а становится объектом человеческих манипуляций. Чаще всего экофобия не выступает в виде осознанных действий, внешне люди могут выражать даже любовь к природе, но результаты их действий идут ей во вред. Результат такого отношения к природе мы видим повсеместно, даже осознав данную проблему и стараясь ее исправить, человек все равно ставит себя выше природы, так как именно он есть тот, кто самостоятельно в силах разрешить проблему.

Современное бурное развитие науки есть следствие данного отношения к миру, который нужно исследовать и покорять. В древности наука, если не рассматривать ее как жестко структурированную систему, также присутствовала. Еще в античности было сделано множество открытий, вплоть до конструирования подобия парового двигателя. Однако большая часть из них не нашла широкого практического применения и осталась на уровне макетов, единичных прототипов или игрушек. Такое непрагматичное отношение к новшествам, есть, на наш взгляд, отражение сознания античного человека, который не видел возможности, да и необходимости в скорейшем изменении Космоса в угоду своим интересам.

Для мифологического сознания рассмотренное выше противопоставление человека и природы попросту невозможно. Человек есть микрокосм, неотъемлемая часть Космоса. Космос здесь не объект, а равноправный живой субъект, что отмечает, например, А.Ф. Лосев: «Земля здесь не просто земля, а небо не просто небо, но это два живых существа» [11]. Конечно, в это время человек уже выделил себя из природы, но, выделяя себя, он осознавал, что является частью еще большего целого, коим и является Космос.

Многие исследователи отмечают, что синкретичность в мифологическом сознании достигается вследствие того, что миф опирается на неразвитое или дологическое сознание. Например, Л. Леви-Брюль объясняет такой стиль мышления при помощи закона партиципации. Согласно Л. Леви-Брюлю мышление архаического человека не подчиняется логическому закону противоречия и допускает сочетание противоположностей в одном представлении. [15]. То есть происходит создание недугального, непротиворечивого бытия.

В отличие от Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросс не считал мифологическое сознание однозначно зачаточным и дологическим. Согласно К. Леви-Строссу, оно способно к обобщениям, классификации и анализу и подчиняется особой структуре, в рамках которой и выделяют институт бинарных оппозиций (хотя человеческое мышление, в целом, гораздо сложнее). К. Леви-Стросс считал,

что сущность мифа заключена в особой структуре, выраженной в конкретном сюжете. Миф отсылает нас к прошлым событиям, проанализировав которые, можно выделить ряд постоянных структур, действенных и в настоящем времени. При должном анализе в мифе можно обнаружить все то, что в истории культуры развито и развернуто. Такое толкование проблемы дало основание К. Леви-Строссу рассматривать логику мифологического сознания не менее взыскательной, чем логику научного мышления.

Действительно, мы не можем утверждать, что мифологическое сознание абсолютно дологично. Например, К. Хюбнер считает, что миф и наука различны только с точки зрения содержания эмпирического опыта, но одинаково рациональны по формальной стороне [20].

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что в роли специфического компонента мифологического сознания выступают такие факторы как синкретичность, относительная дорефлективность и иррациональность, чувственность, что выражается в образно-символической и эмоционально-ценностной форме отражения реальности. А.Ф. Лосев, описывая мифологическое сознание, отмечает: «Миф... ни в коем случае не есть какая-нибудь рефлексия. Он всегда некая явленность, непосредственная и наивная действительность, видимая и осязаемая изваянность жизни» [10. с.100].

Образы мифологического сознания нельзя трактовать как выдумку и обман, поскольку для человека, сознание которого детерминировано мифологическими образами они есть подлинная реальность. Мы говорим именно об освоении действительности в рамках мифологического сознания, поскольку человек не просто отражает полученные объективные данные о мире, пропускает их через себя, сам создает и конструирует образ действительности посредством наделения явлений определенным смыслом и значимостью. Поскольку мифологическое сознание является древнейшим, то мы можем говорить, что на его основе родились и последующие формы сознания и постижения мира. По нашему мнению, отход от классического мифологического сознания наметился с возникновением развитых религий, разрушивших синкретичное пространство мифологического миропонимания.

Тем не менее, следы мифологического сознания заметны в мышлении современного человека. Также мы считаем, что говорить о мифологическом сознании как об исключительно дологичном не совсем правомерно.

Список использованной литературы

1. Алпеева Т.М. Социальный миф: сущность, структура. Минск: Университетское образование, 1992. 208 с.
2. Аристотель. Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1975-1984. Т. 1 С. 550 с.
3. Библия. Каноническое издание в русском переводе с параллельными местами. 292 с.
4. Бэкон Ф. О мудрости древних. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 575 с.
5. Вико. Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.-К.: REFL-book, 1994. 656 с.
6. Дератани Н.Ф., Тимофеева Н.А. Хрестоматия по античной литературе в 2 т. М.: Просвещение, 1965. Т. 1. 679 с.
7. Ибрагимова В. Г. Современная политическая мифология: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ибрагимова В.Г. М.: 1993, 18 с.
8. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: Алетейя, 2005. 368 с.
9. Кудряшев А.Ф., Потапова С.В. Онтология и миф в генезисе философии. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 130 с.
10. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Академический проект, 2008. 303 с.
11. Лосев А.Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней. М.: Эксмо, 2005. 1040 с.
12. Ляховецкий Л.А. Существует ли концепции происхождения философии? //Вопросы философии. 1994. №4 С. 98 – 105.
13. Мишучков А.А. Специфика и функции мифологического сознания// Кредо. 2006, №3.-С. 112-123
14. Найдыш В.М. Философия мифологии XIX - начало XXI в М.: Альфа-М, 2004. 544 с.
15. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. Структурная морфология культуры. Единство онто- и филогенеза. Изоморфизм мышления и историко-культурной феноменологии. М.: Языки русской культуры, 1998. 371 с.
16. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с.
17. Тайлор Э. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
18. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М.: Прогресс, 1978. 330 с.

19. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии М.: Эксмо, 2006. 528 с.
20. Хюбнер К. Истина мифа, М., Республика, 1996г. 448 с.
21. Шеллинг Ф. В. Введение в философию мифологии в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. 544 с.
22. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. М.: АСТ, 2013. 548 с.
23. Юнг К.Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее М.: Мартис, 1995. 320 с.
24. Юнг К.Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997. 368 с.

© Беляков Н.С., 2026

УДК 008.2

ГЛАВА 4

ТРАЕКТОРИИ БУДУЩЕГО: ОТ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ К ЭКОНОМИКЕ И ТЕХНИКЕ

ДЕВЯТЫХ С.Ю.,

кандидат психологических наук,
доктор социально-политических наук КНДР,
доцент, заведующий кафедрой
УО ВГАВМ (г. Витебск, Беларусь)

ШЕПИЛЕВИЧ А.А.,

магистрант факультета ветеринарной медицины
УО ВГАВМ (г. Витебск, Беларусь)

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию эволюции философских подходов к представлению о будущем — от Античных размышлений о вечном и временном до критических и футуристических концепций XX века. Анализ направлен на то, чтобы показать, как менялись основания представлений о будущем, какие философские параметры определяли их содержательное наполнение и какие политические и культурные последствия вызывали те или иные модели будущего.

Ключевые слова: античная философия, немецкая классическая философия. Политическая философия марксизма, средневековая философия, философская футурология, футуристических концепций XX века.

Введение

Проблема будущего занимает в истории философской мысли особое место: она органично связывает метафизические представления о времени и бытии с политическими проектами, моральными требованиями и социальными ожиданиями. Будущее, по сути, поле пересечения онтологии, телеологии и утопии: с одной стороны, это вопрос о возможностях и предопределённости бытия, с другой — предмет размышлений о том, каким мир может и должен стать.

Работа предполагает историко-философский метод с элементами систематического сопоставления: используются текстуальные интерпретации ключевых источников и сопоставление концептуальных перспектив, что

позволяет выявить преемственность и разрыв в представлениях о будущем. В центре внимания оказываются как фундаментальные онтологические вопросы, так и теории истории и общества, в которых будущее предстаёт как результат внутренних законов, либо как объект политического проектирования.

Итак, цель работы — обозначить теоретическую проблематику и методологические посылы исследований будущего в европейской философии. Задачами работы являются: во-первых, реконструкция основных философских моделей будущего в выбранные исторические периоды; во-вторых, выявление ключевых переходов в понимании роли субъекта, разума и техники в формировании представлений о грядущем; в-третьих, оценка политико-этических импликаций этих моделей. Важным аспектом исследования является соотнесение утопического и аналитического уровней: как философские конструкции формировали идеалы политического устройства и какие механизмы их реализации (или дискредитации) предлагались мыслителями разных эпох.

Таким образом, будущее предстает одновременно как объект аналитического осмысления и как проектная категория, оказывающая прямое влияние на политическую практику и культурные ожидания.

Структура работы построена хронологически и тематически.

1. Проблема будущего в Античной и Средневековой философии

1.1. Платон: вечное и временное, образ идеального государства. Для Платона ключевое различие — между миром вечных идеальных форм и миром изменчивых чувственных вещей. Будущее у Платона не есть просто нерегулируемое течение времени; оно соотносится с вечной реальностью идей. В диалоге «Государство» и других текстах Платон настаивает, что истинное бытие принадлежит идеям — они вне времени; тем не менее, временное существование людей и городов может и должно стремиться к воплощению этих вечных образцов, а люди видят лишь тени этих идей [1, с. 349-350].

Политическая конструкция в «Государстве» — это практическая проекция идеального порядка. Платон не столько представляет будущее как случайный

набор событий, сколько предлагает проект лучшего устройства общества: воспитание философов-правителей, закон, организующая души и города, роль мифов и воспитания. Это — модель «лучшего будущего» не по принципу неограниченного технического прогресса, а по принципу приближения к вечному идеалу нравственной и политической гармонии.

Платон также использует мифологические повествования о поколениях (например, рассказ о золотом, серебряном и железном поколениях), а также о деградации политических устройств, чтобы показать, как политическая и нравственная деградация может разворачиваться во времени. Эти мифы выполняют определенную функцию: дают основания для воспитательной политики и реставрации порядка. Таким образом у Платона будущее двузначно: оно и предопределено идеями (намерение к благу), и остаётся предметом политического воспитания и «искусства государственного управления» [1, с. 220].

1.2 Аристотель: будущее как результат природной причинности и телеологии. Аристотель вводит в философию принцип телоса — целевого направления природных процессов. В отличие от Платона, который больше апеллирует к миру идеальных форм, Аристотель связывает будущее с внутренней целенаправленностью вещей: у каждого организма, общества или государства есть свой видовой образ (энтелехия), к которому он стремится [2, с. 97-100].

Аристотель не рассматривает представление о «лучшем государстве» как отвлечённый или трансцендентный идеал, существующий вне человеческого опыта. Напротив, для него «лучшее» — это возможное завершение политического развития, достижимое в рамках природы человека и конкретных условий полисной жизни. Такое государство возникает не как утопия, а как результат последовательного формирования добродетелей граждан и разумной организации общественной жизни [3, с. 588-598].

Этот взгляд допускает как поступательное развитие — укрепление добродетели и совершенствование форм правления, — так и упадок, связанный с искажением правильных форм и утратой нравственных оснований.

Будущее в политике, по Аристотелю, не является механическим повторением прошлого: оно определяется внутренними причинами, присущими человеческой природе и политическим институтам, и потому способно изменяться в зависимости от воспитания, законов и практической деятельности граждан [3, с. 403-440].

1.3. Стоицизм: космический цикл и моральная подготовка к неизбежному. В представлениях античных философов о будущем особое место занимает учение стоиков. Для этой школы ключевой была идея всеобщего космического порядка, управляемого разумной божественной силой — Логосом. Для них мир - единое живое целое, развивающееся по вечным циклам. Мир периодически проходит через стадии зарождения, расцвета и гибели в гигантских «великих годах». Каждое завершение цикла происходит через всеобщее сгорание — Экипирисис, после чего вселенная возрождается в точности такой же, какой была раньше.

Таким образом, будущее не несёт новизны — оно лишь повторяет уже бывшее, а судьба неизбежна и предопределена [4, с. 200-204]. Из этого следовал особый моральный идеал стоиков. Понимая, что изменить ход космоса невозможно, человек должен готовить себя к любым грядущим ударам судьбы. Будущее может быть известно только в общих чертах, но его главная характеристика — неизбежность. Поэтому мудрец стремится к внутренней невозмутимости (Апатия), способности спокойно встречать любые перемены, зная, что они — часть божественного замысла [5, с. 67-72].

Таким образом, стоицизм не столько предлагает предсказание будущего, сколько учит нравственной готовности к нему: человек должен не пытаться изменить грядущее, а научиться правильно его принимать. Эта позиция стала важным вкладом античности в размышления о проблеме будущего.

1.4. Аврелий Августин: линейность истории и раскрытие божественного плана. В сфере философских и богословских дискуссий мало кто может сравниться по значимости с блаженным (в католической традиции — святым) Августином Гиппонским. Его труды и учения оказали глубокое влияние на христианскую доктрину и западную философию, создав сложную полотно

мысли, в которых переплетаются вера и разум. Путь Августина был не просто путем обращения, но и путем созерцания, поскольку он стремился примирить божественное с рациональным.

Среди философских вопросов, рассмотренных Августином, интересным сегодня продолжает оставаться проблема природы времени. Августин, размышляя над этой проблемой, указывает, что прошлое уже не существует, будущее - ещё не существует. Мгновение настоящего постоянно переходит в прошлое, а будущее еще не существует. Вечность — это не вечный поток времени, а вечное настоящее, где времени нет вовсе. Время существует для Бога только потому, что Бог воспринимает всю реальность в её настоящем, прошлом и будущем одновременно. Таким образом, время связано с миром, но не с Богом. Время появилось с рождением мира и не существует без неё. Вопрос «что было до творения» не имеет смысла, потому что до самого сотворения само «до» (то есть само время) ещё не существовало. Таким образом, по мнению Августина Аврелия, время — это не что-то абсолютное, а относительное, неразрывно связанное с тварным миром. Итак, Бог правит не только миром, но и временем, и в Его силе изменить не только будущее, но и прошлое [6, с .331-332].

В средневековой философии проблема будущего рассматривалась сквозь призму христианского миропонимания, где история мыслилась как путь от Творения к Концу времён. Центральной фигурой в формировании этой концепции стал Аврелий Августин. Он впервые системно изложил идею линейного исторического времени, противопоставив её античному циклическому восприятию. По Августину, история человечества не повторяется, а движется поступательно: от акта сотворения мира к его финальному преображению, что делает будущее не продолжением прошлого, а предопределённой стадией Божественного замысла [7, с. 463-470].

Августин утверждал, что смысл исторического процесса раскрывается не в земных событиях как таковых, а в реализации божественного плана спасения. Каждая эпоха в истории имеет своё назначение в рамках единой хронологической схемы, установленной Богом. Он делил историю на шесть

возрастов, соотносимых с шестью днями творения, где нынешний — пятый и шестой возраст — предшествует наступлению седьмого, эсхатологического времени вечного покоя. Таким образом, будущее не является случайной неопределённостью: оно уже содержится в промысле Божьем и неизбежно раскроется по мере продвижения истории [8, с. 113-125].

Особое место в его концепции занимает идея О граде Божьем как духовного трактата, в котором история описана как борьба двух градов — Града Божьего и града земного. Эти два града сосуществуют во времени, но конечная победа принадлежит Граду Божьему, что определяет направленность истории к будущему торжеству Божественного порядка. Линейность истории у Августина, таким образом, тесно связана с эсхатологией: финальная точка истории — не просто конец, а переход в вневременное Царство Божие [7, с. 512-514].

Вклад Августина в средневековую философию заключался в том, что он сформулировал представление о будущем как о завершающей стадии истории, подчинённой Божественному замыслу. Это определило христианскую концепцию времени: прошлое рассматривается как подготовка, настоящее — как испытание, а будущее — как раскрытие окончательной истины. Так Августин заложил основание для средневековой философии истории, где проблема будущего утратила неопределённость и обрела строго телеологический характеристики.

1.5. Иоахим Флорский: три эры и видение исторической утопии. Иоахим Флорский (ок. 1132–1202), также известный как Джоаккино да Фьоре или Иоахим Калабрийский, — итальянский монах-цистерцианец, теолог и мистик, чьи идеи стали одной из важнейших вех в развитии средневековой философии истории. Иоахим родился в Калабрии около 1132 года. Совершив паломничество в Святую Землю, он пережил духовное обращение и принял монашество в цистерцианском ордене. Около 1177 года он был избран аббатом монастыря Кораццо, однако стремление к созерцательной жизни привело его к основанию в 1196 году нового, Флорского ордена, с более строгим аскетическим уставом [9, с. 224].

Его учение, основанное на собственном толковании Священного Писания, вышло далеко за рамки схоластики своего времени и оказало глубокое влияние не только на религиозную мысль, но и на формирование утопических и даже революционных движений последующих столетий [10].

В то время как средневековое мировоззрение чаще всего рассматривало будущее либо как сакральную тайну, либо исключительно как горизонт Страшного суда, Иоахим Флорский предложил стройную концепцию исторического процесса. Он воспринимал историю человечества не как хаотичную смену событий, а как божественный план, последовательно раскрывающийся во времени [11].

Фундамент его учения был заложен мистическими озарениями. Сам Иоахим описывал два ключевых момента: в первую пасхальную ночь ему открылось «полнота разумения» книги Откровения, а в праздник Пятидесятницы он пережил видение десятиструнной псалтири, прояснившее для него тайну Святой Троицы. Таким образом, его теология истории произрастала из опыта «духовного понимания», когда за буквой Писания прозревается сокровенный смысл [12].

Центральным пунктом учения Иоахима Флорского [13] является тринитарная концепция истории. Он уподобляет ход мировой истории жизни трех Лиц Троицы, выделяя три последовательные эры:

Эра Бога Отца, соответствующая времени Ветхого Завета. Это эпоха «закона» и «страха», когда человечество пребывало в рабском подчинении, познавая Бога как всемогущего Владыку. Люди жили «по плоти», руководствуясь строгими предписаниями и дисциплиной.

Эра Бога Сына — эпоха Нового Завета, начавшаяся с пришествия Иисуса Христа. Это время «благодати» и «веры», когда отношения человека с Богом уподобляются отношениям сына и отца. В этот период действует иерархическая Церковь, установлены таинства, но полнота истины все еще сокрыта за символами и обрядами.

Эра Святого Духа — грядущая и финальная эпоха, которой суждено наступить в истории, а не за ее пределами. Это время «любви» и «полной

свободы», когда человек перейдет к созерцательной жизни и достигнет прямого, непосредственного познания Бога. Иоахим называл это «вечным Евангелием».

Каждая эра не отменяет предыдущую, но является ее преображением и исполнением. Иоахим рассматривал их через призму библейской символики: три чина мирян (супружеские), клириков и монахов; три основных добродетели: супружество, священство и монашество.

Видение будущего у Иоахима Флорского носит отчетливый утопический и, в определенном смысле, революционный характер. Наступление третьей эры должно было ознаменоваться коренной трансформацией церковной и социальной жизни: [9, с. 240-244]:

- отмирание церковной иерархии: Поскольку каждый человек будет напрямую водим Духом, необходимость в институциональной Церкви с ее таинствами и священством отпадет. «Церковь Петрова» (символ римской иерархии и власти) уступит место «Церкви Иоанновой» — общине созерцателей, объединенных чистой любовью;

- новые духовные вожди: Иоахим предсказывал появление двух новых монашеских орденов, которые станут проводниками человечества в новую эру. Позже эти пророчества были восприняты как относящиеся к францисканцам и доминиканцам;

- наступление всеобщей свободы и мира: Эра Святого Духа описывается как время духовной свободы, внутреннего озарения и братского единства, когда социальное неравенство и насилие исчезнут, уступив место гармонии.

Важно отметить, что Иоахим пытался вычислить и хронологические рамки. Согласно его выводам, основанным на толковании родословных из Евангелия от Матфея, эра Сына должна была продлиться 42 поколения и завершиться около 1260 года, после чего начнется эра Духа. Хотя его расчёты не подтвердились, сам подход, рассматривающий будущее не как конец света, а как расцвет и преображение, стал инновационным.

Учение Иоахима Флорского стало уникальным явлением для своего времени. Отказавшись от доминирующей модели линейного времени с

фиксированной точкой финала, он внес в историю идею внутреннего развития и качественного прогресса. Его тринитарное учение предполагало, что каждое следующее состояние истории выше и совершеннее предыдущего [11].

Несмотря на то, что ряд положений Иоахима (в частности, критика учения Петра Ломбарда, о Троице) был осужден Латеранским собором 1215 года, его влияние на европейскую мысль оказалось огромным [10]. Его идеи вдохновляли радикальное крыло францисканцев («спиритуалов»), а позже — идеологов крестьянских восстаний, таких как Томас Мюнцер. В более широком смысле, его можно считать предтечей тех философских систем (например, шеллингианства), которые рассматривали историю как закономерное раскрытие Абсолюта [11].

Таким образом, видение будущего Иоахима Флорского представляет собой первую в западноевропейской мысли развернутую оптимистическую утопию, в которой будущее — это не апокалиптическая катастрофа, а желанная цель исторического пути, эра свободы, любви и непосредственного богообщения.

Как видим, рассмотренные концепции будущего у разных философов демонстрируют эволюцию представлений о времени и истории — от вечных идеалов к исторической динамике и утопии. У Платона будущее мыслится как стремление к вечным идеям, неподвластным времени, и реализуется через проект идеального государства. Аристотель связывает будущее с естественным развитием и целями, присущими самой природе человека и полиса. Для школы Стоиков будущее предопределено космическим циклом, и задача человека — не изменить его, а достичь внутренней готовности принять неизбежное. Аврелий Августин радикально меняет перспективу, представляя историю как линейное движение к Божественному финалу, где будущее — заранее установленная стадия плана спасения. Иоахим Флорский развивает эту линию, предвосхищая идею поступательного прогресса и видя в будущем не конец, а преображение — наступление эры духовной свободы.

Таким образом, путь от античности к Средневековью показывает смену представления о будущем: от вневременного и неизменного — к историческому

и направленному, от абстрактного идеала — к конкретному сценарию грядущего преобразования мира.

2. Проблема будущего в немецкой классической философии

2.1 Гегель: диалектика Духа и телеология истории. Понимание будущего в системе немецкой классической философии невозможно без обращения к философии истории Гегеля, которая представляет собой вершину спекулятивной мысли в немецкой традиции. Для Гегеля история — не хаотическая последовательность случайных событий, а необходимый процесс саморазвития Абсолютного Духа, направленный к достижению состояния абсолютной свободы и самопознания. Эта телеологическая установка делает возможным рассмотрение будущего не как неопределённой области возможного, а как логически вытекающего из внутреннего движения духа результата [14, с. 3-10]. .

Центральным принципом гегелевской философии является диалектика, согласно которой развитие осуществляется через противоречие и его преодоление (снятие). Каждый исторический этап содержит в себе внутреннее противоречие, которое порождает его отрицание и ведёт к возникновению новой, более высокой формы [15, с. 57-78]. Прошрое не исчезает бесследно: оно сохраняется в преобразованном виде в новом состоянии духа. Таким образом, будущее у Гегеля предстает не как внешнее по отношению к настоящему и прошлому, а как их необходимое диалектическое продолжение. Оно есть результат снятия всех предшествующих моментов, их синтеза на более высоком уровне [16, с. 399-410].

Известная формула Гегеля — «Всё действительное разумно, и всё разумное действительно» — выражает его убеждение в рациональности исторического процесса. Она означает, что всякая историческая реальность является воплощением некоторого момента мирового разума и потому имеет смысл в общем движении духа. Даже те формы общественной жизни и политические режимы, которые впоследствии исчезают, признаются необходимыми ступенями в развитии свободы. В этом заключается

своеобразное оправдание истории: ничто в ней не возникает случайно, а существует постольку, поскольку является выражением разума в определённый момент. Следовательно, и будущее мыслится как закономерный результат развертывания мирового духа, как его predetermined цель [14, с. 380-401].

Идея свободы занимает ключевое место в гегелевской философии истории. По Гегелю, всемирная история есть процесс осознания духом своей свободы. На ранних стадиях свобода принадлежит лишь немногим (например, в восточных деспотиях), затем — некоторым (в античных демократиях и республиках), и лишь в новоевропейском мире утверждается принцип всеобщей свободы. Будущее, таким образом, мыслится Гегелем как завершение этого процесса — как такое состояние, в котором свобода станет всеобщим и осознанным принципом общественной жизни. Именно в этом смысле история, по Гегелю, движется к своей «конечной цели», а будущее не является случайным или открытым множеством возможностей, а выражает внутреннюю логику саморазвития духа.

Важным следствием такого подхода является отрицание случайности и произвольности в историческом процессе. Гегель подчёркивает, что отдельные индивиды и народы играют в истории роль «орудий мирового духа» и реализуют его цели, часто не осознавая этого. Великие исторические личности выступают как носители мировой необходимости, а не как автономные творцы будущего. Поэтому гегелевская философия истории исключает представление о будущем как о сфере, полностью подвластной человеческому выбору: напротив, выбор и деятельность людей оказываются моментами в реализации объективного разумного замысла. Эта установка формирует специфическое понимание будущего — как момента заранее predetermined хода всемирной истории [16, с. 305-322].

Таким образом, в гегелевской системе проблема будущего решается в рамках телеологической и детерминистской модели истории. Будущее мыслится не как случайное и не как множество альтернатив, а как необходимая ступень, в которой завершается саморазвитие Абсолютного Духа и

осуществляется принцип всеобщей свободы. История, согласно Гегелю, обладает внутренней рациональной структурой, и потому её движение к будущему является неотвратимым и осмысленным. Эта концепция задаёт исходную точку для рассмотрения проблемы будущего в немецкой классической философии, определяя его как имманентную цель исторического процесса.

Философская система Георга Вильгельма Фридриха Гегеля завершала развитие немецкой классической философии в её спекулятивной форме. Однако уже в первой половине XIX века в Германии возникла острая критика гегелевской диалектики и его идеалистического взгляда на историю. Наиболее последовательным и влиятельным критиком гегелевской философии стал Фейербах, который предложил антропологическую переориентацию философии и тем самым радикально изменил постановку вопроса о будущем.

Фейербах исходил из убеждения, что философия Гегеля страдает чрезмерным спиритуализмом [17, с. 53]. Гегель рассматривал историю как процесс саморазвития Мирового Духа, где индивидуальные и материальные проявления служат лишь моментами реализации всеобщего разума. Для Фейербаха же такая позиция означала полное отчуждение человека от его собственной сущности: человек в гегелевской системе оказывается не самоцелью, а лишь средством объективизации Абсолютной Идеи. В этом Фейербах видел корень иллюзорного понимания действительности и источник философского оправдания религии.

2.2. Л. Фейербах: антропологическая критика идеализма. Основное направление критики Людвиг Фейербаха заключалось в утверждении приоритета реального, чувственного, телесного человека перед любыми абстрактными сущностями. Он полагал, что религия и идеалистическая философия отчуждают от человека его собственные лучшие качества, приписывая их сверхъестественному существу. В своих ранних работах, он развил идею, что Бог — это проекция человеческой сущности, идеализированное отражение человеческих свойств. Следовательно, подлинное будущее человечества возможно лишь через преодоление

религиозного отчуждения и возвращение человеку его собственных качеств, возврат к земной, человеческой реальности.

Ключевым понятием для Фейербаха становится «родовая сущность» человека. В отличие от Гегеля, который подчеркивал универсальность разума и всеобщность идеи, Фейербах говорит о родовой сущности как о совокупности типично человеческих свойств: разум, воля, чувство, способность к любви и общению. Именно в их реализации, а не в служении отвлечённым идеям, заключается смысл человеческого существования и залог будущего [17, с. 38-60]. Он утверждает, что человек — это чувственное, телесное, социальное существо, и его истинное развитие возможно только в рамках человеческого сообщества, где каждый индивид воспринимает других не как средства, а как равных [18, с. 91-92].

Таким образом, будущее в концепции Фейербаха предстает не как осуществление идеального плана, заложенного в Абсолютном Духе, а как результат сознательного преодоления религиозных иллюзий и возвращения к земной, материальной основе жизни. Это будущее мыслится не в категориях исторической необходимости и всемирно-исторического разума, как у Гегеля, а как возможный проект, исходящий из человеческих потребностей и стремлений. Оно предполагает нравственное и культурное преобразование общества, в котором центром становится человек, а не абстрактная идея [17, с. 70-87.].

Отказ от метафизики и обращение к антропологии позволили Фейербаху заложить основы для утопического мышления середины XIX века. Его концепция «новой философии» стала исходным пунктом для многих социальных и гуманистических проектов, в том числе и для Карла Маркса на раннем этапе его творчества. Фейербах не разрабатывал конкретных социально-экономических моделей будущего общества, но его идея о том, что истинная история начнётся лишь после преодоления религиозного отчуждения и восстановления человеческой целостности, создала теоретическую почву для последующих утопических концепций.

Особое место в его рассуждениях занимает чувственность как способ непосредственного постижения реальности. Фейербах полагал, что именно

чувственное отношение к миру способно разрушить господство абстрактного мышления и вернуть философию к человеку. Это не означает отрицания разума, но предполагает его подчинение человеческим чувствам и жизненным потребностям. Таким образом, будущее в его понимании связано с утверждением приоритета жизни, любви, межличностного общения над отвлечёнными идеями и спекулятивными конструкциями [17, с. 14-37].

Подводя итог, можно сказать, что в рамках немецкой классической философии Фейербах предложил принципиально иной взгляд на проблему будущего по сравнению с Гегелем. Если у Гегеля будущее мыслится как необходимый результат диалектического саморазвития Абсолютного Духа, то у Фейербаха оно предстает как возможное и желательное состояние, достижимое через освобождение человека от религиозных иллюзий и возвращение его к собственной родовой сущности. Этот поворот от спекулятивного идеализма к антропологическому гуманизму стал важным шагом в развитии философии XIX века и подготовил почву для формирования новых социальных учений, ориентированных на практическое преобразование человеческого бытия.

3. Проблема будущего в политической философии марксизма

3.1. Карл Маркс: исторический материализм и смена формаций. На рубеже XIX–XX веков одним из ключевых интеллектуальных ориентиров, определявших представления о будущем, стала теория исторического материализма, разработанная Карлом Марксом и развитая его последователями. При этом Маркс выстраивал свою теорию в оппозиции к предшествующей немецкой философии, особенно к идеализму Гегеля и антропологическому материализму Фейербаха. Он указывал, что Гегель рассматривал историю как развитие «мирового духа» и абстрактных идей, игнорируя реальные материальные условия человеческой жизни. Фейербах, хотя и отвергал идеализм, по мнению Маркса, оставался на позиции созерцательного гуманизма, не учитывая активной преобразующей роли практической деятельности и материальных потребностей людей. Маркс подчеркивал, что

именно способ производства материальных благ определяет общественные отношения, а не наоборот [19, с. 11-19].

Центральным элементом марксистского взгляда на историю выступает идея смены общественно-экономических формаций. Каждая эпоха, по Марксу, характеризуется определённым способом производства и соответствующей системой классовых отношений. История человечества предстает как последовательность формаций: от первобытно-общинной через рабовладельческую, феодальную и капиталистическую — к социалистической и, в конечном счёте, коммунистической. Эта смена формаций происходит не эволюционно, а революционно: старая система, исчерпав свои возможности, вступает в противоречие с развившимися в её недрах производительными силами, и нарастающая классовая борьба приводит к её крушению [20, с. 5-9].

Маркс рассматривал классовую борьбу как движущую силу всей истории. Противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми, по его мнению, неизбежны в любом обществе, основанном на частной собственности на средства производства. В капиталистической системе это противоречие проявляется в борьбе между буржуазией и пролетариатом. Рост эксплуатации, усиление неравенства, циклические экономические кризисы — всё это должно, по Марксу, привести к революционному выступлению рабочего класса, который свергнет буржуазное господство и установит диктатуру пролетариата как переходный этап к бесклассовому обществу [21, с. 32-46]. .

Будущее, очерченное в марксистской теории, имело ярко выраженный материалистический и светский характер. В отличие от религиозных и утопических представлений о грядущем, Маркс исходил не из моральных идеалов, а из объективных экономических закономерностей. Коммунизм виделся не как плод произвольного замысла или мечты, а как неизбежный результат исторического развития. Это придавало марксизму черты научного прогноза: будущее представлялось предопределённым и рационально объяснимым.

Особенностью марксистского взгляда на будущее являлся его оптимизм. Хотя путь к коммунизму мыслился как связанный с потрясениями, насилием и

революционными катастрофами, конечная цель описывалась как освобождение человечества от эксплуатации, установление равенства и подлинного человеческого братства. В коммунистическом обществе, согласно Марксу, исчезнут классы, частная собственность и государство как аппарат принуждения. Производство будет организовано на основе общественной собственности и планового распределения ресурсов, что обеспечит изобилие материальных благ и гармоничное развитие личности [22, с. 19].

3.2. В. И. Ленин: «слабое звено» и «стратегия революции». К началу XX века марксизм превратился в одно из главных направлений социальной мысли и оказал огромное влияние на формирование представлений о будущем. Для многих современников именно марксистская теория стала символом научного подхода к истории и гарантией неизбежного прогресса. Она предлагала ясную схему развития человечества и внушала уверенность в том, что грядущее принесёт освобождение трудящихся и торжество социальной справедливости. В условиях кризисов, социальных конфликтов и стремительных перемен рубежа веков эта вера в закономерное и светлое будущее обладала особой притягательностью и становилась важной частью общественного сознания.

Владимир Ильич Ленин исходил из того, что к началу XX века капитализм перешёл в новую стадию — Империализм. В своём труде «Империализм как высшая стадия капитализма» он утверждал, что для данной стадии характерны концентрация производства и капитала, господство монополий и финансового капитала, раздел мира между крупнейшими державами. Эти изменения, по мнению Ленина, означали, что старые прогнозы Карл Маркса о революции в наиболее развитых странах нуждаются в корректировке.

Ленин выдвинул идею о существовании «слабого звена» в цепи мирового капитализма. Он полагал, что в условиях неравномерного развития капиталистической системы революция может произойти не в наиболее развитых, а в отсталых и зависимых странах, где противоречия обострены сильнее. Таким слабым звеном он считал Российскую империю — страну с отсталой экономикой, угнетённым крестьянством и многочисленным пролетариатом, лишённым политических прав [23, с. 268-290].

Эта идея позволила Ленину разработать новую стратегию: социалистическая революция может начаться в одной стране и затем распространиться на другие, а не ждать синхронного выступления рабочего класса всего мира. Тактика Ленина включала необходимость создания партии нового типа — централизованной, дисциплинированной организации профессиональных революционеров, способной вести массами и направлять их борьбу. Именно такая партия, по его замыслу, могла стать авангардом пролетариата и завоевать власть от его имени [24, с. 99-154]. .

3.3. Лев Троцкий и перманентная революция. Лев Троцкий, разделяя марксистскую критику капитализма, разработал собственную теорию — теорию Перманентной революции. В отличие от Ленина, он исходил из того, что в отсталых странах буржуазия не способна выполнить даже задачи буржуазно-демократической революции (создание парламентаризма, ликвидация феодальных пережитков), так как сама тесно связана с крупным капиталом и иностранными интересами. Поэтому эти задачи должен взять на себя рабочий класс, который, придя к власти, не ограничится буржуазными преобразованиями, а перейдёт к социалистическим мерам.

Л. Троцкий уточнял, что процесс революции в отсталых странах имеет специфическую логику: он начинается с решения «буржуазно-демократических» задач, но не останавливается на этом, поскольку объективные экономические и социальные противоречия требуют коренного преобразования общества. По его мнению, пролетариат, взяв власть в руки, будет вынужден проводить не только демократические реформы (земельная реформа, ликвидация феодальных пережитков, установление гражданских свобод), но и меры по социализации частей экономики, по рабочему контролю, по планированию — то есть переходить к социалистическим преобразованиям, потому что именно он заинтересован в коренном устранении капиталистических основ эксплуатации [25, с. 50-62].

Ключевой момент троцкистской концепции — идея «непрерывности» революционного процесса: политическая победа пролетариата в одной отсталой стране сама по себе не может обеспечить устойчивое строительство

социализма из-за международной экономической и политической изоляции. Поэтому успех социалистических мер в одной стране окажется нестабилен и будет стимулировать распространение революционной волны в более развитые страны, где есть промышленный потенциал и рабочие силы для превращения завоёванного социального порядка в устойчивую систему. Эта международная перспектива у Троцкого не была абстрактной — она вырастала из анализа «неравномерного и комбинированного» развития капитализма и из понимания, что революционная динамика в разных странах взаимосвязана.

Троцкий утверждал, что социализм не может быть построен в рамках одной страны, особенно отсталой, — он требует расширения революции на международный уровень. В этом заключалась суть его концепции перманентной революции: революционный процесс не завершится победой в одной стране, а будет непрерывно распространяться, пока не охватит развитые индустриальные государства. Лишь тогда будет возможно существование стабильной социалистической системы. [25, с. 4-48].

3.4. И. В. Сталин: «построение социализма в одной стране» и мобилизационная модель будущего. По мысли Иосифа Виссарионовича Сталина вопрос о будущем неразрывно связывался с задачей практического построения социализма в пределах Советского союза. В отличие от Льва Троцкого, видевшего будущее социализма как результат международной революции и глобального пролетарского восстания, Сталин исходил из принципа «построения социализма в одной стране». Этот тезис, закреплённый в конце 1920-х годов, стал краеугольным камнем его концепции будущего. Сталинская модель предполагала, что социализм может и должен быть реализован прежде всего в пределах существующего советского государства, а уже затем распространён вовне как образец для других стран [26, с. 131-141].

Такой подход означал радикальное переосмысление предшествующих марксистских и ленинских установок, которые трактовали социализм как закономерный и неизбежный этап всемирного исторического процесса. Сталин же акцентировал не столько «объективные» законы истории, сколько роль субъективного, волевого фактора. История, по его мнению, поддаётся

управлению и может быть направлена в нужное русло при наличии централизованной политической власти, дисциплинированной партии и мобилизованного населения. В этом и заключалась специфика сталинского взгляда на будущее: оно не ожидалось как естественный результат развития производительных сил и классовой борьбы, а планировалось и целенаправленно конструировалось сверху [26, с. 439-447].

Ключевым инструментом движения к будущему выступало государство. В сталинской парадигме оно перестаёт быть лишь временным аппаратом диктатуры пролетариата и превращается в постоянный механизм модернизации общества. Государственная власть рассматривалась как активный созидатель, способный стимулировать индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию, обеспечивая тем самым качественный скачок в развитии страны. Это сопровождалось масштабным внедрением централизованного планирования, которое объявлялось главным рычагом построения социализма. Пятилетние планы, устанавливавшие конкретные количественные цели, становились материальной формой воплощения будущего в настоящем.

Сталинская концепция будущего имела ярко выраженный мобилизационный характер. Апеллируя к идее будущего, она исходила из того, что будущее должно быть достигнуто ценой дисциплины, напряжения сил и готовности к жертвам. Массы рассматривались как объект мобилизации и одновременно как носители героического энтузиазма, способного преодолеть любые трудности. Эта установка формировала особый тип политического и социального мышления, где воля государства подменяла собой историческую необходимость, а политическая лояльность ставилась выше индивидуальной свободы [26, с. 525-527].

Таким образом, сталинское представление о будущем основывалось на иерархически организованном проекте, где будущее понималось как результат планомерной и директивной деятельности государства. Эта модель исключала спонтанность и непредсказуемость исторического процесса, подчиняя его волевому усилию правящей партии.

В начале XX века сталинская концепция стала важнейшей альтернативой другим социалистическим прогнозам и оказала определяющее влияние на политическую практику Советского Союза, закрепив представление о будущем как о продукте централизованного и планомерного преобразования настоящего.

4. Будущее в футурологических концепциях второй половины XX века

4.1. Фрэнсис Фукуяма: «конец истории» и триумф либеральной демократии. Во второй половине XX века проблема будущего человечества стала одной из центральных тем общественной мысли. На фоне стремительных социальных, технологических и политических изменений возникла необходимость осмыслить траекторию дальнейшего развития мировой цивилизации. Особое место в этом контексте занимает концепция «конца истории», предложенная американским политологом Фрэнсис Фукуяма в конце 1980-х годов. Она стала одной из наиболее дискуссионных и влиятельных попыток теоретического объяснения глобальных изменений после завершения Холодной война и распада СССР.

Фрэнсис Фукуяма утверждал, что с крушением советской системы и отказом большинства стран от коммунистической идеологии завершился длительный исторический процесс идеологической конкуренции. По его мнению, человечество достигло финальной стадии идеологической эволюции: либеральная демократия и рыночная экономика оказались единственными жизнеспособными моделями политического и экономического устройства. Иными словами, история в её идеологическом измерении подошла к своему завершению, так как не осталось альтернативных универсальных идей, способных бросить вызов либеральному порядку [27, с. 27-75].

Ф. Фукуяма опирался на философское наследие Гегеля и его концепцию всемирной истории как поступательного развития духа к свободе. Он интерпретировал крушение тоталитарных режимов как свидетельство того, что человечество достигло максимально возможной формы политического

устройства, гарантирующей индивидуальные права и свободы. В этой логике либеральная демократия рассматривалась не просто как одна из возможных моделей, а как логическая и историческая «конечная точка» политического развития [27, с. 14-27].

Важным элементом концепции стало утверждение, что глобальное распространение либеральных ценностей неизбежно ведёт к стабилизации международных отношений. Отсутствие крупных идеологических противостояний, по мнению Фукуямы, должно было снизить вероятность мировых конфликтов и способствовать формированию единого, интегрированного мирового порядка. Рыночная экономика рассматривалась как наиболее эффективный механизм удовлетворения человеческих потребностей и стимулирования прогресса, что укрепляет легитимность либеральной модели [27, с. 383-397].

Однако уже в момент появления концепция «конца истории» вызвала широкий резонанс и многочисленные споры. Её критики указывали, что отказ от идеологической борьбы не означает исчезновения других форм противостояния — этнических, религиозных, культурных или геополитических. Сомнения вызывала и идея о необратимости либерального порядка: история многократно демонстрировала возможность откатов и возврата авторитарных режимов. Тем не менее, независимо от степени согласия с выводами Фукуямы, его работа стала важным интеллектуальным ориентиром для понимания трансформаций конца XX века и поиска ответов на вопрос о будущем человечества. Например, Сэмюэл Хантингтон напротив утверждает, что политическое устройство в современном мире ушло на второй план, и на первый план возвратились национальные и культурные различия, в результате мир стал многополярным [28, с. 46-74].

Фукуяма видел в западной либеральной демократии универсальный идеал, тогда как Хантингтон настаивал на её уникальности и культурной обусловленности. В этом кроется фундаментальная ошибка первого: он спутал глобальное распространение западных институтов с их глубинным принятием. Хантингтон убедительно демонстрирует, что модернизация не тождественна

вестернизации: общества могут перенимать технологии и рыночные механизмы, сохраняя свои ценности и мировоззрение, а затем — и отстаивая их в конфронтации с Западом. Фукуяма игнорировал эту культурную инерцию, в результате чего его предсказанный «конец истории» оказался всего лишь паузой между новыми формами противостояния. Для разрешения которых возможны два пути: глобальная война цивилизаций или установление цивилизационного мирового порядка [28, с. 495-533].

Таким образом, концепция «конца истории» отразила настроения оптимизма, характерные для периода после окончания холодной войны. Она предлагала видение мира, в котором либеральная демократия и рыночная экономика закрепляются как универсальные и окончательные формы общественного устройства. Несмотря на критику, эта идея обозначила важный рубеж в осмыслении будущего во второй половине XX века и стала отправной точкой для множества последующих дискуссий о направлении глобального развития.

4.2. Элвин Тоффлер: технологический детерминизм и футуришок.

Одним из наиболее влиятельных исследователей, определивших направление футурологических исследований, стал американский социолог и публицист Элвин Тоффлер. Его концепции оказали значительное влияние на формирование представлений о будущем как о результате последовательных технологических революций. Тоффлер считается ярким представителем технологического детерминизма — подхода, согласно которому именно развитие техники и технологий является основным фактором социальных изменений и определяет ход истории.

Ключевой труд Тоффлера — книга «Третья волна» (1980), где он изложил теорию трёх последовательных волн цивилизационного развития. Каждая волна обозначает этап коренной трансформации общества, связанный с технологическим скачком, который радикально меняет экономику, социальную структуру, культуру и образ жизни людей.

Первая волна — аграрная. Она началась с неолитической революции, когда человечество перешло от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Основой жизни становилось сельское хозяйство, труд был

преимущественно физическим, а социальные структуры — локальными и устойчивыми. Общество было относительно статичным, медленно развивающимся, с высокой зависимостью от природных условий [29, с. 15-22].

Вторая волна — индустриальная. Она стартовала в Промышленная революция XVIII–XIX веков и привела к возникновению фабрично-заводской системы, массового производства, урбанизации и формированию национальных государств. Индустриальное общество характеризуется стандартизацией, централизацией управления, бюрократизацией и массовой культурой. Оно требует дисциплины, чёткой организации труда и образования. Важнейшими источниками энергии стали уголь, нефть и электричество, что ускорило темпы технического прогресса и глобального обмена [29, с. 23-94].

Третья волна — постиндустриальная (информационная). По мнению Тоффлера, она начала разворачиваться во второй половине XX века и знаменует переход к обществу, основанному на производстве и распространении знаний и информации как главного ресурса. Производство становится гибким и децентрализованным, возрастает роль высоких технологий, компьютеризации, телекоммуникаций, автоматизации и роботизации. Устаевают массовые фабрики и иерархические структуры, их сменяют сетевые формы организации и индивидуализированный труд. В экономике на первый план выходят сферы услуг, науки, образования, программного обеспечения и медиа [29, с. 94-114].

Тоффлер рассматривал технологию как ключевой движущий фактор социальных преобразований. Он утверждал, что общественные институты, ценности и нормы формируются в ответ на технологические изменения. Когда технологическая база общества меняется, прежние институты перестают быть эффективными, и происходит кризис старой системы, за которым следует формирование новой. Таким образом, по Тоффлеру, история — это не случайный набор событий, а последовательность технологических революций, каждая из которых порождает новый тип общества [29, с. 15-22].

Такой взгляд отражает суть технологического детерминизма: не политика и культура определяют развитие техники, а наоборот — техника определяет

эволюцию социальных систем. Именно поэтому, считал Тоффлер, прогнозирование будущего должно опираться не столько на анализ политических или экономических процессов, сколько на выявление и оценку новых технологических тенденций [29, с. 96-112].

В книге Шок будущего (1970) Тоффлер ввёл понятие «футурошок» — психологическое и социальное состояние дезориентации, которое возникает у людей и обществ при слишком быстром изменении технологической и социальной среды. Он описывал, как ускорение темпов научно-технических новаций приводит к разрушению привычных моделей поведения, ценностей и форм организации жизни. Люди теряют чувство стабильности, не успевают адаптироваться, что вызывает стресс, тревожность, социальные конфликты и политическую нестабильность [29, с. 43].

По мнению Тоффлера, футурошок является неизбежным следствием перехода к обществу Третьей волны. Поэтому важной задачей он считал подготовку общества к переменам — развитие гибкости мышления, способности к постоянному обучению, толерантности к разнообразию и инновациям. Без этого, предупреждал Тоффлер, стремительный технологический прогресс может привести к глубоким социальным кризисам.

4.3. *Герберт Маркузе: «одномерный» человек, технологическая рациональность и утрата политической вообразимости.* Герберт Маркузе и франкфуртская «критическая теория» дают специфическую — одновременно диагностическую и нормативную — позицию по вопросу будущего вторая половина XX века. В центре её понимания лежит тезис Маркузе из «Одномерный человек» (1964): развитое индустриальное общество конструирует такую систему воспроизводства потребления и административного контроля, которая нивелирует способность общества к радикальной альтернативе и, следовательно, делает будущее «одномерным» [30, с. 255-264].

Представим ключевые положения его концепции.

1) Технологическая рациональность как господствующая форма разума: инструментальная логика эффективности овладевает всеми сферами жизни и становится идеологически нейтральной нормой [30, с. 406-433].

2) Интеграция оппозиции: критические течения и протесты либо ассимилируются системой (через коммерциализацию, «поглощение» культуры), либо дисквалифицируются как иррациональные, что лишает оппозиции ресурсной силы. 3) Производство потребностей: «истинные» человеческие потребности вытесняются «фальшивыми», навязанными массовой культурой и рынком; индивид перестаёт испытывать потребность в трансформации общества, потому что его желания ориентированы на воспроизводство существующего порядка [30, с. 319-348]. .

4) Одномерное мышление: исчезает негативная — т.е. критическая и дистанцирующая — способность думать «иначе»; мышление и язык упрощаются до процедур, совместимых с управлением и потреблением [30, с. 348-385].

Механизмы закрепления будущего как продолжения настоящего. По Маркузе, масс-медиа, реклама, политика потребления и административная бюрократия создают устойчивые технологические и культурные структуры, которые стандартизируют ожидания и поведение. Технологии при этом не нейтральны: они организуют способы восприятия возможностей, ограничивая воображение альтернатив. Интеграция протеста через «ритуалы потребления» и культурную инкорпорацию делает реальную трансформацию малореализуемой — система воспроизводит собственную «необходимость» [30, с. 264-283].

Последствия для представлений о будущем. Для Маркузе будущее перестаёт быть полем открытых исторических возможностей и становится продолжением существующего порядка. Это обозначает два связанных риска: во-первых, утрату политической воображаемости — неспособность представить и мобилизовать проекты радикальной эмансипации; во-вторых, превращение технологий в инструменты тотального управления, где изменение адресуется только в пределах функционально допустимого. Таким образом, «проблема будущего» у Маркузе — прежде всего политико-антропологическая: не «каким будет» будущее, а «какие человеческие потребности и формы разума оно будет воспроизводить».

Нормативная компонента: освобождение потребностей. Решение, по Маркузе, не в простом отказе от техники или в слепой эстетизации протеста, а в радикальной трансформации потребностей и критического сознания. Эмансипация предполагает развитие «высших потребностей» — потребностей к свободе, творчеству, подлинному общению — которые не поддаются рыночной инкорпорации. Искусство, автономная теория и радикальные практики рассматриваются как потенциальные источники «отрицания», способного возродить альтернативные представления о будущем [30, с. 464-506].

Позиция Маркузе в контексте обсуждения «проблемы будущего». В отличие от Фукуямы, который формулировал идею «конца истории» как победы либеральной демократии, и Тоффлера, сосредоточенного на технологических волнах и шоке перемен, Маркузе ставит вопрос о структурной закрытости исторического процесса: даже при техническом прогрессе будущее может оставаться политически неизменным, если исчезает способность к критическому отрицанию. Его подход не является предсказанием технологического детерминизма, а предупреждением: при прочих равных технологический прогресс может служить и стабилизации существующего институционального порядка, и угасанию критической волеизъявляющей силы общества.

Заключение

Итак, проблема будущего в истории философии следовала от основным онтологическим, антропологическим и политическим установкам каждой эпохи. В античности будущее понималось либо как соотносимое с вечными образами (Платон), либо как осуществление внутренней целеустремлённости природы (Аристотель), либо как циклическое повторение космических процессов (стоики). Переход к средневековой мысли сопровождался радикальной перестройкой временной логики: христианская эсхатология у Августина придавала истории линейную направленность, а мистические и апокалиптические ожидания у Иоахима Флорского вводили утопический элемент преображения.

Немецкая классическая философия и её критики обозначили новый способ постановки вопроса о будущем: Гегель трактовал его как неотвратимый результат диалектического саморазвития духа, тогда как Фейербах искажал эту схему антропологическим поворотом, ставя в центр материального и чувственного человека.

Дальнейшее развитие мысли в XX веке — марксизм и его вариации — предлагало строгие исторические модели и программы преобразования общества; разветвлённые интерпретации (ленинизм, троцкизм, сталинизм) показали, как реальные политические практики могут модифицировать теоретические представления о том, каким именно будет будущее.

Вторая половина XX века привнесла дополнительные измерения: технологическое ускорение и массовая коммуникация поставили вопрос о соотношении техники, культуры и политической вообразимости. Тофлер акцентировал роль технологических «волн» и создавали методологию прогнозирования, тогда как критическая теория Маркузе выявляла опасность «одномерности» будущего, когда технологическая рациональность и потребительские практики сводят на нет альтернативные проекты. Дискуссии Фукуямы и Хантингтона дополнительно подчеркнули полярность между оптимистическими предсказаниями универсализации либерального порядка и возрождением культурно-политических конфликтов.

Сопоставление этих позиций позволяет выделить несколько выводов практического и методологического значения. Во-первых, будущее никогда не является чисто «фактом»: оно формируется комбинацией объективных тенденций и идеологических, политических решений. Во-вторых, каждая модель содержит нормативный импульс — представление о том, каким должно быть будущее. В-третьих, современные вызовы требуют синтеза: отказ от догматического детерминизма и от наивного технооптимизма, развитие политического воображения и институциональной гибкости.

Таким образом, задача философии будущего сегодня — не предсказывать единственно правильный путь, а сохранять и расширять пространство для критического и нормативного обсуждения возможных

траекторий. Подлинное освоение будущего требует сочетания исторического понимания, институционального проектирования и этической ответственности перед будущими поколениями.

Список использованной литературы

1. Платон, Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. - 752 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3: Перевод / Вступ. статья и примеч. И. Д. Рожан. Москва : Мысль, 1981.- 613 с
- 3 Аристотель, Сочинения. В 4-х т. Т. 4. Перевод А. И. Доватура. Москва : Мысль, 1981. - 830 с.
- 4 Сенека, Л. А. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии / Пер. с латин. и вступ. статья С. Ошерова; Сост. и научн. подгот. текста М. Гаспарова; коммент. С. Ошерова и Е. Рабинович. - Москва : Художественная литература, 1986. - 543 с
- 5 Аврелий, Марк. Размышления / Перевод Доватур А. И. – Москва : Наука, 1985. - 246 с.
6. Августин, блаж. Исповедь / Блаженный Августин / Перевод с латинского М. Сергеевко. – Москва : Гендальф, 1992. – 544 с.
7. Августин Аврелий, блж. Творения: в 4 т. Т 3: О граде Божием. Кн. I-XIII. - Санкт-Петербург : Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. - 595 с.
8. Августин Аврелий, блж. Творения: в 4 т. Т 4: О граде Божием. Кн. XIV-XXII. - Санкт-Петербург : Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. - 589 с..
9. Иоахим Флорский // Православная энциклопедия. Т. 25 / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. — Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. - , 224-246.
10. Аверинцев, С. С. София-Логос. Словарь / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. — Киев : Дух и Литера, 2006. — 912 с.
11. Joachim Of Fiore // Encyclopaedia Britannica [Text - Electronic]. - URL : <https://www.britannica.com/biography/Joachim-of-Fiore> - (date of access: 24.02.2026).
12. Парилов, О. В. Концепция духовной мудрости Иоахима Флорского и ее связь с русской христианской гносеологией / О. В. Парилов, Р. В. Собко // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — 2018. — № 4 (28). — С. 15–25.
13. Иоахим Флорский. Согласование Ветхого и Нового Заветов // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. Т. 1 / Под ред. С. С. Неретиной; сост. С. С. Неретиной, Л. В. Бурлака. — СПб.: РХГИ, 2001.- С. 506-537.

14. Гегель, Г.В.Ф. Философия истории / Пер. с нем.; вступ. статья и примеч. М. Лифшица. Москва : Изд-во «Мысль», 1993. 447 с
15. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 кн. Объективная логика. Кн. 1: Учение о бытии / Пер. с нем. Б.Г. Столпнера. Прим. В.К. Брушлинского, А.П. Огурцова. — М.: Академический проект, 2021. — 347 с
16. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем.; под ред. М. И. Левиной. — Санкт-Петербург, 2000. — 495 с.
17. Фейербах, Л. Сущность христианства / [пер.с нем. П. Н. Рыбникова]. Москва : РИПОЛ классик, 2021.- 432 с.
18. Фейербах, Л. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Пер. с нем.; под ред. Б. В. Мееровского, С. А. Ромашко; Институт философии Российской академии наук. - Москва : Наука, 1995. - 502 с.
19. Маркс К., Сочинения. Издание второе. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс; Институт Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПСС. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955.- 629 с.
20. Маркс, К. Сочинения. Издание второе. Т. 13. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1959. - 768 с..
21. Маркс, К. Сочинения. Издание второе. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс; Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК КПСС. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. - 615 с..
22. Маркс, К. Сочинения. Издание второе. Т. 19 / К. Маркс, Ф. Энгельс; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961. - 670 с.
23. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Том 27. Август 1915 – июнь 1916. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1962. - 643 с.
24. Ленин, В. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Том 6. Январь – август 1902 / В.И. Ленин. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1962. - 643 с.
25. Троцкий, Л. Д. Терроризм и коммунизм. Перманентная революция / Л. Д. Троцкий. – Москва : «Издательство АСТ», 2025. - 509 с.
26. Сталин, И. В. Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. — 10-е изд., испр. и доп. - Москва : Государственное издательство политической литературы, 1938. - 660 с.
27. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма ; [пер. с англ. М. Б. Левина]. - Москва : «Издательство АСТ», 2015. - 576 с.
28. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — Москва : «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
29. Тоффлер, Э. Третья волна. / Э. Тоффлер. Москва : «Издательство АСТ», 2004. - 266 с.

30. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. - Москва : ООО «Издательство АСТ», 2003. - 526 с.

© Девярых С.Ю., Шепилевич А.А., 2026.

УДК 740

ГЛАВА 5

РУССКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЭМИГРАНТСКИЕ ШКОЛЫ

ЗВЕРКОВИЧ Г.В.

преподаватель СЗИУ РАНХиГС,
г.Санкт-Петербург, РФ

Аннотация: Исследование русского философского эмигрантского направления связано с анализом сложного культурного и исторического процесса, начавшегося в начале XX века, когда волна политических и социальных потрясений в России привела к массовому исходу представителей интеллектуальной элиты за пределы родины. Эта эмиграция привела к формированию новых философских школ в диаспоре, где сохранились и развивались уникальные традиции русской религиозной и метафизической мысли.

Проблема данного исследования состоит в том, что, несмотря на значимость философских идей русских эмигрантов, их работы долгое время находились в тени из-за ограниченного доступа в СССР и недостаточной интеграции в западное философское пространство. Это привело к частичной потере знания о масштабах и глубине их учения в отечественной науке и широкой культуре.

Представленное исследование направлено на расширение понимания исторических, идейных и культурных измерений русских философских эмигрантских школ, тем самым подчеркивая их важность как объекта философской науки и культурного анализа.

Ключевые слова: Идея, иерархия, концепция, личность, мысль, философия, эмиграция.

RUSSIAN PHILOSOPHICAL EMIGRANTS' SCHOOLS

ZVERKOVICH G.V.

Lecturer SZIU RANKhiGS,
St. Petersburg, RF

Abstract: The study of Russian émigré philosophical thought involves an analysis of a complex cultural and historical process that began in the early 20th century, when a wave of political and social upheaval in Russia led to a mass exodus of members of the intellectual elite from their homeland. This emigration led to the

formation of new philosophical schools in the diaspora, where unique traditions of Russian religious and metaphysical thought were preserved and developed.

The challenge of this study is that, despite the significance of the philosophical ideas of Russian émigrés, their works were long overlooked due to limited access to the USSR and inadequate integration into Western philosophical thought. This led to a partial loss of knowledge about the scope and depth of their teachings in Russian scholarship and broader culture.

This study aims to expand understanding of the historical, ideological, and cultural dimensions of Russian émigré philosophical schools, thereby emphasizing their importance as a subject for philosophical scholarship and cultural analysis.

Key words: Idea, hierarchy, concept, personality, thought, philosophy, emigration.

В начале XX века Россия находилась в состоянии общественно-политических и социально-экономических трансформаций, вызванных как внутренними противоречиями, так и глобальными историческими процессами. Революции 1905, а затем Февральская и Октябрьская 1917 годов существенно изменили структуру государственной власти и общественного устройства.

Одним из ключевых последствий этих событий стало массовое переселение представителей научной, культурной и философской элиты за пределы СССР. Они сохранили глубокую связь с национальной культурой и традициями, несмотря на разрыв с Родиной.

Именно в условиях изгнания проявилась борьба за сохранение духовной свободы и культурной идентичности. Философия эмиграции приобрела отчётливый религиозный характер, сохраняя элементы православной метафизики и уделяя особое внимание интуитивному постижению бытия.

В эмигрантской среде зарождались новые философские направления и школы, отличавшиеся как от западной философии, так и от советской официальной науки. Русские философы выстраивали диалог с западными традициями, при этом подчёркивая самобытность и уникальность национальной философской мысли.

На территории Советского Союза труды философов эмиграции долгое время оставались малоизвестными и практически не публиковались, ограничиваясь лишь малым тиражом в 1950-х годах.

Лишь после распада СССР эти произведения получили возможность свободного распространения и изучения, что привело к переоценке роли эмигрантской философии в истории русской мыслительной традиции.

Исторические потрясения и последовавшая эмиграция оказали решающее влияние на судьбы ведущих деятелей русской философии начала XX века. Среди них особо выделяются Николай Онуфриевич Лосский, Владимир Васильевич Зеньковский и Сергей (Семён) Людвигович Франк, чьи жизненные пути и профессиональная деятельность тесно связаны с судьбой русской интеллектуальной эмиграции.

Жизни этих трёх мыслителей тесно переплетены с историей русского философского эмигрантского движения. В изгнании они не только сохраняли связь с русской культурой, но и создали условия для непрерывного развития философской традиции, которая отражала их поиск духовных и метафизических основ человеческого бытия.

Философия Николая Лосского концентрируется вокруг оригинального интуитивизма, который он развил в системное учение, обозначенное им как «идеалреализм».

Центральной концепцией его философии является «органическое миропонимание» — мир предстает как целостное, иерархически устроенное бытие, где всё взаимосвязано и существует как единое целое с внутренним развитием.

Такое понимание противопоставляется механистическим и атомистским моделям, которые разлагают мир на отдельные части. Важной особенностью Лосского является отказ от идеи абсолютного «всеединства», популярной в русской философии благодаря Соловьёву. Вместо этого он чётко разделяет понятия Абсолюта и мировой совокупности, развивая иерархический персонализм, который подчёркивает уникальность иерархически организованных личностей и их свободу.

Гносеологический аспект философии Лосского характеризуется особым вниманием к интуиции как способу познания. Под интуицией он понимал непосредственное созерцание мира в его подлинном облике, что даёт

непосредственный доступ к истине. Это отличие от рационалистических, материалистических и иррационалистских подходов делает его учение уникальным.

Такие идеи он подробно развил в работах «Обоснование интуитивизма» и «Мир как органическое целое» [1]. Благодаря этому Лосский создал концепцию «мистического эмпиризма», где познавательный акт становится органичным продолжением реального бытия, не сводимым к абстрактному анализу.

В нравственной и религиозной сфере философия Лосского опирается на православное вероучение и универсальные духовные ценности. Его этика выстраивается на принципах свободы и внутренней духовной ответственности личности.

Позднее философ развивает направление, которое можно обозначить как «Христианская эстетика», где красота трактуется как аспект высшей духовной истины.

При этом Лосский избегает политической ангажированности, предпочитая постепенные реформы и стремясь к поиску общечеловеческих духовных истин, а не участию в идеологических конфликтах [2].

Владимир Зеньковский, в свою очередь, наиболее известен как историк русской философии и представитель религиозно-философского направления, развивавший идеи духовной взаимосвязи бытия. Он внёс значительный вклад в сохранение и развитие традиций русской религиозной философии в эмиграции.

Его работы способствовали углублённому пониманию метафизики соборности — принципа, согласно которому личность и общество неразрывно связаны, а истина обретается в единстве. Зеньковский подчёркивал важность исторического контекста в философском мышлении и считал, что духовное познание возникает внутри культурного и религиозного опыта [3].

Объединяя особенности учений Лосского и Зеньковского, можно отметить их общую ориентацию на религиозную философию, где центральным становится духовное познание как форма интуитивного откровения.

Они разделяют представление о взаимосвязанности всего сущего, отличаясь при этом по способу понимания метафизических основ — Лосский более систематичен и ориентирован на строгую гносеологию, а Зеньковский акцентирует значение исторического и культурного контекста.

Таким образом, вклад Лосского и Зеньковского в русскую философскую эмиграцию состоит в развитии религиозного интуитивизма и метафизики целостности бытия, что стало основой для многих дальнейших поисков в русской философской традиции за рубежом.

Эти идеи предпосылают духовное единство мира и человека, выраженное через особый способ познания — интуицию — и подчёркивают необходимость сохранения интегрального подхода к пониманию реальности.

Особое место среди представителей русского зарубежья занимает Сергей Франк со своей глубоко религиозной философией.

В трилогии «Предмет знания», «Душа человека» и «Духовные основы человека» он развивает учение об абсолютном единстве всего сущего, что продолжает и усовершенствует традицию всеединства, заложенную Владимиром Соловьёвым.

Для Франка мир — это не просто набор отдельных объектов, а органическая целостность, в которой все части находятся в неразрывном единстве и взаимопроникновении, сохраняя при этом свою индивидуальность.

Эта концепция выступает не только как метафизическая база, но и приобретает глубоко религиозное значение, поскольку подчёркивает неразрывную связь творца и творения.

В отличие от прежних философов, Франк отвергает дуалистическое разделение мира на материальную и духовную сферы, уделяя особое внимание целостному восприятию бытия. Он утверждает, что единство мира не ограничивается мистическим Абсолютом, как это связывал Соловьёв, а непосредственно проявляется в реальности, в которой живёт и действует человек.

Познание мира для Франка — это не рассредоточенный анализ, а «живое знание», связанное с интуицией, которая одновременно является и

познавательным, и мистическим актом. Такая интуиция позволяет человеку не только воспринимать, но и сливаться с бытием, что делает процесс познания глубоко личностным и духовным переживанием [4].

В рамках философии Франка субъект и объект перестают рассматриваться как противоположности: через интуитивное проникновение происходит их органическое единение. Это снимает традиционные противоречия в философии познания, соединяя эмпирическое исследование с мистическим опытом.

По его мнению, истинное знание возможно лишь в состоянии единства с миром, что отражает религиозный взгляд на жизнь как цельное духовное сопричастие всей вселенной.

Франк также уделяет большое внимание душе человека, рассматривая её как центр живого знания и духовного опыта. Душа для него — не просто психическая сущность, а интегратор всех уровней бытия, открывающий доступ к высшей реальности через интуицию и созерцание.

Таким образом, философия Франка раскрывает духовные основы личности, основанные на единстве с Абсолютом, проявляющемся в целостности мира. В ряду религиозно-философских концепций он занимает особое место, соединяя платонические традиции с православной метафизикой.

Религиозное измерение учения Франка выражается в признании высших ценностей — Истины, Добра и Красоты — как основополагающих критериев познания и бытия, что является продолжением идеи Соловьёва о трёх ипостасях Божией Троицы.

Однако Франк делает акцент на обыденной реальности, видя в ней проявление абсолютного единства, что присутствует не только в идеале, но и в конкретном мире вокруг нас. Такое понимание придаёт его философии приземлённый и в то же время мистический характер, расширяя горизонты русской религиозной мысли вне классической догматики.

Итогом размышлений Франка становится концепция абсолютного единства, в котором субъект и объект, познание и мистический опыт, материальное и духовное — едины и взаимно обусловлены.

Эта философия не только уточняет метафизические основания бытия, но и раскрывает духовные основы человека как существа, способного к единению с целым миром.

Идеи Семёна Франка продолжают традиции русской религиозной мысли, предлагая целостный взгляд на мир и человека в нем, который сохраняет актуальность и в современном философском дискурсе [5].

Несмотря на значимость работ эмигрантских мыслителей, их публикация в СССР была крайне ограничена. Уже в 1950-х годах начались отдельные попытки издания трудов представителей русской философии зарубежья, однако эти издания выходили с жёсткими ограничениями.

Например, книги Николая Онуфриевича Лосского (1954 г.) и Владимира Васильевича Зеньковского (1956 г.) были опубликованы с грифом «рассылается по специальному списку», что фактически ограничивало их распространение лишь среди избранных специалистов и вузов, тщательно контролировавших доступ к таким текстам [6].

Более того, многие книги и статьи философов русского зарубежья не только не издавались в широком доступе, но и уничтожались или помещались в спецхран для ограничения любой возможности читать и цитировать их. Такая практика создавалась с целью исключить влияние эмигрантской философии на советскую интеллектуальную жизнь, которая подвергалась жёсткой централизованной цензуре.

Вследствие столь жёсткой цензурной политики работы философов русского зарубежья стали практически неизвестны широкой аудитории в СССР, что привело к значительной изоляции этих идей от советской философской традиции.

Общедоступное изучение их философии стало возможным только после распада Советского Союза, когда труды эмигрантов получили возможность свободного издания и распространения.

Таким образом, цензурные ограничения существенно сдерживали развитие и распространение идей русского философского зарубежья внутри страны в советский период, препятствуя формированию целостного понимания отечественной философской традиции [6].

После распада Советского Союза ситуация существенно изменилась: труды ключевых фигур русской философской эмиграции стали выходить в России и за границей в свободном доступе.

В 1990 году в Москве вышло комментированное издание произведений философов русского послеоктябрьского зарубежья, включающее фундаментальные труды Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, В. В. Зеньковского и других, что стало важным событием для формирования целостного представления о развитии русской философии в эмиграции [7].

Свободное издание и систематизация трудов философов, ранее игнорировавшихся или запрещенных в советское время, позволили расширить научный диалог и интегрировать идеи Лосского, Зеньковского и Франка в общий контекст российской философской традиции.

Их наследие стало предметом анализа в университетских программах, конференциях и монографиях, что способствует переосмыслению национальной интеллектуальной истории и стимулирует новые исследования в области религиозной философии и метафизики.

В целом, возрождение интереса к философии русского зарубежья отражает современную тенденцию к восстановлению утраченных культурных связей и признанию многоголосия российского философского поля.

Это возрождение интереса открыло новые перспективы для изучения русского философского наследия эмиграции.

Вхождение трудов Лосского, Зеньковского, Франка и их коллег в академический дискурс позволило отечественным исследователям и философам расширить горизонты понимания русской интеллектуальной самобытности и духовных основ бытия, укрепив мост между дореволюционной мыслью и современностью [7].

Русские философы зарубежья сохранили и развили религиозно-интуитивистские концепции, где центральной остаётся идея духовного постижения мира, сопряжённого с личностной свободой и нравственной ответственностью. Это стало альтернативой как советской идеологии, с её материалистическим и атеистическим мировоззрением, так и западным

рационалистическим и системным методам. Внутри современной российской философии возрожденные труды русского зарубежья способствовали формированию персоналистских и метафизических подходов, обращённых к таким ключевым категориям, как свобода личности, соборность — идея совместного духовного бытия и сохранения индивидуальности, а также к постижению высших духовных ценностей [8].

Философы эмиграции предлагали глубокий культурно-духовный проект обновления России через возрождение её духовных традиций. Это отражается в современной российской философской практике через восстановление интереса к патриотическим, религиозным и метафизическим темам и попытку интеграции этих идей в общественно-политический и культурный контексты.

Иван Ильин, например, стал источником переосмысления национальной идентичности и роли России как духовного центра, что нашло отклик в современных философских и культурологических исследованиях.

Аналогично взгляды Франка с его критикой западной философии Хайдеггера и самостоятельной концепцией соборности приобрели новое звучание в российской интеллектуальной среде, внося вклад в развитие философии личности и метафизики.

Такой диалог с зарубежной философской традицией показывает сохранение и трансформацию русской идеи в условиях современности [7].

Несмотря на то, что философия русского зарубежья в послевоенный период частично утратила активность и влияние, после 1990-х годов её идеи получили новую жизнь в виде изданий, исследований и обсуждений на научных форумах.

Этот процесс ведёт к переосмыслению смыслов русского историко-философского наследия и стимулирует развитие диалогов между философскими школами внутри России и за её пределами. Важным аспектом становится интеграция религиозных и метафизических концептов, укрепляющих духовный и культурный фундамент современной мысли [6].

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением междисциплинарных подходов и систематизацией наследия русского

зарубежья, что позволит более полно раскрыть его влияние на феномены национального сознания, идентичности и духовной культуры.

Разработка новых методологий для анализа философских текстов эмиграции, а также изучение их имплицитного и эксплицитного вклада в современную международную философскую мысль, представляют актуальные направления.

Вследствие этого философия русского зарубежья может играть важную роль в формировании целостного мировоззрения современной России и в развитии глобального философского диалога [6].

Философия русского зарубежья представляет собой важное культурно-философское явление, оказавшее значительное влияние на мировую религиозную и метафизическую мысль.

Эта традиция сыграла роль моста, соединяющего глубокие духовные основания русской культуры с широкой европейской философской традицией, обогащая её новыми перспективами.

Русские философы эмиграции не только сохраняли и передавали национальное культурное наследие, но и включали его в глобальный диалог, в котором критически осмыслили и западные, и советские идеологические парадигмы, предлагая нестандартные подходы к вопросам личности, свободы и метафизического бытия[6].

Особая значимость этого феномена заключается в интегративном характере его идей, которые объединяют религиозно-философские традиции с элементами культурологического и исторического анализа.

Таким образом, русская философия эмиграции стала одним из важных центров развития мировоззренческих концептов, нацеленных на духовное постижение мира как целого и единства, что дополнительно расширило горизонты религиозной метафизики в общемировом масштабе.

Признание этой традиции внесло вклад в укрепление интереса к гуманитарным вопросам, связанным с проблемами культуры, идентичности и трансцендентального опыта.

Вклад русской философской эмиграции также выражается в её способности преодолевать национальные и культурные границы, влияя на

развитие персоналистских и холистических моделей мысли, а также стимулируя поиск новых путей взаимодействия человека с духовным измерением бытия.

Этот вклад обогатил мировую философию важными концептуальными инструментами, которые продолжают оживлять современный философский и теологический дискурс.

Таким образом, наследие русского философского эмигрантства сохраняет свою актуальность и сегодня, являясь неотъемлемой частью мировой культурной сокровищницы.

Оно способствует глубинному пониманию человеческой духовности и открывает новые горизонты для межкультурного и межрелигиозного диалога, подчеркивая универсальность и одновременно уникальность русского философского вклада в глобальный контекст [9].

Проведённое исследование позволило всесторонне осветить феномен русского философского эмигрантского направления, образовавшегося в начале XX века в результате масштабной эмиграции русской интеллектуальной элиты.

Анализ исторического контекста выявил, что революционные события и смена политической парадигмы в России стали катализатором возникновения новых философских школ за рубежом, где эмигранты мыслители сохранили и развили национальные духовные традиции в условиях жесткого идеологического давления на родине.

Мы рассмотрели творчество ключевых представителей направления: Николая Лосского, Владимира Зеньковского и Сергея Франка, каждый из которых внёс уникальный вклад в религиозно-философское осмысление бытия, личности и духовного единства.

Особый акцент был сделан на рассмотрении их философских концепций:

- Лосский предложил систематизацию интуитивного познания и идеалреалистическую модель органического мира;
- Зеньковский подчеркнул историко-культурные основы духовного познания через призму соборности;

– Франк развил идею абсолютного единства бытия, соединяя метафизику и мистический опыт личности.

Эти учения не только продолжили традиции русской религиозной мысли, но и стали основой для формирования оригинальных философских школ в эмиграции, отличавшихся от советской и западной философии.

Важным результатом исследования стало выявление институциональных и идеологических барьеров, существовавших в СССР, которые ограничивали доступ к трудам философов-эмигрантов.

Советская цензура, сопровождавшаяся запретами, ограниченным тиражированием и уничтожением изданий, серьёзно препятствовала интеграции этих идей в отечественное интеллектуальное пространство, что привело к частичной утрате памяти о значительном пласте русской философской традиции.

Тем не менее, анализ периода постсоветской России показал активное возрождение интереса к русской философии эмиграции, которое выразилось в изданиях, научных исследованиях, открытии библиотечных фондов и интеграции этих идей в современный философский дискурс.

Возвращение к творчеству Лосского, Зеньковского и Франка помогает современным исследователям расширить понимание метафизических и нравственных основ российской культуры и духовности, а также способствует диалогу с мировыми философскими традициями.

Наконец, был рассмотрен вклад русского философского эмигрантства в мировую культуру и философию, где оно выступает как интегративное явление, объединяющее религиозно-философские, культурологические и метафизические аспекты.

Это направление обогатило глобальную мысль новыми концепциями единства бытия, личностной свободы и духовного познания, открывая перспективы для межкультурного и межрелигиозного диалога.

Таким образом, исследование подтвердило, что русская философия эмиграции является неотъемлемой частью национального и мирового интеллектуального наследия.

Возрождение и признание её значения сегодня содействуют более глубокому осмыслению духовно-философских основ российской культуры и создают возможности для дальнейших междисциплинарных исследований, направленных на сохранение и развитие уникального философского наследия русского зарубежья.

Список использованной литературы:

1. Сердюкова, Е. В. Н.О. Лосский как философ и историк философии / Е. В. Сердюкова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2018. – Т. 7, № 6А. – С. 38-44.
2. Борзова, Е. П. Николай Онуфриевич Лосский. Философские искания. Учебное пособие / Е. П. Борзова. – Санкт-Петербург : Издательство СПбКО, 2008. – 136 с. – ISBN 978-5-903983-01-8.
3. Зеньковский Василий, протопресвитер. Типы мировоззрений Н.О. Лосского / Журнал «Путь». № 32. – 1932. С. 107-109.
4. Русская религиозно-философская мысль XX века : Сб. статей / Под ред. Н. П. Полторацкого. - Питтсбург : Отд. славянских яз. и лит-р Питтсбургского ун-та, 1975. - 413 с. / С. Левицкий. С.Л. Франк. 372-382 с.
5. Сочинения / С. Л. Франк; [Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Ю. П. Сенокосова; Журн. "Вопр. философии" и др.]. - М. : Правда, 1990. - 607 с. / Непостижимое. 183-559 с.
6. Аверьянов, В. В. Проблема традиции в русской философии XX века (Русское Зарубежье) : специальность 09.00.03 "История философии" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Аверьянов Виталий Владимирович. – Москва, 2000. – 208 с.
7. Гаврилов, И. Б. Ф. А. Степун о России и русской философии / И. Б. Гаврилов // Христианское чтение. – 2017. – № 2. – С. 345-373.
8. Селиванова Ольга Сергеевна, Муравлева Ольга Васильевна, Некрасова Анастасия Сергеевна. Россия, которую мы обретаем: философия русского зарубежья и современность // Евразийский Союз Ученых. 2014. №7.
9. Розова, Е. О. Философия культуры русского зарубежья (В.В. Вейдле, В.Н. Ильин, Г.П. Федотов) : специальность 09.00.03 "История философии" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Розова Екатерина Олеговна. – Москва, 2013. – 17 с.

© Зверкович Г.В., 2026

УДК 141

ГЛАВА 6

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ ФУНКЦИИ К ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КОНФИГУРАЦИИ

ИШКОВ А.Д.

канд. психол. наук, доцент

НИУ МГСУ

г. Москва, РФ

Аннотация. В монографии разрабатываются теоретико-методологические основания функционального анализа деятельности. Функция рассматривается как фундаментальная единица анализа, раскрываются функциональная организация, структура и конфигурация деятельности. Предложен функциональный цикл как процедура реконструкции функциональной конфигурации и сформирована программа эмпирической проверки функционального подхода.

Ключевые слова: деятельность, функция, функциональный анализ, функциональная организация, функциональная структура, функциональная конфигурация, функциональный цикл.

FUNCTIONAL ORGANIZATION OF ACTIVITIES: FROM FUNCTION TO FUNCTIONAL CONFIGURATION

ISHKOV A.D.

PhD in Psychology, Associate Professor

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

Moscow, RF

Abstract. The monograph develops the theoretical and methodological foundations of the functional analysis of activity. Function is considered a fundamental unit of analysis, and the functional organization, structure, and configuration of activity are examined. A functional cycle is proposed as a procedure for reconstructing functional configurations, and a program for the empirical testing of the functional approach is outlined.

Keywords: activity, function, functional analysis, functional organization, functional structure, functional configuration, functional cycle.

Введение

Деятельность является предметом исследования различных научных дисциплин и поэтому описывается посредством понятий, принадлежащих к разным уровням теоретического анализа. В системной методологии существенное значение имеет рассмотрение объекта как системы взаимосвязанных элементов, причем предметом анализа становятся не только сами элементы, но и отношения между ними и принципы их организации [1]. В психологии деятельность рассматривается через соотношение деятельности, действия и операции, субъекта, мотива, цели, предмета, средств и условий; различение деятельности, действия и операции последовательно разработано в деятельностном подходе [2]. В физиологических исследованиях используются представления о функциональных системах и процессах, обеспечивающих получение результата. В организационных и технических исследованиях анализируются распределение задач, взаимодействие компонентов и способы достижения требуемых состояний.

Многообразие этих подходов отражает сложность самого предмета. При этом наличие различных способов описания деятельности не означает, что ее теоретический анализ исчерпан. Один и тот же объект может быть рассмотрен с разных оснований, каждое из которых выделяет определенную сторону его организации. Поэтому вопрос состоит не в выборе единственного правильного описания деятельности, а в определении того, какие самостоятельные уровни ее анализа могут быть теоретически выделены и какое дополнительное знание каждый из них позволяет получить.

Настоящая работа посвящена одному из таких уровней – функциональному.

Исходным для исследования является положение о том, что деятельность может быть рассмотрена не только через ее компоненты, действия, операции или средства, но и через функции, которые обеспечивают получение требуемых результатов. Фундаментальная единица анализа рассматривается как самостоятельная методологическая категория, а применительно к деятельности функция может рассматриваться как

фундаментальная единица функционального анализа. На следующем этапе функциональная организация деятельности была выделена как самостоятельный уровень ее теоретического описания.

Однако признание функции единицей анализа еще не решает более сложной задачи. Необходимо установить, каким образом функции объединяются в систему, какие отношения между ними имеют структурообразующее значение, как конкретная деятельность реализует такую организацию и каким образом можно реконструировать ее функциональную конфигурацию.

Именно последовательному решению этих вопросов посвящена настоящая работа. Ее основная логика может быть представлена как переход от общего методологического основания к конкретной конструкции: **фундаментальная единица анализа → функция → функциональная организация → функциональная структура → функциональная конфигурация → функциональный цикл и процедура реконструкции → программа эмпирической проверки.**

Такой порядок имеет принципиальное значение. Нельзя непосредственно перейти от выделения функции к анализу индивидуальных различий или конкретных способов реализации, минуя вопрос об организации функций. Функциональная организация не может быть полноценно описана без различения структуры и конкретной конфигурации ее реализации.

Работа поэтому не ставит целью заменить существующие теории деятельности или построить универсальную психологическую теорию. Функциональный подход рассматривается как дополнительный уровень анализа. Его задача состоит в том, чтобы исследовать, какие функции обеспечивают деятельность, каким образом они организованы, какие отношения между ними существенны, кто или что их реализует и каким образом конкретная функциональная организация воплощается в деятельности.

Такое ограничение имеет не только редакционное, но и методологическое значение. Если функциональный анализ начинает просто переименовывать уже известные категории, его самостоятельность становится

сомнительной. Поэтому в работе последовательно проводится различение функции и цели, действия, операции, средства, результата и носителя функции. Аналогично различаются функциональная организация, функциональная структура и функциональная конфигурация.

В качестве исходной аналитической схемы в работе используется базовая функциональная триада – ориентация, преобразование и регуляция. Она не рассматривается ни как логически минимальный, ни как эмпирически исчерпывающий состав функций деятельности. В зависимости от предмета исследования самостоятельное значение могут иметь диагностика, коммуникация, координация, мониторинг, прогнозирование и другие функции.

Особое внимание уделяется различию между функцией и способом ее реализации. Одна функция может реализовываться различными носителями и различными способами, тогда как один носитель может участвовать в реализации нескольких функций. Поэтому изменение носителя или способа реализации не следует автоматически интерпретировать как изменение самой функции или функциональной структуры. Это различие позволяет перейти от анализа функционального устройства деятельности к проблеме ее вариативности.

Одним из результатов работы становится постановка этой проблемы. Если одна и та же функция может реализовываться различными способами, возникает вопрос о том, могут ли различия в таких способах иметь устойчивый индивидуальный характер и какие факторы могут быть связаны с их возникновением и сохранением. В этой работе этот вопрос не получает окончательного объяснения. Он обозначает границу построенного функционального уровня анализа и одновременно направление дальнейшего исследования.

Задача работы состоит не в том, чтобы объявить сформированной завершенную теорию деятельности, а в том, чтобы последовательно построить теоретически определенный функциональный уровень ее анализа. При подтверждении его основных положений и последующей теоретической и эмпирической разработке данная концепция может получить дальнейшее развитие.

1. Фундаментальная единица анализа как основание построения теории деятельности

Проблема исходной единицы теоретического анализа

Построение научной теории начинается не только с накопления фактов и формулирования отдельных понятий. Не менее существенным является определение того, что именно принимается за исходную единицу анализа исследуемого объекта.

Любой сложный объект допускает множество способов расчленения. Его можно рассматривать через состав, структуру, процессы, свойства, отношения, состояния, функции и другие характеристики. Однако разные способы расчленения не являются взаимозаменяемыми. Выбор исходной единицы определяет, какие отношения становятся предметом анализа, какие свойства могут быть непосредственно реконструированы и какие теоретические вопросы оказываются доступными. Поэтому фундаментальная единица анализа не должна пониматься как произвольно выбранный «элемент» объекта.

Фундаментальная единица анализа рассматривается как самостоятельная методологическая категория исследования научной теории. Ее значение определяется тем, что она должна сохранять существенные свойства исследуемой целостности и одновременно позволять реконструировать отношения, которые теория стремится объяснить.

Это различие особенно важно применительно к деятельности. Если деятельность расчленяется только на отдельные компоненты, исследователь получает сведения о ее составе. В деятельностном подходе ее строение раскрывается, в частности, через различение деятельности, действий и операций [3]. Если внимание направлено на субъекта, средства или условия, выявляются соответствующие стороны деятельности. Каждое из этих оснований позволяет исследовать определенный аспект деятельности, но само по себе не отвечает на тот вопрос, который ставится в функциональном анализе: какое системное значение имеет рассматриваемый процесс или компонент для обеспечения определенного результата. Обращение к субъекту как к принципиальной стороне анализа деятельности соответствует субъектно-

деятельностной традиции С.Л. Рубинштейна [4]. Именно здесь возникает проблема функционального анализа.

Единица анализа и элемент объекта

Фундаментальную единицу анализа необходимо отличать от элемента объекта. Элемент может быть выделен по признаку принадлежности к составу исследуемой системы. Однако из самого факта принадлежности еще не следует его отношение к обеспечиваемому системой результату. Например, субъект, техническое средство, действие или физиологический процесс могут быть компонентами деятельности. Но каждый из них может участвовать в реализации разных функций в зависимости от того, какое место занимает в конкретной организации деятельности.

Поэтому компонентное и функциональное расчленение не совпадают. Компонент отвечает прежде всего на вопрос: что входит в систему? Функциональный анализ задает другой вопрос: какую роль выполняет то или иное отношение, процесс или компонент в обеспечении деятельности и ее результата? Эти вопросы могут относиться к одному и тому же объекту, но не являются тождественными.

Отсюда следует важное методологическое требование: если функция претендует на статус фундаментальной единицы анализа деятельности, она должна позволять исследовать именно тот аспект деятельности, который не исчерпывается ее компонентным описанием.

Требования к фундаментальной единице анализа

Для обоснования фундаментальной единицы недостаточно показать, что соответствующее понятие используется в научной литературе. Необходимо установить, какую аналитическую работу оно выполняет. В общем случае фундаментальная единица анализа должна удовлетворять нескольким требованиям.

Во-первых, она должна быть содержательно определенной. Иначе ее использование приведет к произвольному выделению фрагментов объекта. Во-вторых, она должна быть теоретически продуктивной – позволять выявлять отношения, существенные для предмета исследования. В-третьих, она должна

сохранять связь с целостностью исследуемого объекта. Единица не должна быть просто фрагментом, искусственно изолированным от системы отношений. В-четвертых, она должна позволять осуществлять последующее теоретическое развертывание. Если после выделения единицы невозможно построить из нее более сложные отношения и конструкции, ее методологическая ценность ограничена.

Наконец, необходимо различать фундаментальность единицы анализа и утверждение о ее абсолютной универсальности. Для системной методологии принципиально различие уровней исследования объекта и соответствующих им средств анализа [5]. В настоящей работе из этого следует более частное методологическое положение: выбор единицы анализа должен соотноситься с тем уровнем организации деятельности, который исследователь стремится описать. Поэтому одна и та же деятельность может анализироваться посредством различных единиц, если исследуются различные стороны ее организации. Поэтому утверждение о фундаментальности функции в настоящей работе означает не то, что функция должна заменить действие, операцию, мотив, субъект или другие категории, а то, что для функционального уровня анализа именно функция принимается за исходную единицу.

Почему выбор единицы определяет структуру теории

Выбор фундаментальной единицы имеет последствия для всей последующей теоретической конструкции. Если исходной единицей является действие, теория будет прежде всего исследовать отношения между действиями и условиями их выполнения. Если исходной единицей является компонент, в центре окажутся отношения между компонентами. Если исходной единицей является функция, предметом анализа становятся функциональные отношения.

Выбор единицы тем самым задает перспективу дальнейшего построения теории [6]. Такая постановка вопроса соответствует пониманию исходных категориальных средств как основания дальнейшего теоретического развертывания. Для функционального подхода это означает, что недостаточно установить наличие отдельных функций. Необходимо последовательно

ответить на следующие вопросы: Что считать функцией? Чем функция отличается от других категорий деятельности? Как функции связаны между собой? Какие связи имеют структурообразующее значение? Как функции реализуются конкретными носителями? Как соотносятся функция и способ ее реализации? Как реконструировать функциональную организацию конкретной деятельности? Последовательное решение этих вопросов и составляет дальнейшую логику настоящей работы.

Фундаментальная единица и предмет функционального анализа

Понятие фундаментальной единицы приобретает смысл только в связи с определенным предметом анализа. В этой работе предметом является не деятельность вообще во всех ее аспектах, а ее функциональная организация. Это ограничение принципиально. Функциональный анализ не претендует на то, чтобы заменить психологическое объяснение мотивации, физиологическое объяснение механизмов, социальное объяснение взаимодействий или организационное объяснение распределения труда. Он отвечает на иной вопрос – как деятельность организована относительно функций, которые обеспечивают ее требуемые результаты.

Такое понимание позволяет избежать конкуренции функционального подхода с другими теориями. Функция в этом случае выступает не универсальным объяснительным понятием, которое должно заменить все остальные категории, а исходной единицей определенного уровня анализа.

От фундаментальной единицы к функциональной единице

Если фундаментальная единица должна позволять исследовать определенный аспект целостности, то применительно к функциональному уровню возникает задача определить единицу, которая сохраняет связь между отдельным процессом или компонентом и обеспечиваемым результатом. Такой единицей становится функция. Обращение к понятию функции само по себе еще не решает проблему построения функционального анализа. Функциональный способ рассмотрения имеет длительную историю использования в психологии и связан с различными исследовательскими основаниями [7]. Кроме того, в более широком научном употреблении термин

«функция» используется неоднозначно: им могут обозначаться назначение объекта, его роль, выполняемая задача, физиологический процесс, математическая зависимость и другие отношения. Поэтому следующий шаг должен состоять не в простом переносе существующего понятия функции в теорию деятельности, а в его специальном определении относительно предмета исследования. Именно поэтому в следующей части рассматривается функция как фундаментальная единица анализа деятельности.

2. Функция как фундаментальная единица анализа деятельности

Предыдущий анализ установил требования к фундаментальной единице анализа. Теперь необходимо определить, почему именно функция может выполнять роль исходной единицы функционального анализа и где проходят границы этого решения.

Переход от методологической единицы к функции

В предыдущей части было показано, что выбор фундаментальной единицы анализа определяет, какой аспект исследуемого объекта становится предметом теоретического рассмотрения. Для функционального уровня анализа необходимо поэтому определить такую единицу, которая позволяла бы исследовать не просто состав деятельности, а системное значение ее процессов и компонентов относительно обеспечиваемого результата.

В качестве такой единицы предлагается рассматривать функцию. При этом само использование понятия функции еще не является достаточным основанием для ее фундаментального статуса. Термин «функция» применяется в различных научных контекстах и может обозначать назначение объекта, выполняемую задачу, роль элемента системы, физиологический процесс или математическую зависимость. Поэтому в настоящем исследовании функция рассматривается в специально определенном смысле.

Функция – системно обусловленное отношение, посредством которого в деятельности реализуется определенное функциональное требование относительно рассматриваемого результата в заданных условиях. Функция не тождественна ни самому требованию, ни конкретному процессу, средству,

носителю или способу реализации. В этом определении существенным является не сам компонент и не производимый им эффект, а отношение между определенным участием в деятельности и тем, что благодаря этому участию обеспечивается.

Самого факта связи процесса или компонента с результатом недостаточно для признания отношения функциональным. Случайное содействие, корреляция, побочный эффект, наличие условия, использование средства или конкретный механизм реализации сами по себе функцией не являются. Функциональное отношение выделяется тогда, когда участие процесса, компонента или их совокупности имеет системное значение для обеспечения рассматриваемого результата в заданных условиях. Нормативно предписанная функция также требует отдельной проверки: предписание показывает, что должно выполняться, но еще не доказывает, что соответствующая функция фактически реализуется.

Такое понимание сразу задает отличие функции от элемента деятельности. Один и тот же компонент может участвовать в реализации нескольких функций, а одна функция может обеспечиваться несколькими компонентами. Поэтому функциональное расчленение деятельности не совпадает с ее компонентным расчленением. Именно это различие позволяет рассматривать функцию как единицу анализа особого уровня. Ее фундаментальность имеет методологический, а не онтологический смысл: речь идет об исходной единице функционального анализа, а не о первооснове деятельности вообще.

Почему исходной единицей выбирается именно функция, а не результат, процесс, задача или функциональное требование? Результат задает состояние, которое должно быть обеспечено, но не раскрывает организацию его обеспечения. Функциональное требование фиксирует, что именно должно быть обеспечено для получения или поддержания рассматриваемого результата. Функция характеризует системное отношение, посредством которого соответствующее функциональное требование реализуется в деятельности. Процесс описывает происходящее изменение, задача – то, что

предстоит решить, носитель – кем или чем осуществляется реализация, а способ реализации – как именно функция осуществляется данным носителем или их совокупностью. Поэтому функция связывает требование результата с системным значением участия в деятельности и при этом остается аналитически независимой от конкретного носителя и способа реализации. В этом состоит основание ее исходного статуса на функциональном уровне анализа.

В этой логике исходное различие имеет вид: **результат** → **функциональное требование** → **функция** → **способ реализации** → **носитель функции**. Способ и носитель характеризуют реализацию функции и не входят в ее определение.

Функция и результат

Поскольку функция определяется через отношение к обеспечиваемому результату, необходимо прежде всего различить функцию и сам результат. Результат характеризует состояние, изменение или иной итог, который должен быть обеспечен деятельностью. Функция характеризует то системное отношение, посредством которого определенный процесс, компонент или их совокупность участвуют в обеспечении этого результата. Поэтому функция не является названием результата.

Если определенная деятельность должна обеспечить переход системы из исходного состояния в требуемое, сам требуемый результат не отвечает на вопрос о том, какие функциональные отношения обеспечивают этот переход. Например, поддержание заданного режима технической системы может быть требуемым результатом деятельности оператора. Однако этот результат сам по себе не раскрывает, каким образом осуществляется получение информации о текущем состоянии, ее соотнесение с требуемым состоянием, выбор направления воздействия и последующая коррекция процесса.

Результат фиксирует состояние или изменение, относительно которого ведется анализ; функциональное требование – то, что необходимо обеспечить для его получения или поддержания; функция – системное отношение, посредством которого это требование реализуется. Это различие

необходимо и для дальнейшего анализа. Если отождествить функцию с результатом, функциональный анализ потеряет собственный предмет и фактически превратится в описание целей и состояний деятельности.

Разграничение функции с близкими категориями необходимо, но не требует повторного отрицательного определения в каждом случае. В деятельностной традиции действие и операция различаются по их месту и условиям выполнения [2]. Для анализа действия существенное значение имеют также его ориентировочная основа и условия осуществления, подробно рассматриваемые П.Я. Гальпериным [8]. В функциональном анализе эти положения не используются как готовое определение функции: действие, операция и условия его выполнения относятся к характеристикам конкретной деятельности, тогда как функция выделяется по ее системному отношению к обеспечению функционального требования.

Основные различия между функцией и смежными категориями сведены в таблице 1.

В таблице 1 различия сведены в положительной форме. Для дальнейшего анализа существенно не перечисление того, чем функция не является, а возможность проследить, что именно сохраняется или изменяется при смене действия, операции, средства, носителя или способа реализации. Представление об опосредованном характере человеческой деятельности и роли знаковых средств получило принципиальное развитие в культурно-историческом подходе Л.С. Выготского [9]. Для функционального анализа отсюда, однако, не следует отождествление средства с функцией. Средство рассматривается как то, посредством чего может осуществляться деятельность и реализовываться определенная функция, тогда как функциональный статус устанавливается по отношению к обеспечиваемому функциональному требованию.

В дальнейшем эти категории используются в одном значении. Результат обозначает состояние или изменение, относительно которого строится анализ. Функциональное требование фиксирует, что должно быть обеспечено для получения или поддержания результата. Функция характеризует системное

отношение, посредством которого соответствующее требование реализуется. Носитель указывает, кто или что участвует в реализации функции, а способ реализации – как именно она осуществляется.

Таблица 1. Разграничение функции и смежных категорий

Категория	Что фиксирует	Отношение к функции
Цель	Предполагаемый или заданный результат	Задаёт направленность, но не описывает системное обеспечение результата.
Действие	Предметно или сознательно организованный акт деятельности	Может реализовывать одну или несколько функций.
Операция	Способ выполнения действия в определенных условиях	Относится к способу реализации, а не к функции как таковой.
Средство	То, посредством чего осуществляется деятельность	Может участвовать в реализации функции, но не тождественно ей.
Контроль	Процедура сопоставления и проверки	Может быть способом реализации регуляции либо, при наличии самостоятельного системного значения, участвовать в обосновании отдельной функции
Носитель	Субъект, компонент или система, реализующие функцию	Один носитель может реализовывать несколько функций; одна функция может распределяться между носителями.
Способ реализации	Конкретная организация действий, процессов и средств, посредством которой реализуется функция	Может изменяться при сохранении функции.
Компонент	Элемент состава деятельности или системы	Его функциональный статус определяется системной релевантностью обеспечению соответствующего функционального требования

Сопоставление с теорией функциональных систем и деятельностью подходом

Результативная направленность предлагаемой конструкции сближает ее с теорией функциональных систем П.К. Анохина, однако совпадение внимания к результату не означает тождества предмета и единицы анализа. В теории функциональных систем результат выступает системообразующим фактором организации целостной функциональной системы [10]. Ее конкретная системная архитектура включает афферентный синтез, принятие решения,

акцептор результата действия и обратную афферентацию [11]. В настоящем подходе исходной единицей функционального анализа принимается функция как системно значимое отношение к обеспечению функционального требования. Поэтому предметом становится не построение физиологической модели функциональной системы, а реконструкция функциональной организации деятельности и вариантов ее реализации.

Не менее важно разграничение с деятельностным подходом А.Н. Леонтьева. В его структуре деятельности действие соотносится с сознательной целью, а операция – с условиями осуществления действия [2]. Функциональный анализ задает другое расчленение: одно действие может участвовать в реализации нескольких функций, а одна функция – реализовываться различными действиями, операциями, носителями и способами. Поэтому функция не заменяет действие или операцию, а вводит дополнительное основание анализа – отношение к обеспечению функционального требования. Сопоставление этих теоретических оснований с предлагаемым функциональным подходом представлено в таблице 2.

Таким образом, предлагаемая конструкция не рассматривается ни как расширение теории функциональных систем на деятельность, ни как замена деятельностного подхода. Ее собственная задача состоит в аналитическом разведении функционального требования, функции, носителя и способа реализации и в исследовании того, что сохраняется или изменяется при вариативности конкретной реализации деятельности.

Функциональное отношение не сводится к простой причинности и не требует абсолютной необходимости для результата. Его системная релевантность проявляется в том, что изменение, исключение или нарушение соответствующего функционального отношения при прочих сопоставимых условиях изменяет возможность, вероятность, качество, устойчивость либо способ обеспечения функционального требования. Поэтому резервный или избыточный способ может реализовывать функцию даже тогда, когда его исключение не ведет к немедленной потере результата: вклад может состоять в повышении надежности или устойчивости.

Таблица 2. Сопоставление теоретических оснований и предлагаемого функционального подхода

Основание	Теория функциональных систем П.К. Анохина	Деятельностный подход А.Н. Леонтьева	Функциональный подход к анализу деятельности
Исходная проблема	Системная организация процессов, обеспечивающих полезный приспособительный результат	Строение деятельности и отношения деятельности, действий и операций	Выделение и реконструкция функционального уровня анализа деятельности
Центральная единица	Функциональная система	Деятельность, действие, операция в их структурных отношениях	Функция
Роль результата / цели	Результат выступает системообразующим фактором функциональной системы	Цель соотносится с действием; мотив – с деятельностью	Результат задает основание для выявления функциональных требований и реконструкции функций
Отношение к реализации	Компоненты объединяются в систему ради достижения результата	Способ осуществления действия зависит от условий и выражается в операциях	Функция аналитически отделяется от носителя и способа реализации
Специфический вопрос	Как организуется целостная система, обеспечивающая результат?	Как строится и осуществляется предметная деятельность субъекта?	Какие функции обеспечивают требования результата, как они связаны и как реализуются в конкретной деятельности?

Критерии фундаментальности функции

После проведенного категориального разграничения необходимо вернуться к исходному вопросу: достаточно ли этого для признания функции фундаментальной единицей анализа? Не всякое функциональное отношение может претендовать на такой статус. Если каждую частную операцию или локальный процесс объявить самостоятельной функцией, функциональная модель окажется столь же фрагментарной, как и компонентная.

Для анализа выделены несколько критериев фундаментальности функции.

Интегративность. Функция должна связывать различные компоненты или процессы деятельности и иметь значение для организации деятельности в целом. Отношение, относящееся только к единичному локальному процессу, еще не получает тем самым фундаментального статуса.

Системная значимость. Функция должна быть связана с отношением, изменение, исключение или нарушение которого влияет на возможность, вероятность, качество, устойчивость либо способ обеспечения существенного функционального требования. При этом системно значимой является сама функция, а не обязательно конкретный носитель или способ ее реализации.

Независимость от конкретного носителя. Если изменение носителя не приводит к исчезновению соответствующего функционального требования, это свидетельствует в пользу самостоятельности функции относительно ее носителя.

Объяснительная самостоятельность. Выделение функции должно позволять получить знание о деятельности, которое не сводится к простому описанию компонентов, действий или операций.

Воспроизводимость. Функциональное отношение должно позволять идентифицировать одну и ту же функцию в различных вариантах ее реализации, если сохраняются соответствующее функциональное требование и системное отношение к его обеспечению.

Эти критерии не образуют формального теста. Они задают основания, по которым функциональное отношение может получить статус исходной единицы функционального анализа.

Базовая функциональная триада

Ориентация, преобразование и регуляция образуют базовую аналитическую схему. Ее назначение – задать исходные различия, которые затем могут уточняться и дополняться в зависимости от предмета исследования; утверждение о минимальности или универсальности этой триады не принимается.

Триада задает три исходных различения: ориентация характеризует получение и использование информации о текущем и требуемом состоянии и условиях деятельности; преобразование – осуществление изменений, обеспечивающих переход от исходного состояния к требуемому; регуляция – поддержание или изменение процесса в соответствии с информацией о его состоянии, условиях и требуемом результате.

Ее статус ограничен аналитической задачей. Выделение трех функций не означает их логической необходимости, совместной достаточности, неделимости или универсальности. Эти свойства должны проверяться отдельно на различных классах деятельности. Поэтому диагностика, коммуникация, координация, мониторинг, прогнозирование и другие функции могут получать самостоятельный статус, если их системное значение не сводится к уже выделенным отношениям.

Статус базовой функциональной триады

Выделение ориентации, преобразования и регуляции создает еще одну методологическую проблему: где проходит граница между фундаментальной функцией и механизмом ее реализации? Например, контроль, оценка и коррекция могут иметь большое практическое значение, но их наличие еще не требует признания каждой из этих форм отдельной фундаментальной функцией. Если определенное отношение уже адекватно описывается в составе регулятивной функции, введение дополнительной фундаментальной функции должно иметь самостоятельное теоретическое основание.

Такое ограничение необходимо для сохранения аналитической компактности конструкции. При этом оно не исключает последующего выделения дополнительных функций. Напротив, если исследование конкретного вида деятельности покажет, что определенная функция обладает самостоятельным системным значением и не может быть адекватно описана посредством уже выделенных функций, ее можно рассматривать отдельно. Следовательно, базовая функциональная триада остается открытой аналитической схемой, а не закрытой классификацией функций.

Функциональная эквивалентность

Различение функции и способа ее реализации позволяет ввести еще одно важное отношение – функциональную эквивалентность. Различные процессы, действия, компоненты или средства могут выполнять одну и ту же функцию, если их участие обеспечивает одно и то же функциональное отношение относительно соответствующего результата в заданных условиях. Это означает, что функциональное различие и компонентное различие не совпадают.

Два варианта деятельности могут значительно различаться по составу компонентов и одновременно быть сходными по функциональной организации. Обратная ситуация также возможна: состав компонентов может оставаться относительно стабильным, но функциональное значение их участия может измениться. Именно поэтому функциональный анализ способен фиксировать изменения, которые не видны непосредственно при компонентном описании. В частности, он позволяет рассматривать сохранение функции при замене носителя и изменение функционального значения при сохранении компонента.

Функция как основание дальнейшего построения

Тем самым функция позволяет выделить самостоятельный аспект организации деятельности, сохраняя связь с обеспечиваемым результатом и целостностью деятельности. Функция не заменяет цель, действие, операцию, средство, контроль, компонент или результат. Напротив, она позволяет установить дополнительные отношения между этими категориями.

Функциональный анализ поэтому не требует отказа от традиционного понятийного аппарата. Его задача состоит в другом – показать, какое функциональное значение имеют различные элементы и процессы в системе деятельности и как это значение связано с обеспечиваемым результатом. Это позволяет перейти от отдельной функции к следующему уровню анализа.

Если функция является фундаментальной единицей, то деятельность может быть исследована как система взаимосвязанных функций. Возникает уже не вопрос о содержании отдельной функции, а вопрос о том, как функции организованы относительно друг друга и обеспечиваемого результата. Именно этот вопрос составляет предмет следующей части.

3. Функциональная организация деятельности

Функция уже определена как исходная единица функционального анализа. Следующий вопрос относится не к отдельной функции, а к их совместной организации: каким образом функции образуют систему обеспечения результата и какие отношения между ними существенны для такого описания.

От функции к системе функций

В предыдущей части функция была обоснована как фундаментальная единица функционального анализа деятельности. Это положение позволяет перейти от анализа отдельной функции к рассмотрению их совокупности.

Однако простое наличие нескольких функций еще не образует функциональной организации. Для этого необходимо установить, каким образом функции соотносятся между собой, как распределяется между ними обеспечение результата и каким образом их реализация образует целостный процесс деятельности. Поэтому функциональный анализ не должен останавливаться на составлении перечня функций. Такой перечень отвечает лишь на вопрос о том, какие функции выделены, но не показывает, как они организованы. Именно переход от множества функций к системе их взаимосвязей составляет следующий уровень теоретического анализа.

Под функциональной организацией деятельности в настоящей работе понимается система взаимосвязанных функций, обеспечивающих получение требуемого результата в определенных условиях. Такое определение фиксирует несколько принципиальных моментов.

Во-первых, функциональная организация предполагает не изолированные функции, а их систему. Во-вторых, основанием объединения функций выступает не их формальное сходство, а участие в обеспечении определенного результата. В-третьих, функциональная организация существует в определенных условиях, поэтому одна и та же функция может приобретать различное значение в зависимости от организации деятельности, условий ее осуществления и отношений с другими функциями. Наконец, функциональная организация является уровнем анализа, который нельзя

непосредственно отождествлять ни с субъектом деятельности, ни с совокупностью выполняемых им действий.

Функциональная организация как самостоятельный уровень анализа

Выделение функциональной организации имеет смысл только в том случае, если оно дает исследователю знание, которое не получается непосредственно из других способов описания деятельности.

Компонентный анализ позволяет установить состав деятельности. Процессуальный анализ позволяет проследить последовательность действий и операций. Анализ средств позволяет установить, посредством каких ресурсов осуществляется деятельность. Функциональная организация отвечает на иной вопрос: каким образом функции объединены в систему обеспечения результата? Поэтому она не заменяет другие уровни анализа.

Один и тот же субъект может выполнять разные функции. Одна функция может распределяться между несколькими субъектами. Одни и те же действия могут иметь различное функциональное значение в разных видах деятельности. Поэтому субъектная, процессуальная и функциональная организации не находятся в отношении взаимного исключения.

Функциональный подход выделяет дополнительное основание описания деятельности. Это позволяет сформулировать более общее положение: функциональная организация является самостоятельным уровнем теоретического описания деятельности, связанным с организацией функций относительно обеспечиваемых результатов. Такое понимание соответствует исходной логике проекта: функциональный подход не отменяет психологическое, социальное, физиологическое или иное содержательное объяснение деятельности, а выделяет дополнительный уровень ее анализа.

Функции как взаимосвязанная система

Функции деятельности не существуют изолированно. Ориентация может обеспечивать преобразование информацией о состоянии объекта и условиях его изменения. Преобразование может создавать новое состояние, информация о котором используется для последующей регуляции. Регуляция

может изменять сам процесс преобразования в зависимости от отклонений от требуемого результата. Итак, уже базовая функциональная триада показывает наличие функциональных отношений: **ориентация ↔ преобразование ↔ регуляция**.

Однако эта схема не должна пониматься как жесткая последовательность. В конкретной деятельности функции могут частично перекрываться, реализовываться параллельно, взаимно поддерживать друг друга или распределяться между различными носителями. Поэтому функциональная организация не сводится к линейной последовательности функций.

Это особенно важно для анализа сложной деятельности, где получение информации, ее интерпретация, преобразование объекта и коррекция процесса могут осуществляться одновременно. Поэтому функциональная организация должна описываться прежде всего через отношения между функциями, а не через их формальное расположение во времени.

Функциональные связи

Если функция является единицей анализа, то отношения между функциями становятся необходимым объектом дальнейшего рассмотрения.

Функциональная связь – системно значимое отношение между функциями, при котором реализация или изменение одной функции имеет значение для условий, способа, возможности или результата реализации другой функции в составе рассматриваемой деятельности. Такое определение позволяет не сводить связь к простой временной последовательности. Одна функция может: обеспечивать условия для реализации другой; предоставлять ей необходимую информацию; изменять условия ее реализации; корректировать ее осуществление; зависеть от результата ее реализации; частично разделять с ней общего носителя.

Поэтому функциональная связь может иметь различный характер. Например, ориентационная функция может создавать информационные условия для преобразования. Регулятивная функция может изменять способ осуществления преобразования. Результат преобразования может, в свою

очередь, становиться исходной информацией для последующей ориентации. В результате функциональная организация приобретает характер системы взаимных отношений, а не простой суммы функций.

Связь функции с обеспечиваемым результатом

Центральным основанием функциональной организации является обеспечиваемый результат. Если функции рассматриваются независимо от результата, становится трудно определить, почему именно эти функции должны рассматриваться как относящиеся к одной деятельности. Результат поэтому выполняет интегрирующую роль.

При этом необходимо сохранять различие между результатом и функцией. Результат отвечает на вопрос: какое состояние или изменение должно быть обеспечено? Функция отвечает на вопрос: какое системное отношение обеспечивает достижение или поддержание этого результата? Функциональная организация возникает именно на пересечении этих двух аспектов.

Для одного результата может быть необходимо несколько функций. Каждая из них обеспечивает определенный аспект общего результата, а их взаимодействие обеспечивает его получение в целом. Это позволяет представить деятельность как систему, в которой требуемый результат задает одно или несколько функциональных требований – то, что должно быть обеспечено для его получения или поддержания. Функции характеризуют системные отношения, посредством которых эти требования реализуются, а функциональная организация – взаимосвязь таких функций в обеспечении общего результата. Такое различие будет иметь принципиальное значение в дальнейшем при реконструкции конкретной функциональной конфигурации.

Функциональная организация и базовая функциональная триада

Выделенная ранее базовая функциональная триада – ориентация, преобразование и регуляция – может быть рассмотрена уже не только как совокупность исходных аналитических различий, но и как модель их функциональной взаимосвязи. Представление о системной взаимосвязи процессов относительно результата имеет содержательное соответствие с

теорией функциональных систем П.К. Анохина, в которой результат выступает существенным основанием организации системы [10].

Ориентация обеспечивает получение и использование информации, необходимой для определения направления деятельности. Преобразование обеспечивает требуемое изменение объекта или процесса. Регуляция обеспечивает поддержание или коррекцию деятельности в соответствии с ее состоянием, условиями и требуемым результатом. Между ними возникает функциональная взаимосвязь.

Ориентация может обеспечивать преобразование необходимой информацией. Преобразование создает изменения, которые могут становиться предметом последующей ориентации. Регуляция использует информацию о состоянии процесса и может изменять направление или способ его осуществления. Тем самым базовая функциональная триада позволяет показать принципиальную возможность системного функционального описания деятельности. В теории функциональных систем процессы достижения результата и его последующего сопоставления с ожидаемым результатом получают специальное системное описание, включающее механизмы обратной афферентации [11]. Такое сходство общей результативно-регулятивной логики не означает тождества функциональной системы Анохина и предлагаемой здесь функциональной организации деятельности.

Выбор триады определяется не предположением о ее универсальности, а пригодностью как исходной аналитической рамки. Она разводит три разных отношения к результату: информационное определение направления деятельности, изменение состояния объекта или процесса и поддержание либо коррекцию происходящего изменения. Для исходной схемы важны независимость от конкретного носителя, применимость к индивидуальной, совместной и автоматизированной деятельности, возможность описывать как достижение нового состояния, так и его поддержание, а также операциональная различимость функций при реконструкции.

По этим основаниям триада предпочтительнее для данной задачи, чем схемы «цель – средство – результат» или «планирование – исполнение – обратная

связь»: первая объединяет категории разных уровней анализа, вторая сильнее привязана к определенной процессуальной организации деятельности. Схемы «ориентация – действие – контроль» или «восприятие – преобразование – коммуникация» также могут быть продуктивны в отдельных предметных областях, но связывают функциональное различие с конкретным действием, контролем либо заранее выделенной коммуникацией. Это сравнение объясняет критерии выбора триады, но не доказывает ее универсального превосходства.

Однако оно не должно превращаться в универсальную схему любой деятельности. В конкретной деятельности между этими функциями могут быть выделены дополнительные функции, а сами функции могут иметь сложную внутреннюю организацию.

Дополнительные функции

Если конкретная деятельность требует функций, которые не могут быть адекватно представлены в составе базовой триады, они могут быть выделены дополнительно. К ним могут относиться: диагностика; коммуникация; координация; мониторинг; прогнозирование; планирование; оценивание; распределение; документирование.

Но сам факт наличия соответствующего процесса еще не является достаточным основанием для выделения самостоятельной функции. Необходимо установить его системное значение и показать, что оно обладает относительной самостоятельностью в данной деятельности. Это ограничение защищает функциональный подход от чрезмерного дробления. Например, получение информации может быть частью ориентации, а контроль – механизмом регуляции. Но в определенной деятельности диагностика или координация могут приобрести такое значение, что их выделение в качестве самостоятельных функций окажется теоретически и практически необходимым.

Итак, функциональная организация не задается заранее закрытым перечнем функций.

Распределение функций

Функциональная организация не определяет автоматически, кто именно реализует функции. Одна и та же функциональная организация может быть

реализована: одним субъектом; группой субъектов; субъектом и техническими средствами; несколькими техническими системами; распределенной совокупностью различных носителей. Поэтому необходимо различать функциональную организацию и распределение функций между носителями.

Распределение характеризует конкретную организацию реализации функций. Например, ориентационная функция может быть распределена между человеком и информационной системой: система предоставляет данные, а человек осуществляет их интерпретацию и использует их для определения дальнейших действий. В другой организации значительная часть этой функции может быть автоматизирована. Функциональная организация при этом может сохраняться, хотя распределение функций и способы их реализации изменяются.

Это различие имеет важное следствие: изменение распределения функций не обязательно означает изменение самой функциональной организации. Чтобы утверждать изменение функциональной организации, необходимо показать изменение самих функциональных отношений или обеспечиваемых ими требований.

Функциональная организация и носители

Такое различие позволяет точнее определить отношение между функцией и носителем. Носитель функции является элементом конкретной реализации, тогда как функция относится к более абстрактному уровню организации деятельности. Поэтому функциональная организация не может быть непосредственно отождествлена с совокупностью носителей. Это особенно важно при техническом замещении.

Если функция, ранее реализовывавшаяся человеком, передается техническому средству, то происходит изменение носителя. Может измениться и способ реализации. Но для вывода об изменении функциональной организации необходимо дополнительно установить, изменились ли функциональные отношения.

Возможна ситуация, когда носитель изменился, способ реализации изменился, а функция и ее отношение к другим функциям сохранились.

Возможна и обратная ситуация: носитель сохранился, но его функциональное значение изменилось. Поэтому анализ носителей и анализ функций должны проводиться раздельно.

Функциональная организация и функциональная структура

На данном этапе возникает необходимость провести различие между двумя близкими понятиями.

Функциональная организация характеризует систему функций и их взаимосвязь относительно обеспечиваемых результатов.

Функциональная структура должна характеризовать уже относительно устойчивую систему функций и структурообразующих связей между ними. В системно-структурной теории деятельности структурные и функциональные характеристики человеческой деятельности рассматриваются во взаимосвязи [12]. В предлагаемом подходе этот общий принцип конкретизируется через различение функциональной структуры как относительно устойчивой системы функций и структурообразующих связей и изменяющихся способов их конкретной реализации. Выделение компонентов и уровней функциональной структуры позволяет рассматривать ее не как перечень элементов, а как их функциональную взаимосвязь [13].

Иными словами, функциональная организация является более общим понятием. Она может быть реконструирована для конкретной деятельности даже тогда, когда устойчивость ее отношений еще не установлена.

Функциональная структура требует дополнительного основания – определения тех связей, которые не являются случайными или ситуативными, а образуют устойчивую организацию функций.

Поэтому нельзя автоматически использовать термины «функциональная организация» и «функциональная структура» как синонимы. Именно это различие становится следующим шагом развития конструкции.

Функциональная организация как уровень описания деятельности

Полученная конструкция позволяет уточнить место функциональной организации в общей системе анализа. Деятельность может одновременно описываться: через субъектов; через действия и операции; через

используемые средства; через условия; через результаты; через функции и отношения между ними. Функциональная организация не отменяет ни один из этих способов описания. В теории деятельности деятельность рассматривается как целостный предмет анализа, не сводимый к изолированному описанию отдельных действий или компонентов [14]. Функциональный подход сохраняет эту установку на целостность, но вводит дополнительное основание описания – через вопрос о том, каким образом система функций обеспечивает рассматриваемый результат деятельности.

Поэтому функциональная организация может рассматриваться как промежуточное звено между отдельной функцией и более сложной функциональной структурой. Ее логика может быть представлена следующим образом: **результат → функциональные требования → функции → функциональные связи → система функций**. Эта схема еще не описывает конкретного носителя и способа реализации. Она фиксирует функциональное устройство деятельности на уровне организации.

4. Функциональная структура деятельности

Выделение функциональной организации показывает, как функции образуют систему, но еще не различает ситуативные и устойчивые отношения. Поэтому задача этого раздела – определить, при каких условиях связь может рассматриваться как структурообразующая и что именно сохраняется при изменении конкретной реализации деятельности.

От функциональной организации к функциональной структуре

В предыдущей части функциональная организация была определена как система взаимосвязанных функций, обеспечивающих получение требуемого результата в определенных условиях. Такое определение позволяет перейти к следующему уровню анализа – исследованию характера связей, посредством которых функции образуют относительно устойчивую систему.

Само наличие функциональных связей еще не означает существования структуры. В конкретной деятельности могут возникать временные, ситуативные или случайные отношения между функциями. Для выделения

структуры необходимо установить такие связи, которые имеют более устойчивое значение для организации деятельности. Поэтому функциональная структура не должна рассматриваться как простое другое название функциональной организации.

Функциональная организация отвечает прежде всего на вопрос, какие функции и каким образом связаны в обеспечении результата. Функциональная структура позволяет поставить более специальный вопрос: какие отношения между функциями образуют относительно устойчивую организацию деятельности? Такое различие дает возможность отделить общую функциональную организацию от конкретного ее состояния и перейти от описания системы функций к анализу ее структурной определенности.

Функциональная связь как основание структуры

Функциональная связь была определена выше как отношение между функциями, при котором реализация, изменение или состояние одной функции связано с реализацией, изменением или состоянием другой функции в составе деятельности. Однако не каждая функциональная связь является структурообразующей. В зависимости от характера деятельности связи могут возникать вследствие конкретной ситуации, особенностей текущего процесса, распределения задач или используемых средств. Такие отношения могут исчезать при изменении условий, не затрагивая основного функционального устройства деятельности.

Для характеристики структуры необходимо выделить другой класс отношений – структурообразующие функциональные связи. Под ними можно понимать такие функциональные связи, сохранение которых имеет существенное значение для устойчивой организации функций в определенной деятельности или класса ее вариантов.

Это определение специально не связывает структурообразующую связь с конкретным носителем. Если носитель функции меняется, соответствующая функциональная связь может сохраняться. Поэтому структурообразование относится прежде всего к отношениям между функциями, а не к составу элементов, посредством которых эти функции реализуются.

Относительная устойчивость функциональной структуры

Не всякая функциональная связь входит в функциональную структуру. Структурообразующей считается связь, сохранение которой обнаруживается при варьировании конкретных носителей, способов реализации и иных условий в заранее заданном диапазоне анализа. Критерием служит не частота наблюдения сама по себе, а воспроизводимое значение связи для организации функций при сопоставимых условиях. Универсальное число наблюдений здесь задать нельзя: оно определяется классом деятельности, вариативностью условий и исследовательским дизайном.

Устойчивость здесь всегда относительна. Она устанавливается по отношению к заданному диапазону условий: функции и структурообразующие связи должны сохраняться при изменении отдельных носителей, способов реализации или других параметров в пределах этого диапазона. Поэтому утверждение об устойчивости без указания условий, относительно которых она установлена, методологически неполно.

В компактной форме функциональную структуру можно представить как $S = \langle F, R_s \rangle$, где F – множество функций, а R_s – множество структурообразующих связей. Эта запись не вводит самостоятельную математическую теорию; она фиксирует критерий различения: структура включает не все наблюдаемые отношения, а те, устойчивость которых установлена относительно заданного диапазона условий.

Проверочные критерии, позволяющие отличать структурообразующую связь от временной последовательности или ситуативного совпадения, представлены в таблице 3.

Таблица 3 не задает универсального порогового числа наблюдений. Число реализаций и диапазон варьирования определяются классом деятельности и дизайном исследования. Частично сохраняющаяся связь может считаться условно структурообразующей только при явном указании условий, в которых она воспроизводится; изменение рассматриваемого результата требует новой оценки структуры.

Таблица 3. Критерии отнесения функциональной связи к структурообразующим

Критерий	Проверочный вопрос
Воспроизводимость	Сохраняется ли связь в нескольких реализациях деятельности в пределах заданного диапазона анализа?
Функциональная релевантность	Изменяет ли нарушение связи возможность, качество, устойчивость или способ обеспечения функционального требования?
Независимость от носителя	Сохраняется ли связь при замене носителя, если функция продолжает реализовываться?
Устойчивость к условиям	Сохраняется ли связь при допустимом варьировании условий, включенных в исследовательский диапазон?
Отличимость	Не сводится ли отношение к временной последовательности, общей корреляции, совместному носителю или одному средству?
Межэкспертная воспроизводимость	Реконструируют ли независимые исследователи одну и ту же связь по общей инструкции?

Функциональная структура и носители функций

Функциональная структура должна быть отделена от структуры носителей. Носители определяют, кто или что непосредственно участвует в реализации функций. Функциональная структура характеризует отношения между самими функциями. Это различие позволяет рассматривать разные ситуации.

В первом случае один носитель может реализовывать несколько функций. Например, один субъект может одновременно осуществлять ориентацию, преобразование и регуляцию. Во втором случае одна функция может распределяться между несколькими носителями. Ориентационная функция, например, может обеспечиваться взаимодействием субъекта, измерительного устройства и информационной системы. В третьем случае функция может передаваться от одного носителя другому при сохранении ее системного значения. Во всех трех случаях состав носителей может различаться, тогда как функциональная структура может сохраняться. Следовательно, структура функций не тождественна структуре их носителей. Это положение позволяет избежать прямого переноса изменений компонентной организации на функциональную структуру.

Распределение функций и функциональная структура

Распределение функций между носителями является важной характеристикой конкретной деятельности, однако оно не исчерпывает

функциональной структуры. В системно-структурной теории деятельности функциональные и структурные характеристики человеческой деятельности рассматриваются во взаимосвязи применительно к анализу труда и его проектированию [15]. В предлагаемом подходе вводится более специальное различие: распределение функций характеризует размещение их реализации между конкретными носителями, тогда как функциональная структура – относительно устойчивую систему функций и структурообразующих связей.

Функциональная структура показывает, какие отношения между функциями являются структурообразующими. Например, одна и та же функциональная последовательность может быть реализована: одним человеком; несколькими специалистами; человеком и автоматизированной системой; полностью технической системой. При этом распределение функций существенно различается, но основная функциональная структура может сохраняться.

Возможна и обратная ситуация. Состав носителей может оставаться тем же, однако перераспределение функций может сопровождаться изменением функциональных отношений и, следовательно, изменением структуры. Поэтому изменение распределения следует анализировать как самостоятельный процесс, а не автоматически интерпретировать как изменение функциональной структуры.

Функциональная структура и способ реализации

Еще одно различие необходимо провести между функциональной структурой и конкретными способами реализации функций. Способ реализации является конкретным механизмом осуществления функции в определенных условиях. Функциональная структура характеризует отношения между функциями, которые могут сохраняться при изменении этих способов. Это дает возможность теоретически описывать функциональное замещение.

Если один способ реализации заменяется другим, но требуемая функция и ее основные отношения с другими функциями сохраняются, происходит изменение реализации без обязательного изменения функциональной

структуры. Например, ручное выполнение определенного процесса может быть заменено автоматизированным. В таком случае меняются носитель и способ реализации, но функциональная структура может остаться прежней. Если же изменение способа реализации приводит к изменению функциональных отношений – например, исчезает одна из необходимых связей или возникает новая структурообразующая связь, – тогда уже возникает основание говорить об изменении функциональной структуры.

Таким образом, изменение способа реализации является необходимым объектом функционального анализа, но само по себе не является доказательством изменения функциональной структуры.

Функциональная избыточность

Различение структуры и реализации позволяет рассмотреть явление функциональной избыточности. Под функциональной избыточностью можно понимать наличие нескольких носителей или альтернативных способов реализации, способных обеспечивать одну и ту же функцию либо одно и то же функциональное требование в заданных условиях. Избыточность не обязательно означает дублирование. В некоторых случаях несколько способов реализации могут повышать устойчивость деятельности к отказу одного из них. В других случаях они могут быть обусловлены различными условиями деятельности.

Однако само наличие избыточности не следует автоматически считать преимуществом. Избыточность может увеличивать ресурсоемкость, усложнять координацию или создавать дополнительные требования к регуляции. Поэтому функциональная избыточность должна рассматриваться как характеристика конкретной конфигурации деятельности, а ее значение определяется условиями и обеспечиваемым результатом. Это положение позволяет избежать нормативного вывода о том, что любая функциональная избыточность является оптимальной.

Компенсация и замещение

При изменении деятельности одна функция может продолжать обеспечиваться после изменения первоначального способа ее реализации.

Здесь необходимо различать замещение и изменение функции. Замещение происходит тогда, когда один способ реализации или носитель заменяется другим при сохранении соответствующего функционального требования. Изменение функции предполагает уже изменение самого функционального отношения или того результата, обеспечение которого оно характеризует.

Это различие позволяет описывать трансформации деятельности более точно. Если функция сохраняется, а меняется только ее носитель, речь идет прежде всего о перераспределении или замещении. Если же изменение приводит к тому, что прежняя функция перестает быть необходимой, возникает уже изменение функциональной организации.

Итак, анализ преобразований деятельности должен начинаться не с фиксации изменения компонентов, а с определения того, какое функциональное отношение изменилось.

Дифференциация и интеграция функций

Функциональная структура может изменяться не только вследствие замещения. В ходе развития деятельности возможно дифференцирование функций – разделение ранее объединенного функционального отношения на несколько относительно самостоятельных функций. Например, функциональное требование, ранее обеспечиваемое единым функциональным отношением, при усложнении деятельности может распадаться на несколько относительно самостоятельных требований, каждое из которых начинает обеспечиваться собственной функцией. Обратный процесс может быть обозначен как интеграция функций – объединение ранее разделенных функциональных отношений в одного носителя или общего процесса.

Однако здесь также необходимо соблюдать различие между функцией и носителем. Изменение числа носителей само по себе еще не доказывает дифференциацию или интеграцию функций. Необходимо установить, изменились ли сами функциональные отношения. Поэтому дифференциация и интеграция относятся прежде всего к изменению функциональной организации, а изменения состава носителей являются одним из возможных условий их реализации.

Уровни функциональной организации

Функциональная структура не обязательно должна быть представлена на одном единственном уровне. В сложной деятельности одна функция может включать несколько функционально различных процессов, которые при более детальном анализе сами могут быть представлены как функции определенного уровня. Это позволяет говорить о многоуровневой организации функций.

Например, ориентация в сложной деятельности может включать получение информации, ее обработку, оценку и прогнозирование. На одном уровне эти процессы могут рассматриваться как способы реализации ориентационной функции. На другом – некоторые из них могут быть выделены как относительно самостоятельные функции. Здесь возникает важное методологическое ограничение.

Функция не должна автоматически дробиться до бесконечности. Уровень анализа определяется исследовательской задачей. То, что на одном уровне выступает как единая функция, на другом может быть объектом дальнейшего функционального расчленения. Поэтому функциональная структура всегда должна рассматриваться относительно заданного уровня анализа.

Функциональная структура и конкретная деятельность

До настоящего момента речь шла преимущественно об общей возможности выделения функциональной структуры. Но конкретная деятельность всегда осуществляется в определенных условиях. В этих условиях функции получают конкретных носителей, определенные способы реализации и определенное распределение. Возникает конкретная система их взаимосвязей. Это означает, что необходимо различать: функциональную структуру как относительно устойчивую систему функций и структурообразующих связей и конкретную функциональную конфигурацию как ее реализацию в определенных условиях. Такое различие является следующим необходимым шагом.

Функциональная структура задает относительно устойчивую организацию. Функциональная конфигурация показывает, как эта организация

фактически представлена в конкретной деятельности – с учетом носителей, способов реализации, распределения функций и условий, относительно результата, принятого основанием анализа.

Функциональная структура как предмет сопоставления

Выделение функциональной структуры открывает возможность сравнивать различные варианты деятельности не только по внешним признакам. Две деятельности могут иметь: разные действия; разные средства; разных носителей; разные способы реализации; и при этом сохранять сходную функциональную структуру. И наоборот, внешне похожие действия могут быть включены в разные функциональные структуры.

Поэтому сравнение функциональных структур позволяет выявлять более глубокие различия между вариантами деятельности. При этом такое сравнение не должно автоматически означать оценку одного варианта как лучшего.

Функциональная структура сама по себе не задает критерий эффективности. Она позволяет описать организацию функций. Оценка эффективности требует дополнительных критериев – качества результата, затрат, устойчивости, надежности, времени и других характеристик, определяемых задачей исследования. Это принципиально важно для сохранения аналитического характера функционального подхода.

Что дает различение функциональной структуры

Различение функциональной организации и функциональной структуры позволяет уточнить несколько важных положений.

Во-первых, функциональная организация задает систему функций и их отношений, тогда как функциональная структура выделяет относительно устойчивые, структурообразующие отношения.

Во-вторых, функциональная структура не зависит непосредственно от конкретного носителя функции.

В-третьих, изменение носителя или способа реализации не обязательно означает изменение структуры.

В-четвертых, изменение функциональных отношений может происходить при сохранении состава носителей.

В-пятых, функциональная структура может иметь несколько уровней анализа.

Наконец, функциональная структура не совпадает с конкретной реализацией деятельности. Для описания последней необходимо перейти к понятию функциональной конфигурации.

5. Функциональная конфигурация деятельности

Функциональная структура фиксирует относительно устойчивые отношения между функциями. Для анализа конкретной деятельности этого недостаточно: необходимо описать, как эта организация реализована определенными носителями, способами и распределением функций в данных условиях. Для этого вводится понятие функциональной конфигурации.

От функциональной структуры к ее конкретной реализации

В предыдущей части было показано, что функциональная структура является относительно устойчивой системой функций и структурообразующих связей между ними. Однако сама по себе структура еще не описывает, каким образом эта система реализуется в конкретной деятельности.

Одна и та же функциональная структура может получать различные конкретные воплощения. Меняться могут носители функций, способы их реализации, распределение функций между участниками и средствами, последовательность отдельных процессов, используемые ресурсы и условия деятельности. В развивающейся теории деятельности Ю. Энгestrема существенное место занимает анализ преобразования систем деятельности и изменений отношений между их составляющими [16]. Для настоящего исследования эта общая проблема конкретизируется иначе: необходимо установить, какие изменения затрагивают сами функциональные отношения, а какие относятся к носителям, способам реализации, распределению функций и условиям. Особенно это важно для технически опосредованной деятельности, где изменение средств связано с изменением способов взаимодействия человека с системой [17]. В исследованиях взаимодействия человека и технологий технологическое опосредование также рассматривается как самостоятельный аспект организации деятельности [18].

Поэтому для анализа конкретной деятельности необходимо ввести понятие, позволяющее соединить функциональный уровень с его конкретной реализацией. Таким понятием является функциональная конфигурация деятельности.

Под функциональной конфигурацией деятельности понимается конкретное сочетание функций, их носителей, способов реализации, отношений распределения и функциональных связей в определенных условиях. Функциональная структура и функциональная конфигурация характеризуют различные аспекты функциональной организации деятельности: первая фиксирует систему функций и относительно устойчивые связи между ними, вторая – их конкретную организацию и реализацию в определенных условиях.

Различие этих понятий имеет проверяемый смысл только в том случае, если одна и та же функциональная структура может быть реконструирована в нескольких конфигурациях. Иначе введение двух категорий действительно было бы избыточным. Поэтому рабочим критерием различения становится инвариантность структурообразующих связей при варьировании носителей, способов реализации, распределения и условий в заданном диапазоне анализа.

В прикладном исследовании структура и конфигурация могут описываться в одной модели данных, но это не делает их синонимами: структура выделяется как инвариантная часть сопоставляемых конфигураций, а конфигурация – как конкретный вариант реализации этой структуры. Формула «одна структура – несколько конфигураций» тем самым является не определением, а эмпирически проверяемым предположением.

Иными словами, функциональная структура отвечает на вопрос о том, какие функции и устойчивые связи между ними образуют функциональную организацию, а функциональная конфигурация – о том, как эта организация конкретно представлена и реализуется в определенных условиях. Это различие позволяет перейти от общей теоретической конструкции к анализу реально осуществляемой деятельности.

Сопоставление с близкими аналитическими подходами

Сопоставление необходимо не для подтверждения значимости предлагаемого подхода, а для определения его собственной исследовательской ниши. Cognitive Work Analysis (CWA) строит анализ сложной социотехнической системы через ограничения, цели, функции, процессы и физические объекты [19]; в дальнейшем этот подход получил широкое применение в анализе и проектировании рабочих систем [20]. Предлагаемая конструкция не принимает иерархию ограничений CWA в качестве исходной схемы анализа, а фокусируется на реконструкции функциональных требований, функций и инвариантных отношений.

Исследования распределения функций и уровней автоматизации непосредственно рассматривают изменение участия человека и техники в выполнении задач [21]. Cognitive Systems Engineering переносит внимание на совместную когнитивную систему «человек – техника» [22], а распределенная когниция показывает распределение когнитивных процессов между людьми, артефактами и внешними представлениями [23]. Отличие предлагаемого анализа состоит не в самом признании распределенности, а в последовательном разведении функции, ее носителя и способа реализации. Такое разведение должно позволять отдельно исследовать сохранение функции, замену носителя, изменение способа реализации, компенсацию и перераспределение.

Особого рассмотрения требует соотношение предлагаемого подхода с кибернетической традицией. В классической работе Н. Винера кибернетика формируется как область исследования управления и коммуникации в живых и технических системах, существенное место в которой занимают информационные процессы и обратная связь [24]. Развитие кибернетического анализа регуляции и устойчивости систем представлено, в частности, в работе У.Р. Эшби [25]. Поэтому ориентация, преобразование и регуляция не рассматриваются здесь как содержательно новые процессы и тем более как альтернативная кибернетике схема управления. Принципиально иным является основание их выделения: получение информации само по себе не

отождествляется с ориентацией, воздействие на объект – с преобразованием, а наличие обратной связи – с регуляцией. Соответствующий функциональный статус устанавливается только через отношение процесса к функциональному требованию и обеспечиваемому результату деятельности. Кибернетические процессы и механизмы в этом смысле могут участвовать в реализации функций, тогда как предметом функционального анализа выступает реконструкция самих функциональных отношений, их связей, носителей и способов реализации. Иное направление системного анализа представлено концепцией аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, в которой живая система рассматривается через специфику ее аутопоэтической организации и самопроизводства [26]. Предлагаемый функциональный подход не конкурирует ни с кибернетикой как исследованием управления и коммуникации, ни с концепцией аутопоэзиса как теорией организации живых систем: его предметом является другой уровень описания – функциональная организация деятельности относительно обеспечиваемых результатов.

Потенциальная новизна находится на другом уровне: функция используется как единица реконструкции деятельности, отделенная от конкретного носителя и способа реализации. Поэтому проверке подлежит не вопрос о том, «лучше» ли функциональный подход кибернетики, CWA или распределенной когниции, а более узкое утверждение: позволяет ли такое разведение устойчиво выявлять функциональные инварианты, замещение, компенсацию и недостаточность там, где описание компонентов, операций или распределенных процессов само по себе этого не показывает. Различия в аналитических акцентах сопоставляемых подходов обобщены в таблице 4.

Почему функциональная конфигурация необходима

Без понятия функциональной конфигурации функциональный анализ оказывается между двумя уровнями описания. С одной стороны, существует абстрактное описание функций и их структуры. С другой – наблюдаемые действия, операции, средства, субъекты и результаты. Необходим промежуточный уровень, который позволяет показать, как функциональная организация воплощается в конкретной деятельности.

Таблица 4. Разграничение предлагаемого функционального анализа и близких подходов

Подход	Основной аналитический акцент	Отличительный вопрос предлагаемого анализа
Кибернетика	Управление, коммуникация, обратная связь, устойчивость	Какие функциональные отношения сохраняются при изменении носителей и способов реализации?
Cognitive Work Analysis	Ограничения, цели, функции, процессы и физические объекты социотехнической системы	Как реконструировать функциональные инварианты средствами иной аналитической схемы?
Распределенная когниция / Joint Cognitive Systems	Распределение когнитивных процессов между людьми, техникой и артефактами	Что именно сохраняется как функция при замене носителя или изменении способа реализации?
Allocation of function / human–automation interaction	Распределение задач и функций между человеком и автоматикой	Как различить изменение функции, ее носителя, способа реализации и распределения?
Предлагаемый функциональный анализ	Функциональные требования, функции, инвариантные связи и конкретные конфигурации	Какие функциональные отношения сохраняются, изменяются, компенсируются или оказываются недостаточными?

Именно эту задачу выполняет функциональная конфигурация. Она соединяет: функциональные требования; функции; их носителей; способы реализации; распределение функций; функциональные связи; условия деятельности; контекст результата, относительно которого проводится анализ. Тем самым функциональная конфигурация является не дополнительным перечнем элементов, а способом представить конкретную деятельность как реализацию определенной функциональной организации.

Состав функциональной конфигурации

Функциональная конфигурация включает несколько взаимосвязанных аспектов.

Функции показывают, посредством каких системных отношений обеспечиваются выделенные функциональные требования.

Носители функций показывают, кто или что участвует в реализации соответствующих функций.

Способы реализации характеризуют конкретные способы осуществления функций в данных условиях.

Распределение функций показывает, каким образом реализация функций распределена между носителями.

Функциональные связи. В составе L фиксируются только отношения между функциями. Рабочая типизация включает: L_e – отношение обеспечения, когда одна функция создает условие для другой; L_i – информационную зависимость; L_r – регулятивное воздействие; L_c – компенсационную связь; L_x – конфликтную или конкурентную связь между функциями, при которой их реализация предъявляет несовместимые либо конкурирующие требования к условиям или ресурсам деятельности. Простая временная последовательность, совместный носитель, использование одного средства, замещение носителя и распределение функций сами по себе к L не относятся. Они описываются как временная характеристика процесса, отношение реализации либо элемент D. Типизация L остается открытой: новые виды связей могут вводиться, если имеют самостоятельное функциональное значение.

Условия определяют среду, ограничения и возможности, в которых осуществляется функциональная организация.

Контекст результата. Результат не является элементом самой конфигурации. Он задает основание, относительно которого конфигурация реконструируется и оценивается.

Эти компоненты нельзя рассматривать независимо друг от друга. Изменение условий может потребовать изменения способа реализации. Изменение носителя может повлечь перераспределение функций. Изменение распределения может изменить функциональные связи. В результате может измениться вся конфигурация. Но при этом не каждое изменение одного компонента означает изменение функциональной структуры.

Функциональную конфигурацию можно представить как $C = \langle F, N, M, D, L, W \rangle$, где F – функции, N – носители, M – способы реализации, D – распределение функций, L – конкретные функциональные связи, W – условия. Результаты не включаются в состав конфигурации: они образуют основание и критерий ее анализа.

Контекст результата фиксируется отдельно как $Q = \langle R_{\text{norm}}, R_{\text{subj}}, R_{\text{fact}}, R_{\text{recon}} \rangle$, где R_{norm} – нормативно заданный результат, R_{subj} – субъективно предполагаемый, R_{fact} – фактический, R_{recon} – исследовательски реконструированный. Часть элементов может отсутствовать или оставаться неизвестной. При множественных или конфликтующих результатах каждый фиксируется отдельно с указанием источника и статуса.

Конфигурация как конкретное состояние функциональной организации

Понятие конфигурации позволяет описывать конкретное воплощение функциональной организации деятельности. Если функциональная структура характеризует систему функций и относительно устойчивые связи между ними, то конфигурация отражает конкретную организацию и реализацию этих функций в определенных условиях, с определенным распределением и набором носителей.

В рамках предлагаемой модели предполагается, что одна функциональная структура может соответствовать множеству конфигураций. Например, одна и та же функция может реализовываться: непосредственно человеком; человеком с использованием технического средства; несколькими участниками; автоматизированной системой. Если при этом сохраняются основные функциональные отношения, различные конфигурации могут относиться к одной функциональной структуре. Это позволяет теоретически разделить устойчивость функциональной организации и вариативность ее реализации.

Функциональная конфигурация непосредственно не наблюдается

Важным свойством функциональной конфигурации является ее реконструируемость. Непосредственно наблюдаются действия, операции, взаимодействия, используемые средства, изменения состояния объекта и результаты деятельности. Функция и функциональная конфигурация непосредственно не наблюдаются как самостоятельные объекты. Они должны быть реконструированы на основании совокупности данных о деятельности.

Это означает, что функциональный анализ имеет характер теоретической реконструкции. Исследователь устанавливает: какой результат требуется

обеспечить; какое исходное состояние имеется; какие изменения происходят; какие процессы обеспечивают эти изменения; какие функции можно выделить; кто или что реализует эти функции; каким способом они реализуются; как функции связаны между собой; как они распределены между носителями; насколько полученная конфигурация соответствует требуемому результату.

Итак, функциональная конфигурация является аналитической реконструкцией конкретной деятельности, а не непосредственно наблюдаемым объектом.

Результат как основание реконструкции

Исходный результат не следует считать однозначно данным. В анализе необходимо различать нормативно заданный результат, субъективно предполагаемый результат, фактический результат и результат, реконструированный исследователем. Они могут совпадать, но их расхождение само по себе является значимым фактом. Поэтому при построении конфигурации необходимо явно указывать, какой результат принят основанием реконструкции и на каких данных основан этот выбор.

Реконструкция должна начинаться с установления результата, относительно которого проводится функциональный анализ, и определения его статуса. Это принципиальное методологическое ограничение. Если начать анализ с наблюдаемых действий, существует риск заранее приписать им определенное функциональное значение.

Явная фиксация статуса результата позволяет задать вопрос о том, какие функции необходимы для его обеспечения и не подменяет ли исследователь нормативный, субъективный или фактический результат собственной реконструкцией. После определения статуса результата реконструкция переходит к отношению: результат анализа – исходное состояние – необходимое изменение. После этого устанавливаются функциональные отношения, обеспечивающие необходимое изменение и получение или поддержание рассматриваемого результата.

Такой порядок не означает, что в реальной деятельности субъект всегда сознательно начинает с формулирования результата. Речь идет именно о

порядке исследовательского анализа. Это различие позволяет не смешивать функциональный цикл анализа с реальным временным процессом деятельности.

Носители в функциональной конфигурации

В конкретной конфигурации функции получают определенных носителей. Носителем может выступать: отдельный субъект; группа субъектов; техническое средство; информационная система; организационная единица; совокупность человека и технических средств; распределенная система. Один носитель может реализовывать несколько функций.

Например, один специалист может одновременно осуществлять ориентацию, преобразование и регуляцию. В то же время одна функция может быть распределена между несколькими носителями. Например, диагностика состояния может включать техническое измерение, обработку данных информационной системой и интерпретацию результатов специалистом. Поэтому функциональная конфигурация позволяет фиксировать не только наличие функций, но и конкретную организацию их носителей.

Способы реализации в конфигурации

Одного указания носителя недостаточно. Один и тот же носитель может реализовывать функцию различными способами. Например, один специалист может получать информацию: непосредственно посредством наблюдения; через измерительное устройство; посредством информационной системы; через другого участника деятельности. Функция при этом может оставаться одной и той же.

Поэтому функциональная конфигурация должна фиксировать не только носителей, но и способы реализации функций. Это дает возможность описывать вариативность реализации при сохранении функционального требования. Такое различие впоследствии приобретает особое значение для анализа устойчивых различий между вариантами деятельности.

Распределение функций как характеристика конфигурации

В конкретной деятельности функции определенным образом распределяются между носителями. Распределение может быть:

централизованным; разделенным; совместным; последовательным; параллельным; частично автоматизированным; динамически изменяющимся. Однако эти характеристики должны использоваться только тогда, когда они действительно описывают конкретную деятельность.

Само распределение не является функцией. Оно является отношением между функциями и их носителями. Поэтому в функциональной конфигурации необходимо различать, что выполняется и кем или чем это реализуется. Это различие позволяет исследовать организационные изменения без преждевременного вывода об изменении функциональной структуры.

Условия как компонент конфигурации

Функция не существует вне условий ее реализации. Один и тот же функциональный результат может обеспечиваться различными способами в зависимости от доступных средств, времени, ограничений, уровня неопределенности, характера объекта и других условий. Поэтому конкретная функциональная конфигурация должна рассматриваться всегда относительно условий.

Это имеет важное следствие. Различие двух способов реализации одной функции не должно автоматически оцениваться как функциональное различие. Они могут представлять разные конфигурации одной и той же функциональной организации, обусловленные различием условий. Изменение условий может сделать определенный способ реализации функционально недостаточным и потребовать его изменения или замещения. Итак, условия являются не внешним фоном, а одним из факторов конкретной функциональной конфигурации.

Формирование и вариативность функциональной конфигурации

Конкретная конфигурация формируется не как свободная комбинация элементов, а в пределах функциональных требований и структуры, при наличии определенных носителей, доступных способов реализации, распределения функций и условий деятельности. Поэтому одна и та же функциональная структура теоретически может допускать несколько конфигураций. Их различия могут быть вызваны изменением условий, средств, распределения функций, состава носителей или доступных способов реализации.

Индивидуальные особенности субъекта также могут оказаться одним из факторов выбора или устойчивости определенных способов реализации, однако в настоящей работе такая зависимость не считается установленной. Ее необходимо исследовать отдельно, сначала подтвердив саму устойчивую вариативность конфигураций. По той же причине здесь не вводится априорная типология функциональных конфигураций: их классификация должна опираться на эмпирически выявленные основания различий, а не предшествовать их исследованию.

Функциональная достаточность и недостаточность

Функциональная конфигурация может быть различной степени достаточности относительно требуемого результата. Функциональная достаточность означает, что имеющаяся организация функций позволяет обеспечить требуемый результат в заданных условиях. Функциональная недостаточность означает, что существующая конфигурация не обеспечивает необходимое функциональное требование полностью или надежно. Это различие не следует отождествлять с общей эффективностью деятельности.

Конфигурация может быть функционально достаточной, но ресурсно затратной. Она может быть недостаточной в одних условиях и достаточной в других. Поэтому функциональная достаточность является характеристикой соответствия функциональной организации требуемому результату в определенных условиях.

Функциональная избыточность и компенсация в конфигурации

В конкретной конфигурации может существовать несколько способов обеспечения одного функционального требования. Это создает функциональную избыточность. Избыточность может использоваться для компенсации возможного отказа или ограничения одного из способов реализации. Например, получение информации о состоянии объекта может обеспечиваться несколькими независимыми источниками. Если один источник становится недоступным, другой может частично или полностью компенсировать его отсутствие. Но компенсация возможна не всегда. Если один способ реализации не способен обеспечить необходимую функцию

самостоятельно, его устранение может привести к функциональной недостаточности. Поэтому для анализа конфигурации необходимо установить не только наличие нескольких носителей или способов реализации, но и их реальный вклад в обеспечение функции.

Изменение функциональной конфигурации

Функциональная конфигурация может изменяться по разным основаниям. Изменение может касаться: состава функций; носителей функций; способов реализации; распределения; функциональных связей; условий; требуемого результата. Но эти изменения имеют различный теоретический статус.

Если меняется только носитель, это прежде всего изменение реализации. Если изменяется способ реализации при сохранении функции, это вариативность реализации. Если происходит перераспределение функции между носителями, возникает изменение распределения. Если изменяются структурообразующие связи между функциями, возникает основание говорить об изменении функциональной структуры. Если возникает или исчезает сама функциональная необходимость, изменяется функциональная организация.

Итак, функциональная конфигурация позволяет различать уровни изменения, которые при обычном описании деятельности могут быть смешаны.

Функциональная конфигурация и развитие деятельности

Изменение конфигурации может быть одним из механизмов развития деятельности. Новая конфигурация может возникать вследствие: появления новых средств; изменения условий; автоматизации; перераспределения функций; появления новых требований к результату; устранения функциональной недостаточности; повышения устойчивости; дифференциации функций. Однако нельзя считать любое изменение конфигурации развитием.

Изменение может быть адаптационным, временным или вынужденным. Поэтому понятие функциональной конфигурации само по себе не содержит оценочного значения. Оно позволяет описать что именно изменилось. Для вывода о развитии необходимо установить направленность изменения и его последствия для обеспечения результата.

Сопоставление функциональных конфигураций

Одним из важнейших преимуществ понятия функциональной конфигурации является возможность сопоставления различных вариантов деятельности. При таком сопоставлении можно установить: какие функции являются общими; какие функции различаются; какие функции реализуются разными носителями; какие способы реализации различаются; как распределены функции; какие связи между функциями сохраняются; какие связи изменились; какие условия различаются; как различается обеспечиваемый результат.

Такое сравнение позволяет перейти от общего описания деятельности к анализу ее функциональной вариативности. При этом сравнение должно проводиться на одном и том же уровне анализа. Нельзя сопоставлять функцию одного уровня с операцией другого или конкретный способ реализации с абстрактной структурой. Это является важным условием корректности функционального анализа.

Пример

Рассмотрим модельную деятельность оператора, который должен удерживать давление технологического процесса в диапазоне 9,5–10,5 условных единиц. Нормативно заданный результат – сохранение параметра в указанном диапазоне; фактический результат фиксируется системой регистрации. Исходное состояние для рассматриваемого эпизода – рост давления до 10,7 единицы.

Из результата и исходного состояния выводятся функциональные требования: своевременно обнаружить отклонение, определить его направление и значимость, сформировать корректирующее воздействие, реализовать его и проверить восстановление допустимого состояния. В исходной конфигурации оператор считывает показания, интерпретирует их, принимает решение и вручную изменяет управляющее воздействие.

Функциональная реконструкция выделяет ориентацию как системное отношение, обеспечивающее обнаружение и оценку отклонения; преобразование – отношение, обеспечивающее изменение состояния

процесса; регуляцию – отношение, обеспечивающее сопоставление текущего и требуемого состояния и коррекцию хода деятельности. Носителями выступают оператор, измерительная система и исполнительный механизм, но их участие распределено по-разному. Изменение распределения носителей и способов реализации после частичной автоматизации показано в таблице 5.

Таблица 5. Сопоставление исходной и частично автоматизированной конфигураций

Функциональное требование	Исходная конфигурация	После автоматизации	Функциональный вывод
Своевременно обнаружить и идентифицировать отклонение	Оператор считывает и интерпретирует показания	Автоматика обнаруживает превышение и формирует сигнал	Требование сохраняется; меняются носитель и способ реализации ориентации
Определить требуемое корректирующее воздействие	Оператор выбирает воздействие	Решение остается за оператором	Функция и ее носитель сохраняются
Обеспечить изменение управляющего воздействия	Оператор инициирует ручное воздействие	Исполнительный контур реализует подтвержденную команду	Преобразование перераспределено между оператором и автоматикой
Подтвердить восстановление допустимого состояния	Оператор повторно считывает параметр	Система контролирует возврат в диапазон, оператор наблюдает исключения	Часть регуляции перераспределена; изменен способ реализации

После частичной автоматизации компонентно-процессуальное описание зафиксировывает новые элементы системы, сокращение числа ручных операций и изменение последовательности действий. Функциональный анализ добавляет другое различие: какие функциональные требования сохранились, какие функции остались инвариантными, а где изменились носители и способы реализации. Добавочное различие, которое в данном кейсе вносит функциональная реконструкция, представлено в таблице 6.

Предполагаемая добавочная ценность особенно наглядно формулируется при функциональной недостаточности. Предположим,

автоматический датчик надежно обнаруживает превышение, но сигнал не передается оператору из-за сбоя интерфейса. Компоненты формально присутствуют, а исполнительный алгоритм не нарушен. Функциональная реконструкция локализует проблему как нарушение информационной связи между ориентацией и регуляцией: требование своевременно передать значимое отклонение не обеспечено.

Таблица 6. Сопоставление аналитических возможностей двух способов описания

Вопрос	Компонентно-процессуальный анализ	Функциональный анализ
Что изменилось при автоматизации?	Появились новые технические компоненты, изменились операции	Показано, какие функции перераспределены, а какие сохранены
Что сохраняется?	Функциональный инвариант не является непосредственным объектом такого описания	Проверяется сохранение функциональных требований, функций и структурообразующих связей
Где локализовать нарушение?	Нарушение компонента, операции или последовательности процесса	Необеспеченное функциональное требование и связанная с ним функция, связь, носитель или способ реализации
Что проектировать?	Новый состав компонентов и последовательность операций	Новое распределение функций, носителей и способов реализации при сохранении функциональных отношений

Если резервный канал передает тот же сигнал на отдельный индикатор, возникает компенсация: исходная связь нарушена, но функциональное требование обеспечивается другим способом. Это позволяет проектировать не просто замену неисправного компонента, а функциональную избыточность канала оповещения. Вывод проверяем: сравниваются конфигурации с резервным каналом и без него по своевременности обнаружения, качеству коррекции и устойчивости результата.

Кейс не доказывает превосходства функционального анализа над существующими методами. Он показывает тип добавочного знания, которое должна подтвердить дальнейшая эмпирическая работа: сохранение функционального инварианта при изменении действий и носителей,

локализацию недостаточности через необеспеченное функциональное требование и возможность проектировать перераспределение либо компенсацию функций. Место этих различий в общей системе категорий функционального анализа обобщено в таблице 7.

Таблица 7. Уровни функционального анализа деятельности

Категория	Что описывает	Основной вопрос
Функциональное требование	То, что должно быть обеспечено для получения или поддержания результата	Что необходимо обеспечить?
Функция	Системное отношение, посредством которого обеспечивается функциональное требование	Какое функциональное отношение обеспечивает требуемое?
Функциональная организация	Систему взаимосвязанных функций	Как функции объединены?
Функциональная структура	Относительно устойчивые структурообразующие связи	Что сохраняется при изменениях реализации?
Функциональная конфигурация	Конкретную реализацию функций в условиях	Как реализуется организация?
Функциональный цикл	Процедуру реконструкции и сопоставления	Как исследовать конфигурацию?

В таблице 7 сведены различия между основными категориями. Она фиксирует не иерархию объектов, а последовательное изменение исследовательского вопроса при переходе от единицы анализа к процедуре реконструкции.

6. Функциональный цикл как процедура анализа деятельности

Предыдущие разделы определили предмет реконструкции – функциональную конфигурацию. Теперь требуется процедурный ответ на другой вопрос: как исследователь может последовательно перейти от данных о результате и условиях деятельности к обоснованной реконструкции функций, их реализации и связей.

В предыдущей части функциональная конфигурация была определена как конкретное воплощение функциональной организации деятельности в определенных условиях. Тем самым была создана конструкция, которую необходимо не только описать, но и научиться реконструировать. Однако здесь возникает методологическая проблема. Если функциональная конфигурация

непосредственно не наблюдается, исследователь должен иметь определенный порядок ее выявления. При этом такой порядок нельзя автоматически отождествлять с порядком самой деятельности. Реальная деятельность может быть циклической, нелинейной, параллельной, содержать возвраты к предыдущим состояниям и осуществляться при неполной информации. Поэтому необходимо различать функциональный цикл как исследовательскую процедуру и реальный процесс деятельности.

Исходная последовательность функционального анализа получает в настоящей работе более определенный статус: это не универсальный алгоритм деятельности, а процедурная конструкция, предназначенная для реконструкции функциональной организации и конфигурации деятельности.

Необходимость процедурной конструкции

Выделение функции, функциональной организации, структуры и конфигурации создает понятийный аппарат функционального анализа. Но одного понятийного аппарата недостаточно. Если исследователь произвольно определяет, какие функции существуют в деятельности, кто их реализует и какие связи между ними имеются, функциональный анализ становится зависимым от субъективной интерпретации. Поэтому требуется определенный порядок исследовательских операций. Такой порядок должен позволять последовательно перейти: от требуемого результата к исходному состоянию, от исходного состояния – к необходимым изменениям и функциональным требованиям, от функциональных требований – к реконструкции функций, от функций – к их носителям и способам реализации, а затем – к существенным связям и функциональной конфигурации. Именно эту задачу выполняет функциональный цикл.

Функциональный цикл и алгоритм деятельности

Прежде всего необходимо установить границы понятия. Функциональный цикл не следует рассматривать как универсальный алгоритм деятельности. Алгоритм деятельности предполагает определенную последовательность операций, которую субъект или система должны выполнить для получения результата. Функциональный цикл имеет другой статус. Он задает порядок

исследовательского анализа, посредством которого исследователь реконструирует функциональную организацию деятельности.

Это означает, что этапы функционального цикла не утверждают: «всякая деятельность в реальности осуществляется именно в такой последовательности». Они утверждают другое: для функционального анализа деятельность может быть исследована в такой последовательности. Это различие принципиально.

Ориентация в реальной деятельности может происходить одновременно с преобразованием. Регуляция может осуществляться непрерывно. Требуемый результат может уточняться по ходу деятельности. Исходное состояние может изменяться еще до завершения его анализа. Ни одно из этих обстоятельств не противоречит функциональному циклу, поскольку он описывает не временную структуру деятельности, а логику ее исследовательской реконструкции.

Реконструктивное ядро и сопоставительный модуль

Функциональный цикл состоит из реконструктивного ядра и отдельного сопоставительного модуля. Реконструктивное ядро включает шесть этапов:

- 1) определение результата и его статуса;
- 2) фиксация исходного состояния;
- 3) определение необходимых изменений и функциональных требований;
- 4) реконструкция функций;
- 5) определение носителей функций;
- 6) определение способов реализации и существенных функциональных связей.

Сопоставительный модуль используется при наличии соответствующей исследовательской задачи и состоит в сравнении реконструированных функциональных конфигураций.

Эта последовательность не является жесткой процедурой в смысле обязательного механического выполнения каждого пункта. В зависимости от исследовательской задачи отдельные этапы могут уточняться, повторяться или конкретизироваться. Тем не менее она задает базовую логику перехода от результата к функциональной конфигурации.

Итеративный характер реконструкции

Шесть этапов задают порядок первого прохода, но не необратимую линию анализа. Выявленные функции могут потребовать уточнения функциональных требований; установление носителей и способов реализации – пересмотра границ функции; обнаруженная связь – возврата к реконструкции структуры; фактический результат – уточнения исходного представления о результате анализа.

В сокращенной записи первый проход можно представить как $R \rightarrow T \rightarrow F \rightarrow N/M \rightarrow L$, где R – результат и его статус, T – функциональные требования, F – функции, N/M – носители и способы реализации, L – функциональные связи. Обратные переходы $L \rightarrow F$, $N/M \rightarrow T$ и $R_{\text{fact}} \rightarrow R$ позволяют уточнять реконструкцию. Выявленная функциональная недостаточность может инициировать повторное определение требований и новый цикл анализа.

Итеративность относится к исследовательской процедуре, а не к утверждению о временной организации самой деятельности. Она необходима потому, что функции и связи реконструируются по данным, а не наблюдаются непосредственно.

Первый этап: определение результата и его статуса

Функциональный анализ начинается с установления результата, относительно которого реконструируется деятельность, и определения его статуса: нормативно заданного, субъективно предполагаемого, фактического или исследовательски реконструированного. Это необходимо потому, что функция определяется не изолированно, а через ее отношение к обеспечиваемому результату. Если анализ строится относительно требуемого результата, из него выводятся функциональные требования. Если исходным является фактический или исследовательски реконструированный результат, функциональные требования устанавливаются как аналитически обоснованные условия его получения или поддержания и должны быть отделены от последующей реконструкции функций.

На первом этапе исследователь должен установить: какое состояние должно быть достигнуто; какое изменение должно произойти; какие

характеристики результата являются существенными; в каких условиях результат считается достигнутым.

Результат должен быть сформулирован достаточно определенно, чтобы можно было установить, какие функциональные отношения необходимы для его обеспечения. При этом необходимо различать требуемый результат и фактически полученный результат. Требуемый результат задает функциональное требование. Фактический результат позволяет впоследствии оценить, насколько конкретная функциональная конфигурация это требование обеспечила. Такое различие особенно важно при исследовании функциональной недостаточности.

Второй этап: фиксация исходного состояния

После определения результата и его статуса необходимо установить исходное состояние объекта или процесса. Без этого невозможно определить, какое преобразование требуется осуществить.

Исходное состояние включает те характеристики, которые существенны для перехода к требуемому состоянию. При этом не требуется описывать объект исчерпывающим образом. Исследователь фиксирует прежде всего те параметры, которые имеют функциональное значение для рассматриваемой деятельности.

Первый и второй этапы образуют исходную пару анализа: результат, относительно которого проводится реконструкция, ↔ исходное состояние. Их соотношение задает пространство необходимого изменения.

Третий этап: необходимые изменения и функциональные требования

На третьем этапе устанавливается, какие изменения необходимы для перехода от исходного состояния к результату, относительно которого проводится анализ, и какие функциональные требования должны быть обеспечены для такого перехода или поддержания требуемого состояния. Здесь исследователь определяет: что должно измениться; какие процессы могут обеспечить это изменение; какие условия необходимы; какие ограничения существуют; какие промежуточные состояния могут возникнуть.

На этом этапе пока еще не обязательно определять конкретного носителя преобразования.

На этом этапе исследователь еще не приписывает требование конкретной функции. Сначала фиксируется, что именно должно быть обеспечено: получение необходимой информации, изменение состояния объекта, удержание параметров в заданном диапазоне, согласование действий или иной требуемый вклад. Это позволяет не смешивать функцию с конкретным действием.

Например, необходимость изменить определенный параметр объекта является функциональным требованием. На следующем этапе исследователь устанавливает функцию, посредством которой это требование обеспечивается, а конкретный способ изменения параметра рассматривается уже как способ реализации этой функции.

Четвертый этап: реконструкция функций

На этом этапе исследователь реконструирует функции, посредством которых обеспечиваются установленные функциональные требования. Базовая триада используется как исходная рамка, но не как закрытый перечень: при наличии данных могут выделяться диагностика, коммуникация, координация, мониторинг и другие функции.

Отнесение процесса к функции определяется по его системному отношению к результату. Получение и оценка информации могут быть отнесены к реализации ориентации, изменение предметного состояния – к преобразованию, а сопоставление текущего и требуемого состояния с последующей коррекцией – к регуляции только в том случае, если установлена их системная релевантность соответствующему функциональному требованию. Наблюдаемый процесс сам по себе не является достаточным основанием для его функциональной квалификации.

Связь трех функций

После выявления преобразований, ориентации и регуляции становится возможным рассмотреть их как функционально связанную систему.

Ориентация обеспечивает условия для определения и организации преобразования. Преобразование обеспечивает требуемое изменение.

Регуляция позволяет поддерживать или корректировать преобразование в соответствии с его текущим состоянием и требуемым результатом.

Для базовой триадической схемы это отношение может быть представлено так: ориентация → преобразование → регуляция. Но стрелки здесь не следует понимать исключительно как временную последовательность. Они обозначают функциональную обусловленность.

В реальной деятельности регуляция может влиять на преобразование непосредственно в процессе его осуществления, а новая информация может возвращаться в систему ориентации.

В содержательном отношении взаимодействие этих функций может приобретать циклический характер: ориентация → преобразование → регуляция → новая ориентация. Это уже не утверждение о фиксированной последовательности действий, а характеристика возможных отношений между функциями.

Пятый этап: определение носителей

После реконструкции функций необходимо установить, кто или что их реализует. Это принципиально важный момент, поскольку функциональный анализ не должен останавливаться на абстрактной системе функций. Для каждой функции устанавливается ее носитель или совокупность носителей. При этом необходимо определить: один или несколько носителей; индивидуальный или распределенный характер реализации; участие технических средств; совместную реализацию человеком и технической системой; возможное дублирование; возможное распределение отдельных аспектов функции. Этот этап позволяет перейти от функциональной структуры к конкретной конфигурации деятельности.

Шестой этап: способы реализации и функциональные связи

Определение носителя еще не завершает анализ. Необходимо установить, каким способом носитель реализует функцию. Один и тот же субъект может выполнять одну функцию различными способами. Например, ориентационная функция может реализовываться через непосредственное восприятие, использование приборов, обращение к информационной системе или взаимодействие с другим участником.

На шестом этапе описываются способы реализации функций и устанавливаются существенные функциональные связи между ними. Это позволяет зафиксировать конкретную функциональную конфигурацию, не отождествляя ее с абстрактной функциональной структурой.

Сопоставительный модуль: сравнение функциональных конфигураций

При наличии исследовательской задачи сопоставления реконструированные конфигурации могут сравниваться между собой. Сравнение может осуществляться по нескольким основаниям: состав функций; функциональные связи; носители; способы реализации; распределение функций; условия; наличие избыточности; степень функциональной достаточности; характер компенсации или замещения. Отдельно могут сопоставляться результаты, относительно которых реконструированы соответствующие конфигурации. При этом сравнение должно проводиться последовательно. Сначала устанавливается, сохраняются ли функции. Затем анализируется, сохраняются ли функциональные связи. После этого рассматриваются различия в носителях и способах реализации. Такой порядок позволяет не принять изменение способа реализации за изменение функции.

Функциональный цикл как инструмент выявления изменений

Одно из важных применений функционального цикла связано с анализом изменений деятельности. Предположим, что два варианта деятельности различаются. Обычное описание может зафиксировать: «изменился субъект», «появилось новое техническое средство», «изменился способ действия». Функциональный цикл позволяет задать более точный вопрос: что именно изменилось на функциональном уровне?

Для этого сравниваются реконструированные конфигурации. Возможны различные результаты: функция сохранилась, изменился носитель; функция сохранилась, изменился способ реализации; функция сохранилась, изменилось распределение; изменилась функциональная связь; появилась новая функция; исчезла прежняя функция; возникла функциональная недостаточность; сформировалась компенсация; произошла

дифференциация; произошла интеграция функций. Такое различие позволяет описывать изменения деятельности значительно точнее.

Функциональный цикл и функциональная достаточность

Функциональный цикл позволяет не только реконструировать конфигурацию, но и поставить вопрос о ее соответствии требуемому результату.

Функциональная конфигурация может рассматриваться как достаточная относительно рассматриваемого результата и заданного уровня анализа, если реконструированные функции и связи обеспечивают получение или поддержание этого результата в заданных условиях.

Функциональная недостаточность фиксируется тогда, когда реконструированная конфигурация не обеспечивает рассматриваемый результат или поддержание требуемого состояния в заданных условиях. Ее объяснение требует установить, какое функциональное требование не обеспечено и с какой функцией, связью, носителем или способом реализации связано это нарушение.

Важно, однако, не смешивать функциональную достаточность с эффективностью. Функционально достаточная конфигурация может быть: слишком затратной; избыточной; медленной; сложной в управлении. Поэтому функциональная достаточность является предварительной характеристикой, которая отвечает на вопрос: может ли данная конфигурация обеспечить требуемый результат? Вопрос о том, насколько хорошо она это делает, требует дополнительных критериев.

От теоретического конструкта к эмпирическому индикатору

Функция и функциональная связь непосредственно не наблюдаются. Поэтому эмпирическая проверка требует отдельной процедуры операционализации. В общем виде переход должен строиться как последовательность: теоретический конструкт → функциональное требование → наблюдаемые признаки реализации → эмпирические индикаторы → критерий обеспеченности → данные. Эта последовательность не задает универсальной метрики: конкретные индикаторы определяются видом деятельности и исследовательской задачей.

Например, ориентация в задаче оператора может быть операционализирована через события обнаружения сигнала, идентификации направления отклонения и передачи релевантной информации в контур принятия решения. Наблюдаемыми индикаторами могут выступать вероятность обнаружения, время обнаружения, доля правильных классификаций и пропуски значимых сигналов. В иной деятельности ориентация будет иметь другие наблюдаемые признаки; поэтому время реакции или число ошибок не являются универсальными измерителями самой функции. Общая схема перехода от функциональных категорий к наблюдаемым признакам и критериям проверки представлена в таблице 8.

Таблица 8. Общая схема операционализации функциональных категорий

Категория	Что должно быть задано до измерения	Возможные наблюдаемые признаки	Критерий проверки
Функциональное требование	Результат, условия и требуемый вклад	Норматив, событие, состояние или допустимый диапазон	Можно ли независимо установить факт обеспечения требования?
Функция	Связь требования с наблюдаемой реализацией	События обнаружения, преобразования, коррекции, координации и др.	Меняет ли нарушение реализации вероятность, качество, устойчивость или способ обеспечения требования?
Способ реализации	Конкретная процедура или механизм участия носителя	Последовательность действий, алгоритм, канал, средство, стратегия	Различаются ли способы при сохранении реконструируемой функции?
Функциональная связь	Тип отношения между функциями	Передача информации, зависимость запуска, коррекция, компенсация	Воспроизводится ли отношение в сопоставимых реализациях и отличается ли от простой последовательности или корреляции?
Функциональная недостаточность	Функциональное требование и допустимый критерий результата	Ошибки, задержки, выход параметра за допустимый диапазон, потеря устойчивости	Зафиксировано ли необеспечение требования и связано ли оно с конкретной функцией, связью, носителем или способом реализации?

Число наблюдений, пороги допустимых ошибок и коэффициент межэкспертного согласия не могут быть выведены из определения функции. Они должны задаваться дизайном конкретного исследования с учетом надежности кодирования, частоты наблюдаемых событий и требуемой статистической мощности. Поэтому настоящая работа устанавливает архитектуру операционализации, но не подменяет ее универсальной лабораторной методикой.

Выделение функции в эмпирическом материале

Наблюдаемое действие, событие, процесс, компонент или полезное последствие сами по себе не являются функцией. Функциональный статус представляет собой результат реконструкции: исследователь формулирует гипотезу о системно значимом отношении к обеспечению функционального требования и проверяет, имеются ли для нее независимые основания. Поэтому переход от данных к функции не должен строиться по схеме «наблюдаемое действие = функция». Рабочая последовательность имеет иной вид: наблюдаемые данные → предполагаемое функциональное требование → гипотеза о функции → проверка системной релевантности → функциональная реконструкция.

Для такой реконструкции необходимо различать критерии функционального статуса и источники эмпирических свидетельств. Критерии отвечают на вопрос, что должно быть установлено, чтобы отношение могло рассматриваться как функциональное; источники свидетельств – на основании каких данных это заключение может быть проверено. Соответствие критериев функционального статуса возможным источникам свидетельств показано в таблице 9.

Тем самым функция не считывается непосредственно из действия, процесса, компонента, нормативного предписания или полезного последствия. Она реконструируется как гипотеза о системно значимом отношении к обеспечению функционального требования и должна получать эмпирические основания, достаточные для исследовательской задачи.

Таблица 9. Критерии функционального статуса и источники свидетельств

Критерий	Проверочный вопрос	Возможные источники свидетельств
Результативная релевантность	Относительно какого результата рассматривается предполагаемая функция?	Нормативные требования, описание задачи, показатели результата, интервью с участниками
Соответствие функциональному требованию	Какое требование, необходимое для получения или поддержания результата, обеспечивает предполагаемое отношение?	Анализ задачи и документации, экспертные оценки, наблюдение, анализ нарушений результата
Системная релевантность	Изменяет ли нарушение или исключение отношения возможность, вероятность, качество, устойчивость либо способ обеспечения требования?	Экспериментальное вмешательство, естественные нарушения, сопоставление вариантов деятельности, временные ряды
Отличимость от сопутствующего события	Не является ли наблюдаемое явление случайным содействием, корреляцией, побочным эффектом или внешним условием?	Контрпримеры, повторные наблюдения, сопоставление альтернативных объяснений, вмешательство
Независимость основания	Подтверждается ли реконструкция более чем одним типом данных, если это возможно?	Конвергенция наблюдения, документации, экспертных данных, показателей результата и экспериментальных данных

Например, если оператор случайно заметил неисправность, сам факт полезного обнаружения еще не является достаточным основанием для выделения самостоятельной функции диагностики. Необходимо установить, существует ли в рассматриваемой деятельности требование к выявлению соответствующего состояния, каким образом оно обычно обеспечивается и меняется ли обеспечение результата при отсутствии данного отношения. Если повторный анализ показывает, что без обнаружения определенного класса неисправностей требуемый результат систематически не обеспечивается, это может стать основанием для реконструкции ранее неявного функционального требования, но такая реконструкция должна затем проверяться самостоятельно.

Ни один из перечисленных источников не устанавливает функцию автоматически. Нормативный документ может предписывать отношение, которое фактически не реализуется; эксперт может приписывать

функциональное значение привычному действию; наблюдение фиксирует событие, но само по себе не показывает его системной роли. Более сильное основание дает согласование нескольких независимых свидетельств, а там, где это возможно, – проверка последствий изменения или исключения предполагаемого функционального отношения.

Фальсифицирующий результат также должен быть предусмотрен заранее. Если независимые исследователи при общей инструкции систематически реконструируют разные функции и связи; если предполагаемый функциональный инвариант исчезает при смене носителя; либо если функциональная реконструкция не улучшает объяснение или прогноз по сравнению с более простым компонентно-процессуальным описанием, соответствующие положения концепции должны быть пересмотрены.

Не менее важно заранее ограничить свободу самой реконструкции. До проверки конкретного случая должны быть зафиксированы рассматриваемый результат и его статус, границы деятельности, исходный перечень функциональных требований, правила выделения функций и связей, используемые индикаторы и критерии достаточности данных. После получения результата нельзя вводить новую функцию, связь или требование только потому, что первоначальная реконструкция не объяснила наблюдаемое отклонение. Расширение модели допустимо лишь как новая, отдельно обоснованная реконструкция, которая затем подлежит самостоятельной проверке.

Если при применении заранее заданной процедуры предполагаемая функциональная недостаточность не локализуется, случай фиксируется как необъясненный в рамках данной реконструкции. Исследователь может пересмотреть исходный результат, границы или уровень анализа, но такой пересмотр должен быть явно обозначен и не может использоваться как подтверждение первоначальной гипотезы. Тем самым отсутствие функционального объяснения признается содержательно допустимым результатом исследования, а не поводом для неограниченного усложнения модели.

Критерии аналитической достаточности реконструкции

Аналитическая достаточность оценивается относительно исследовательской задачи и может иметь несколько уровней. Это позволяет не требовать от каждой реконструкции одинаковой глубины. Уровни аналитической достаточности и соответствующие им исследовательские вопросы представлены в таблице 10.

Таблица 10. Уровни аналитической достаточности функциональной реконструкции

Уровень	Критерий	Исследовательский вопрос
Описательная	Установлены результат и его статус, основные функциональные требования, функции и носители	Что функционально присутствует в деятельности?
Структурная	Дополнительно обоснованы существенные и структурообразующие связи	Какие функциональные отношения сохраняются в заданном диапазоне условий?
Конфигурационная	Определены способы реализации, распределение функций и условия	Как функциональная организация реализована в данном случае?
Сравнительная	Реконструированы две или более конфигурации по сопоставимой процедуре	Что сохраняется и что изменяется между вариантами деятельности?

Объяснение причин изменения или недостаточности не образует еще один уровень достаточности: оно требует дополнительных данных и, возможно, других теорий. Базовая проверка может включать независимую реконструкцию двумя или более исследователями по единой инструкции, сопоставление кодировок и фиксацию разногласий. Количественная оценка межэкспертного согласия относится к специальной методике верификации.

Ограничения функционального цикла

Функциональный цикл имеет определенные ограничения. Во-первых, он не является универсальным алгоритмом поведения. Во-вторых, он не гарантирует автоматического обнаружения всех функций. Результат анализа зависит от качества исходных данных и корректности реконструкции. В-третьих, различные исследователи могут выделять разные функции на различных уровнях детализации. В-четвертых, функциональная конфигурация может

изменяться во времени, поэтому реконструкция фиксирует ее относительно определенного временного интервала и условий. В-пятых, функциональный цикл не заменяет эмпирических методов исследования.

Он задает логику организации анализа, но для ее применения необходимы наблюдение, эксперимент, анализ документов, моделирование, измерение или другие методы получения данных. Поэтому функциональный цикл является методологическим инструментом, а не самостоятельным эмпирическим методом.

Границы переноса между классами деятельности

Категориальная конструкция не исключает применения функциональной реконструкции к индивидуальной, совместной и человеко-машинной деятельности: носителями реализации могут выступать человек, группа, техническое устройство, программная система или их сочетание. Однако из этой теоретической допустимости не следует доказанная переносимость метода. Воспроизводимость реконструкции, пригодность индикаторов и устойчивость выявляемых функциональных отношений должны отдельно проверяться для разных классов деятельности, уровней анализа и степеней автоматизации.

Теоретический статус функционального цикла

Это позволяет уточнить статус функционального цикла. Он не является: универсальным алгоритмом деятельности; психологическим механизмом; моделью поведения субъекта; описанием обязательной временной последовательности действий. Он является процедурной конструкцией функционального анализа, предназначенной для последовательной реконструкции функциональной организации и конкретной функциональной конфигурации деятельности. Такое определение сохраняет его методологическую ценность и одновременно ограничивает область применения.

Функциональный цикл может использоваться для: реконструкции деятельности; анализа изменений; сопоставления вариантов; выявления функциональной недостаточности; анализа замещения и компенсации;

исследования распределения функций; определения направлений дальнейшего анализа. При этом его универсальность как процедуры должна рассматриваться как гипотеза, подлежащая дальнейшему исследованию, а не как уже доказанное свойство.

Функциональный цикл и развитие функционального подхода

После введения функционального цикла функциональный подход приобретает завершённую на данном уровне аналитическую последовательность. Его основная логика может быть представлена так: результат и функциональные требования задают исходные условия функционального анализа; функция задаёт исходную единицу анализа; функциональная организация объединяет функции в систему; функциональная структура выделяет устойчивые отношения между ними; функциональная конфигурация описывает конкретную реализацию; функциональный цикл задаёт процедуру её реконструкции и сопоставления.

Итак, ранее введенные понятия теперь образуют не набор независимых определений, а взаимосвязанную теоретическую конструкцию. Это является основным результатом настоящей части работы. Однако построенная конструкция обнаруживает ещё одну проблему. Если одна и та же функция может реализовываться различными способами, то различия между конкретными конфигурациями не всегда объясняются различием функциональных требований или условий.

Возникает вопрос о вариативности способов реализации функций и о том, может ли такая вариативность иметь устойчивый характер. Именно здесь заканчивается задача построения базовой функциональной конструкции и начинается следующий уровень исследования.

Компактная схема применения функциональной реконструкции

Для прикладной работы развернутый категориальный аппарат можно свести к трем последовательным вопросам. Такая схема не заменяет теоретических различий между организацией, структурой, конфигурацией и процедурой реконструкции, а служит их рабочим интерфейсом. Эта сокращённая рабочая схема представлена в таблице 11.

Таблица 11. Трехуровневая схема функциональной реконструкции

Уровень	Основной вопрос	Что фиксируется исследователем
1. Функциональное требование	Что должно быть обеспечено?	Рассматриваемый результат, его статус и необходимые условия его получения или поддержания.
2. Функциональные отношения	Какие функциональные отношения обеспечивают требование?	Функции и существенные связи между ними; при сравнении – устойчивые структурообразующие отношения.
3. Функциональная конфигурация	Как это реализовано здесь и сейчас?	Носители, способы реализации, распределение функций, конкретные связи и условия.

Практическая последовательность поэтому может быть сформулирована предельно кратко: требование → функциональные отношения → конкретная реализация. Если задача ограничивается описанием конкретного случая, исследователь может остановиться на конфигурации. Если требуется установить инварианты, сравниваются несколько конфигураций и только после этого ставится вопрос о функциональной структуре.

7. Программа эмпирической проверки

Завершение теоретико-методологического этапа требует перевести наиболее существенные положения в форму проверяемых гипотез. Ниже они формулируются не как доказанные закономерности деятельности, а как направления последующей эмпирической проверки.

Гипотеза функциональной инвариантности. При изменении носителей и способов реализации деятельности часть функциональных отношений может сохраняться при существенном изменении наблюдаемого состава действий и операций.

Гипотеза функциональной эквивалентности. Сопоставимый результат деятельности может обеспечиваться различными функциональными конфигурациями, различающимися носителями, распределением и способами реализации функций.

Гипотеза функциональной недостаточности. Снижение результативности в ряде случаев связано не с отсутствием необходимых компонентов как таковых, а с необеспеченностью функционального требования

вследствие нарушения функции, функциональной связи, распределения или способа реализации.

Гипотеза добавочной аналитической ценности. Для определенного класса изменений деятельности функциональная реконструкция позволит точнее локализовать источник нарушения либо прогнозировать последствия замещения и перераспределения носителей, чем описание, основанное только на составе компонентов и последовательности операций.

Каждая из этих гипотез допускает отрицательный результат. Эмпирическое исследование может показать отсутствие устойчивого функционального инварианта, неразличимость предполагаемых конфигураций, отсутствие связи между реконструированной недостаточностью и результативностью или отсутствие преимущества функциональной реконструкции перед более простым описанием. Такой результат должен рассматриваться как основание для пересмотра соответствующего положения, а не как ошибка применения метода.

Для эмпирической проверки гипотез процедура реконструкции должна по возможности задаваться до анализа исходов: заранее определяются единицы наблюдения, правила кодирования, критерии включения новых функциональных категорий и условия признания гипотезы неподтвержденной. Конкретные числовые пороги надежности, объем выборки и статистические критерии относятся уже к методике отдельного исследования и не устанавливаются настоящей концепцией.

8. Полученные результаты и границы исследования

Основной результат работы состоит в построении связанной схемы функционального уровня анализа деятельности и в формулировании программы ее эмпирической проверки. Полученная конструкция остается концептуально-методологической: ее добавочная объяснительная, диагностическая и проектировочная ценность пока не доказана и представлена в форме проверяемых гипотез.

Фундаментальность функции трактуется методологически – относительно функционального уровня анализа. Это снимает необходимость утверждать ее онтологическое первенство по отношению к другим категориям деятельности и одновременно сохраняет ее конструктивную роль в построении модели.

Базовая функциональная триада – ориентация, преобразование и регуляция – имеет статус исходной аналитической схемы. Для нее не утверждаются логическая минимальность, совместная достаточность или универсальность. Аналогично, универсальность функционального цикла остается гипотезой, требующей проверки на различных классах деятельности.

Различение нормативно заданного, субъективно предполагаемого, фактического и исследовательски реконструированного результата уточняет исходную точку функционального анализа. Оно ограничивает риск ретроспективного приписывания функций под заранее выбранный исследователем результат.

Открытыми остаются эмпирическая проверка функциональных инвариантов, воспроизводимость реконструкции, сравнительная ценность функционального анализа по отношению к более простым способам описания, границы применимости базовой триады и причины устойчивой вариативности способов реализации функций. Предложенная схема операционализации задает переход к таким исследованиям, но не заменяет специальных методик и реальных данных.

Заключение

Функциональный подход позволяет рассматривать деятельность с точки зрения того, что должно быть обеспечено для получения или поддержания результата и как это обеспечение организовано. Его предмет не совпадает с психологическим, социальным, физиологическим или техническим объяснением деятельности и не подменяет их.

Последовательное различение функции, функциональной организации, функциональной структуры и функциональной конфигурации задает переход

от единицы анализа к конкретной реализации. Это различие особенно важно при исследовании изменений: смена носителя или способа реализации функции еще не означает изменения самой функции или функциональной структуры.

Предложенный функциональный цикл переводит категориальную конструкцию в итеративную процедуру реконструкции. Исходная последовательность ведет от результата и функциональных требований к функциям, носителям, способам реализации и связям; обратные переходы позволяют уточнять требования и границы функций по мере появления новых данных. Сравнение конфигураций образует отдельный сопоставительный модуль.

Полученная концепция не является функциональной теорией деятельности. На данном этапе сформированы теоретико-методологические основания функционального анализа деятельности и программа их проверки. Следующий этап должен быть методическим: необходимо разработать воспроизводимую процедуру функциональной реконструкции, включающую единицы наблюдения, правила кодирования, требования к исходным данным, процедуры межэкспертной проверки и способы сопоставления альтернативных реконструкций. Только после серии эмпирических исследований, подтверждающих воспроизводимость функциональных инвариантов и добавочную аналитическую ценность подхода, можно будет ставить вопрос о достаточности оснований для построения функциональной теории деятельности (ФТД).

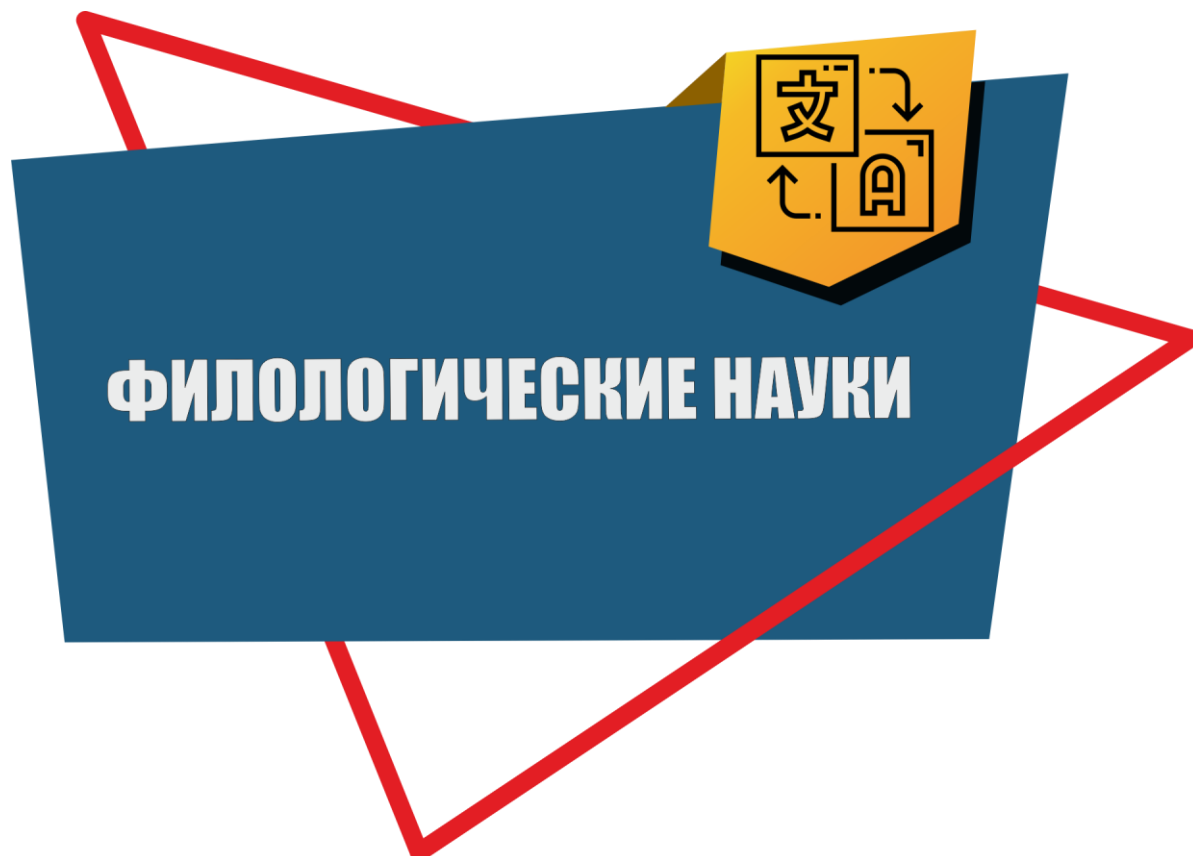
Список использованной литературы:

1. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 129–140.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
5. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 392 с.

6. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 233–280.
7. Умрихин В.В., Ромащук А.Н. Функциональный подход как неявное основание становления психологии XX века // Методология и история психологии. 2010. № 3. С. 26–37.
8. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Издательство Московского университета, 1976. 150 с.
9. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
10. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 447 с.
11. Анохин П.К. Кибернетика функциональных систем: избранные труды / под общ. ред. К.В. Судакова. М.: Медицина, 1998. 397 с.
12. Bedny G.Z., Harris S.R. The Systemic-Structural Theory of Activity: Applications to the Study of Human Work // Mind, Culture, and Activity. 2005. Vol. 12, No. 2. P. 128–147. DOI: 10.1207/s15327884mca1202_4.
13. Мильман В.Э. Компоненты и уровни в функциональной структуре деятельности // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 71–80.
14. Kaptelinin V., Kuutti K., Bannon L. Activity theory: Basic concepts and applications // Human-Computer Interaction: EWHCI 1995. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 1015. Berlin; Heidelberg: Springer, 1995. P. 189–201. DOI: 10.1007/3-540-60614-9_14.
15. Bedny G.Z., Karwowski W. A Systemic-Structural Theory of Activity: Applications to Human Performance and Work Design. Boca Raton: CRC Press, 2006. 526 p.
16. Engeström Y. Learning by Expanding: An Activity-Theoretical Approach to Developmental Research. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 338 p. DOI: 10.1017/CBO9781139814744.
17. Kaptelinin V., Nardi B.A. Activity Theory in HCI: Fundamentals and Reflections. San Rafael, CA: Morgan & Claypool Publishers, 2012. 106 p. DOI: 10.2200/S00413ED1V01Y201203HCI013.
18. Kaptelinin V., Nardi B. Activity Theory as a Framework for Human-Technology Interaction Research // Mind, Culture, and Activity. 2018. Vol. 25, No. 1. P. 3–5. DOI: 10.1080/10749039.2017.1393089.
19. Vicente K.J. Cognitive Work Analysis: Toward Safe, Productive, and Healthy Computer-Based Work. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. 416 p.
20. Naikar N. Cognitive work analysis: An influential legacy extending beyond human factors and engineering // Applied Ergonomics. 2017. Vol. 59. P. 528–540.

21. Parasuraman R., Sheridan T.B., Wickens C.D. A model for types and levels of human interaction with automation // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics – Part A: Systems and Humans. 2000. Vol. 30, No. 3. P. 286–297. DOI: 10.1109/3468.844354.
22. Hollnagel E., Woods D.D. Joint Cognitive Systems: Foundations of Cognitive Systems Engineering. Boca Raton, FL: CRC Press, 2005.
23. Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 402 p.
24. Wiener N. Cybernetics: or Control and Communication in the Animal and the Machine. 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 1961.
25. Ashby W.R. An Introduction to Cybernetics. London: Chapman & Hall, 1956. 295 p.
26. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht: D. Reidel, 1980. 146 p.

© Ишков А.Д., 2026

УДК 81-2

ГЛАВА 7

АРХИТЕКТУРА ВЛАСТИ И СОПРОТИВЛЕНИЯ: ЗАМКИ УЭЛЬСА КАК СИМВОЛЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

КОТОВА Е.Г.

канд. пед. наук, доцент
ГГТУ, г. Орехово-Зуево, РФ

Аннотация: В статье анализируется роль замков как центрального элемента культурного и исторического наследия Уэльса, включая сеть крепостей Эдуарда I и отдельные сооружения типа замка Кардифф. В статье также показано, как военная архитектура «железного кольца» в Гвинедде сочетается с территориальной памятью, формируя сложную валлийскую идентичность, где те же объекты одновременно символизируют завоевание и сопротивление. Особое внимание уделяется процессу трансформации замков из средневековых крепостей в музеи, образовательные и культурные центры, а также подчеркивается их значение для сохранения и популяризации исторического наследия Уэльса в глобальном контексте.

Ключевые слова: замки Уэльса, железное кольцо Эдуарда I, культурное наследие Уэльса, замок Кардифф, валлийская идентичность

ARCHITECTURE OF POWER AND RESISTANCE: WELSH CASTLES AS SYMBOLS OF HISTORICAL MEMORY

KOTOVA E.G.

PhD in Pedagogics, Associate Professor
GGTU, Orekhovo-Zuyevo, RF

Abstract: The article analyzes the role of castles as a central element of Wales' cultural and historical heritage, including the network of Edward I's fortresses and individual structures like Cardiff Castle. The article also shows how the military architecture of the "Iron Ring" in Gwynedd is combined with territorial memory, forming a complex Welsh identity where the same objects simultaneously symbolize conquest and resistance. Special attention is paid to the process of transforming castles from medieval fortresses into museums, educational and cultural centers, and their importance is emphasized for preserving and promoting the historical heritage of Wales in a global context.

Keywords: Castles of Wales, the Iron Ring of Edward I, the cultural heritage of Wales, Cardiff Castle, Welsh identity

Уэльс (Wales) — часть Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, расположенная на широком полуострове в западной части острова Великобритания [4, с. 101]. Пейзажи Уэльса поражают воображение благодаря разнообразию ландшафтов — от горных массивов до живописных побережий и исторических достопримечательностей. В этом контексте замки становятся ключевой частью культурного и исторического наследия, особенно в таких регионах, как Уэльс, где они сохранились как памятники, музеи и туристические достопримечательности. Они воплощают в себе различные аспекты политической истории, архитектуры и общественной жизни и часто охраняются как объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО или национальными организациями по охране наследия.

Замки символизируют средневековые властные структуры, военные конфликты и региональную самобытность. Их изучают как архитектурное наследие, поскольку они позволяют проследить, как архитектура, технологии и социальная организация развивались на протяжении столетий.

Всего в Уэльсе было построено около 600 замков, из которых более сотни дошли до наших дней в виде руин или отреставрированных сооружений. Многими из них управляют такие организации, как Cadw — служба по охране исторического наследия при правительстве Уэльса, и Национальный фонд (the National Trust), которые объединяют охрану природы и популяризацию исторических зданий, ландшафтов и археологических памятников.

Уэльс часто называют мировой столицей замков, потому что его территория действительно насыщена древними крепостями, красноречиво свидетельствующими о его бурной истории и богатом культурном наследии. От суровых руин, возвышающихся на впечатляющих скалах, до величественных крепостей, выдержавших испытание временем, замки Уэльса воплощают дух валлийского народа и его легендарное прошлое.

Наибольшая концентрация замков приходится на северо-запад и юго-запад Уэльса, а также на юго-восточный прибрежный и приречной пояс.

Именно в этих зонах проходили основные линии борьбы между валлийскими князьями и англо-норманнскими завоевателями, поэтому здесь сохранилось наибольшее число замков и крепостей.

Замки, подобно своеобразной машине времени, помогают проследить историю Уэльса от античности до современности, отражая ключевые этапы развития страны, политические, военные и культурные изменения. Например, королевские и стратегически важные замки в Англии такие как, Виндзор, Дувр, Линкольн — это не просто каменные сооружения. Здесь хранятся документы, артефакты и бережно сохраняются составляющие нематериального наследия (церемонии и местные традиции).

Аналогичный статус имеют 4 замка Гвинедда (валл. Teyrnas Gwynedd) в прошлом территории одного из кельтских королевств средневекового Уэльса. Бомарис, Конуи, Карнарфон, Харлеч и городские стены Конуи образуют объект Всемирного наследия ЮНЕСКО «Замки и городские стены короля Эдуарда в Гвинедде» (Castles and Town Walls of King Edward in Gwynedd) [10], известный своей выдающейся средневековой военной архитектурой. Замки Эдуарда I в Уэльсе сформировали валлийскую идентичность двумя мощными, противоположными способами: как символы завоевания и подавления и как устойчивые символы сопротивления и культурной памяти. Так называемое «железное кольцо» (“iron ring”) королевских замков в Гвинедде и более широкий проект англо-нормандской колонизации оставили глубокий след в понимании Уэльсом своей истории и государственности.

Эдуард I построил цепь массивных замков Конуи (Conwy), Карнарфон (Caernarfon), Харлеч (Harlech), Бомарис (Beaumaris), а также более ранние Флинт (Flint), Раддлан (Rhuddlan), Билт (Builth), Аберистуит (Aberystwyth), чтобы сокрушить власть Лливелина ап Грифида (Llywelyn ap Gruffudd) и предотвратить будущие восстания. Эти крепости были намеренно размещены в центре валлийского сопротивления в Сноудонии (Snowdonia).

Одновременно с этим он расчистил существующие валлийские поселения и основал новые английские города вокруг замков, стремясь изменить социальную структуру, языковую среду и политическую лояльность

населения. Данный проект “реколонизации” был направлен на уничтожение старых валлийских структур власти и насаждение символов постоянного английского правления [23].

Несмотря на намерения Эдуарда, масштаб и узнаваемость этих замков со временем сделали их незабываемыми достопримечательностями; со временем они стали частью исторического повествования Уэльса не только как английские крепости, но и как места исторической борьбы и национальной гордости [22].

Более поздние валлийские восстания, такие как восстание Оуайна Глиндура (Owain Glyndŵr's uprising) в начале 1400-х годов, использовали замки, например Харлеч, в качестве опорных пунктов, доказывая тот факт, что валлийская идентичность способна восстановить даже те структуры, которые были призваны её поработить [14].

Сегодня замки и городские стены, построенные при короле Эдуарде I в Гвинедде, рассматриваются как основные символы валлийского наследия, сочетающие историю, наполненную чередой тяжёлых для валлийского народа событий, с одновременным сохранением национального колорита и аутентичности.

Замки и крепости короля Эдуарда I в Уэльсе были значительно крупнее, сложнее и более централизованно спланированы, чем ранние валлийские укрепления, однако оба типа отражают политическую и военную стратегию своих создателей. Ранние валлийские замки были, как правило, локальными, адаптивными и часто скромными по размерам, тогда как крепости Эдуарда проектировались как постоянные комплексы в имперском стиле, призванные доминировать в ландшафте и управлении.

Более ранние валлийские замки, например, валлийские крепости, такие как Динас-Повис (Dinas Powys) и форты на прибрежных холмах, обычно строились местными правителями для контроля над определенными маршрутами, переправами через реки или территориями племен. Они служили главным образом убежищами и местными центрами власти, а не общегосударственными инструментами управления.

Замки и крепости короля Эдуарда I в древнем княжестве Гвинедд носили выраженный политический и пропагандистский характер. Королевские средства были направлены на подчинение средневекового княжества на северо-западе Уэльса, установление господства Англии и создание новые королевских графств и городов.

Укрепления железного века часто возводились на естественных вершинах холмов или мысах, и опирались на земляные укрепления (насыпи, рвы) и небольшие деревянные или каменные ограждения. Даже более поздние каменные крепости, как правило, были проще по планировке и менее систематизированы, чем замковые комплексы Эдуарда.

Замки Эдуарда I отмечены ЮНЕСКО как «лучшие образцы военной архитектуры конца XIII века в Европе»; в них использовались концентрические конструкции типа «стена в стене», сложные надвратные сооружения и порты для выхода к морю [6].

Валлийские крепости до XI века обычно были небольшими по размеру и сравнительно недорогими: они предназначались для ведения локальных войн, размещения небольших гарнизонов, а не для круглогодичной королевской оккупации.

Фортификационные сооружения эпохи правления Эдуарда I были массивными и чрезвычайно дорогостоящими проектами; вокруг них создавались новые города с английским населением, а их архитектурный облик намеренно включал имперские образы (стены в римском стиле, европейский масштаб), чтобы подчеркнуть королевскую власть.

Более ранние валлийские замки представляли собой разрозненную, лоскутную сеть крепостей по всей стране, тесно связанных с государственным устройством Уэльса до завоевания.

Замки Эдуарда I образовали единое «железное кольцо» на севере и вдоль устьев ключевых рек, изменив облик поселений, административную систему и историческую память. Многие из этих памятников позже стали объектами культурного наследия, внесёнными в список ЮНЕСКО, что стало важным элементом современного представления о валлийской самобытности.

Для многих современных валлийцев эти замки олицетворяют одновременно угнетение и стойкость: они напоминают о завоеваниях, а также о сохранении языка, культуры и политических устремлений, тем самым помогая сформировать сложную, исторически укоренившуюся валлийскую идентичность [22].

Сегодня замки выполняют функции музеев, мест проведения мероприятий и образовательных пространств. Их посещают школьные группы, в них проводятся реконструкции исторических событий и фестивали, а цифровые технологии помогают посетителям лучше понять повседневную жизнь прошлого.

В этом контексте особое значение приобретает замок Кардифф (Cardiff Castle, валл. Castell Caerdydd) — выдающийся исторический памятник и одна из главных достопримечательностей Уэльса. Он расположен в столице страны. Этот великолепный архитектурный ансамбль считается важной частью культурного наследия Великобритании и привлекает посетителей своей богатой историей, насчитывающей более двух тысячелетий. Уникальность замка заключается в сочетании нескольких исторических эпох и архитектурных стилей [3]. Построенный на месте римского укрепления, он включает норманнскую крепость XI века и роскошный викторианский особняк. Его внешняя стена, увенчанная статуями животных со стеклянными глазами, украшенными замысловатой резьбой, на протяжении многих поколений поражает воображение молодых валлийцев [5].

История замка Кардифф начинается во времена Римской империи, когда в период правления императора Нерона (54–68 гг. н. э.) римские легионеры построили первое укрепление в виде форта. Его строительство имело важное стратегическое значение, поскольку оно позволяло контролировать устье реки Тафф и защищать границы империи от набегов. До наших дней на территории замка сохранились фрагменты древнеримских стен как молчаливое свидетельство его античного прошлого. Раскопки выявили четыре последовательных форта. Позже это место получило название Каэр-Тафф, или «форт на Таффе» (Caer-Taff, or “fort on the Taff”). Эти руины свидетельствуют о

раннем развитии военной инженерии в период сопротивления местных силуров. Silures — кельтское племя, которое в эпоху железного века занимало земли в современном южном Уэльсе и оказывало ожесточённое сопротивление римскому завоеванию Британии.

В 1091-1093 годах нормандский лорд Роберт Фитцхэмон (лорд Глостера) нанёс поражение валлийскому правителю Иестину ап Гвргану из Гламоргана. С приходом норманнов история замка получила новое развитие. В 1091 году на развалинах римского форта был возведён деревянный замок типа *motte-and-bailey*, который вскоре был перестроен в стиле типичной норманнской цитадели с мощными каменными стенами и оборонительными башнями как демонстрация власти нового правителя этих земель Вильгельма Завоевателя. Замок стал сердцем средневекового города Кардифф и территории одного из наиболее могущественных и богатых лордств Южного Уэльса лорда-марчера Гламоргана (Glamorgan, валлийское название — Morgannwg или Sir Forgannwg), существовавшего в качестве административно-территориальной единицы в составе Англии в период с 1535 по 1888 год.

Таким образом, замок стал резиденцией сменявших друг друга норманнских лордов Гламоргана, сыграв ключевую роль в англо-нормандской колонизации и контроле Южного Уэльса на протяжении XII–XIV веков. Несколько знатных английских родов нормандского происхождения, такие как Де Клары (De Clares), Диспенсеры (Despensers), Бошаны (Beauchamps) и Невиллы (Nevilles), на протяжении веков расширяли его территорию, добавляя башни, стены и жилые помещения для усиления обороны и повышения статуса резиденции. Их деятельность отражала растущую угрозу со стороны восстаний в Уэльсе и необходимость укрепления административного контроля в Гламоргане.

Де Клары владели замком Кардифф примерно с 1217 по 1314 год и превратили его в значительную военную крепость лордства Гламорган. Они заново укрепили замок в ответ на восстания в Уэльсе, усилив цитадель и построив центральную укрепленную стену, соединявшую цитадель, южные ворота и Черную башню (Black Tower). Это улучшило как оборону, так и

внутреннюю планировку замка. Вложенные инвестиции помогли превратить Кардифф в главный административный центр [9].

Замок Кардифф неоднократно становился ареной конфликтов между англо-норманнами и валлийцами: в XII веке он несколько раз подвергался нападениям, а в 1404 году был взят штурмом во время восстания последнего уроженца Уэльса, носившего титул принца Уэльского, Оуайна Глиндюра (Owain Glyndŵr) [17].

В начале XIV века замок был связан с бурным правлением Эдуарда II: после того, как его жена Изабелла возглавила восстание против него, свергнутый король попытался найти убежище в районе Кардиффа, но был схвачен; позже замок перешел к семье Деспенсеров, влиятельному аристократическому роду того периода [2].

Диспенсеры управляли замком с 1317 по 1416 год, и их правление запомнилось как суровое и политически беспокойное. Они усилили феодальный контроль, исключили валлийских чиновников и были обвинены в жестоким подавлении восстания 1316 года, возглавленного Лливелином Бреном, сыном Грифида, лорда Сенгенидда (Llywelyn Bren's revolt). В военном отношении они продолжали использовать Кардифф в качестве региональной базы власти, хотя к концу XIV века всё чаще отдавали предпочтение расположенной неподалёку крепости Кэрфилли (Caerphilly), а не Кардиффу [19].

Бошаны владели замком с 1416 по 1449 год и внесли значительный вклад в развитие его жилой части позднего средневековья. Ричард де Бошан, граф Уорикский (Richard de Beauchamp, Earl of Warwick, 1382-1439), построил обширный жилой комплекс вдоль западной стены и возвёл знаменитую башню Бошан-Тауэр (Beauchamp Tower) — восьмиугольную башню высотой 75 футов, построенную из тесаного камня и известняка, которая остаётся одним из наиболее хорошо сохранившихся сооружений XV века на территории замка. Эти работы сместили акцент с примитивной обороны замка на престижную дворянскую резиденцию [18].

1449-1486 г.г. стал периодом владения замком представителями рода Невиллов благодаря состоявшемуся союзу английской аристократки Леди Энн

Бошан (Ann Beauchamp, 1426-1492) с английским пэром, государственным и военным деятелем Ричардом Невиллом (Richard Neville, 1428-1471), впоследствии 16-ым графом Уориком (16th Earl of Warwick). В времена их владения значение Кардиффа как независимого оплота нормандско-английских баронов, владевших землями в Уэльсе и на валлийских границах, снизилось, особенно после Войны Алой и Белой розы (The Wars of the Roses, 1455-1485), когда королевская власть при Генрихе VIII ужесточилась, а 'marcher lordships' как политические единицы были упразднены. 'Marcher lordships' представляли собой феодальные владения в пограничных регионах между Англией и Уэльсом в Средние века. Они были созданы для защиты от валлийских набегов и управления приграничными территориями [16].

Во времена правления династии Тюдоров (1486–1551) замок находился в руках королевской власти, однако масштаб новых строительных работ был ограниченным. Генрих VII передал лордство Кардифф своему дяде Джасперу Тюдору (Jasper Tudor, 1431-1495) [15]. Это было связано с тем, что обширные владения семьи Невилл, к тому времени объединённые с королевскими землями, не должны были перейти к потомкам Ричарда III [21].

После смерти Джаспера Тюдора в 1495 году лордство вернулось к короне. Замок оставался в руках монархии на протяжении правления Генриха VII и Генриха VIII как символ английской власти в регионе несмотря на то, что непосредственная военная роль замков постепенно уменьшалась.

Невиллы использовали замок скорее, как часть более широкой сети власти и политического влияния, чем как площадку для нового крупного строительства, хотя он продолжал оставаться символом лордства в Гламоргане. В 1551 году Эдуард VI передал замок потомку одной из наиболее влиятельных средневековых семей Британии Уильяму Герберту (англ. William Herbert, 1501-1570) английскому аристократу, 1-му графу Пембруку, который с 1551 года стал также 1-м бароном Гербертом из Кардиффа [1].

Семья Гербертов (The Herbert family) завладела этим поместьем в 1550 году, реконструировав часть главного здания и проведя строительные работы во внешнем дворе, который впоследствии был занят Шир-холлом (The Shire Hall) и

другими сооружениями. Во время гражданской войны в Англии замок Кардифф был сначала захвачен парламентскими войсками, но в 1645 году возвращён роялистами. Когда в 1648 году снова вспыхнули боевые действия, армия роялистов атаковала Кардифф в попытке вернуть замок, что привело к битве недалеко от деревни Сент-Фаганс (St Fagans) в Южном Гламоргане. Битва при Сент-Фагане во время Второй гражданской войны в Англии, стала крупнейшим сражением, когда-либо происходившим в Уэльсе. В результате этого кровавого конфликта король Карл I был казнен, а Англия стала управляться как единое государство [8].

Кардиффский замок избежал возможного разрушения после войны и впоследствии был восстановлен.

В середине XVIII века Кардиффский замок перешел в руки династии Стюартов, маркизов Бьют. Став собственностью третьего маркиза Бьюта (the 3rd Marquess of Bute), разбогатевшего на валлийских рудниках, замок был преобразован из суровой средневековой крепости в роскошную резиденцию. Бьют нанял архитектора Уильяма Берджеса (William Burges) для реконструкции в стиле готического возрождения. Были созданы роскошные интерьеры, в которых исторические мотивы, фрески и резьба сочетались в эффектной декоративной системе. Этот период добавил замку уникальный исторический слой, соединив военную мощь прошлого с викторианской пышностью [3].

Во время Второй мировой войны (1939-1945) 4-й маркиз Джон Крайтон-Стюарт (John Crichton-Stuart, the 4th Marquess) превратил туннели замка в убежища для 2000 человек от налетов германских военно-воздушных сил.

В настоящее время замок Кардифф функционирует как объект общественного наследия, музей и место проведения мероприятий, где проходят музыкальные фестивали, реконструкции исторических событий и образовательные программы, знакомящие посетителей с его многовековой историей; именно такие формы работы с наследием продолжают традицию, заложенную исследователями прошлого. Так, Джорджа Томаса Кларка (George Thomas Clark) называют отцом-основателем замковых исследований. Именно он систематически собирал и описывал валлийские замки, заложив основу для последующих исторических исследований [11]. Кларк был инженером,

работавшим под руководством великого И. К. Брюнеля на железных дорогах Грейт-Вестерн и Тафф-Вейл в 1830-х годах. С 1850-х годов он руководил металлургическим заводом Доулейс в Гламоргане и имел все возможности для изучения замков Уэльса, о которых он написал множество статей, позднее объединённых в книгу. Его теории о происхождении земляных укреплений первых норманнских замков в Англии и Уэльсе, в частности замковых насыпей или моттов, подобных тем, что можно увидеть в замке Кардифф, впоследствии были опровергнуты более поздними исследователями, такими как Элла Армитидж. Тем не менее, значительная часть его работ, посвященных большим каменным замкам Уэльса и других стран, сохраняет научную ценность.

Библиография за 1945-2006 годы, насчитывающая 740 страниц, показывает, насколько популярными стали исследования замков. Особого внимания заслуживают раскопки первого замка Монгомери, известного как Хен Домен (Старый курган), которые проводились с 1960 по 1992 год, поскольку они дали важные сведения о том, как выглядел в XII веке на Валлийских марках этот замок, сделанный из земли и дерева. В этом контексте значимым вкладом стала монография “Ideology, Castle-Building, and Landscape in Gwynedd 1194-1283” валлийского исследователя Крейга Оуэна Джонса (Craig Owen Jones), в которой он анализирует замковую культуру аборигенных валлийских князей и их связь с идеологией и фольклором. Автор опровергает ошибочные представления о дизайне валлийских замков, раскрывая их стратегическую ценность и культурное значение [12]. Крейг является почётным научным сотрудником Бангорского университета в Уэльсе. В том же университете работает Ралука Радулеску (Raluca Radulescu), профессор литературы Средневековья, исследующая легенды и мифы, включая артуровские и валлийские народные мотивы, а также участвующая в культурно-исторических проектах, связанных с замками и “Year of Legends” [7].

Доктор Karen Dempsey из Cardiff University специализируется на средневековой археологии замков; её работы включают анализ замков как материальной культуры и их связь с политическими и социальными процессами в Уэльсе [13].

В заключение отметим следующее. Замки Уэльса продолжают вызывать интерес у посетителей со всего мира. Они являются не только памятниками ушедшей эпохи, но и важной частью культурного наследия и самобытности Уэльса. Предпринимаемые государством меры по сохранению этих исторических объектов позволяют рассчитывать на то, что они и в дальнейшем будут привлекать внимание последующих поколений. Во многих замках проводятся мероприятия, реконструкции и выставки, обеспечивающие живой исторический опыт.

Замки Уэльса предлагают больше, чем просто путешествие в прошлое; они помогают понять душу нации, сформировавшуюся в результате многовековых конфликтов, национальную культуру и стойкость валлийского характера. Каждый замок рассказывает свою собственную историю на фоне потрясающей природной красоты Уэльса [20].

Замки Уэльса, прежде всего замки Эдуарда I, и такие памятники, как замок Кардифф, — это не только впечатляющие образцы военной архитектуры, но и живые свидетели сложной истории взаимоотношений между Англией и валлийским народом. В своей двойственной роли — как символы завоевания и как пространства сопротивления, памяти и культурной идентичности — они продолжают формировать современное восприятие Уэльса.

Сегодня, будучи преобразованными в музеи, образовательные центры и туристические локации, эти замки позволяют вживую прочувствовать многовековой путь страны, сохраняя уникальный визуальный и исторический облик валлийского ландшафта. Таким образом, замки Уэльса остаются мощным инструментом сохранения и переосмысления национального наследия, в котором прошлое не просто охраняется, но и активно воспроизводится в современной культурной жизни.

Список использованной литературы

1. Герберт, Уильям, 1-й граф Пембрук [Электронный ресурс] - Режим доступа: [\(https://ru.wikipedia.org/wiki/Герберт, Уильям, 1-й граф Пембрук \(1501—1570\)\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Герберт,_Уильям,_1-й_граф_Пембрук_(1501—1570)) (дата обращения: 27.04.2026)
2. Замок Кардифф [Электронный ресурс] - Режим доступа: [\(https://znanierussia.ru/articles/Замок Кардифф\)](https://znanierussia.ru/articles/Замок_Кардифф) (дата обращения: 24.04.2026)

3. Кардиффский замок: история, экскурсии и достопримечательности [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.kupibilet.ru/gid/velikobritaniia/kardiff/kardiffskii-zamok> (дата обращения: 22.04.2026)
4. Котова Е.Г. Уэльс: язык, топонимия и национальная идентичность на фоне двухтысячелетней истории. Междисциплинарные подходы в современной науке: вызовы, достижения и перспективы: монография. Выпуск 108 [под ред. А.А. Сукиасян]. - Уфа: Аэтерна, 2026. 262 с. С.101-115
5. An introduction to the castles of Wales [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.wales.com/visit/visiting-wales/castles-wales> (дата обращения: 21.04.2026)
6. Architects, Advisers and Design at Edward I's Castles in Wales. Architectural History. Cambridge Core [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/architectural-history/article/abs/architects-advisers-and-design-at-edward-is-castles-in-wales/6AE0A32ECC21742725DCF13B221D9739> (дата обращения: 24.04.2026)
7. Arthurian studies centre launched at Bangor University | North Wales Live <https://www.dailypost.co.uk/special-features/arthurian-studies-centre-launched-bangor-12471441> (дата обращения: 01.07.2026)
8. Battle of St Fagans [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.historic-uk.com/HistoryUK/HistoryofWales/Battle-of-St-Fagans/> (дата обращения: 27.04.2026)
9. Cardiff Castle [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.cathmudford.com/Places/Barry/cardiffcastle.htm> (дата обращения: 22.04.2026)
10. Castles and Town Walls of King Edward in Gwynedd - UNESCO World Heritage Centre [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/list/374> (дата обращения: 25.04.2026)
11. Castle Studies in Wales (and beyond) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://museum.wales/blog/1242/Castle-Studies-in-Wales-and-beyond/> (дата обращения: 27.04.2026)
12. Craig Owen Jones. Ideology, Castle-Building, and Landscape in Gwynedd 1194–1283. University Of Hertfordshire Press, 2022. 256 pp.
13. Dr Karen Dempsey - People - Cardiff University [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://ya.ru/search/?text=https%3A%2F%2Fprofiles.cardiff.ac.uk%2Fstaff%2Fdempseyk&lr=120225&clid=2175661&search_source=yaru_desktop_common&search_domain=yaru (дата обращения: 01.07.2026)
14. Edward I's Welsh Castles [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.castlewales.com/edward1.html> (дата обращения: 24.04.2026)

15. Jasper Tudor: The Legacy Of King Henry VII's Uncle [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.salonprivemag.com/jasper-tudor-king-henry-viis-uncle/> (дата обращения: 27.04.2026)
16. Marcher lordships meaning. New Generation Dictionary [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://goong.com/word/marcher-lordship-meaning/> (дата обращения: 23.04.2026)
17. Owen Glendower (Owain Glyndwr), last Welsh Prince of Wales [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.historic-uk.com/HistoryUK/HistoryofWales/Owen-Glendower-Owain-Glyndwr/> (дата обращения: 23.04.2026)
18. The Beauchamps. History. Cardiff Castle [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.cardiffcastle.com/explore/history/beauchamps/> (дата обращения: 23.04.2026)
19. The Despencers. Cardiff Castle [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.cardiffcastle.com/explore/history/despencers/> (дата обращения: 22.04.2026)
20. The Enigmatic Castles Of Wales: History And Legends [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://explore-globe.com/blog/the-enigmatic-castles-of-wales-history-and-legends/> (дата обращения: 27.04.2026)
21. The Tudors. History. Cardiff Castle [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.cardiffcastle.com/explore/history/tudors/> (дата обращения: 23.04.2026)
22. Viking Collection. Histories and Castles [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://historiesandcastles.com/collections/viking-art-and-jewellery?v=7885444af42e> (дата обращения: 24.04.2026)
23. Why did Edward I build castles in North Wales? Seeing the past [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.seeingthepast.com/blog/edward-castles> (дата обращения: 24.04.2026)

©Котова Е.Г., 2026

УДК 81`42+81`373.2+ 81`27

ГЛАВА 8

ДИНАМИКА ВТОРИЧНЫХ ЭТНОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ДИСКУРСЕ

ЛУПИНА А.Е.,к.ф.н., преподаватель Военного Университета,
г. Москва, Р.Ф.

Аннотация. Монография посвящена анализу динамики вторичных этнонимов во французском дискурсе, функционирующих как чувствительные индикаторы оппозиции «свои / чужие» на примере Kanak/Canaque, Caldoche и Beur/Rebeu. В центре внимания находится вариативность авторской позиции/позиции говорящего (stance/stancetaking) по отношению к наименованию групп, объединённых формальным гражданством Французской Республики, но различающихся по историческому и институциональному контексту идентификации в рамках единого государственного пространства. Данное уточнение принципиально важно, поскольку анализируемые кейсы репрезентируют различные этнолингвокультурные и дискурсивные контексты (в частности, региональный и автохтонный), что обуславливает специфику их функционирования.

Авторская позиция трактуется как конфигурация трёх параметров – оценки (affect), выравнивания (alignment) и вовлечённости (investment) – по отношению к обозначаемой группе и доминирующим идеологическим рамкам французской республиканской модели и постколониального многообразия. Теоретической основой работы служит понятие стэнс (stancetaking) в интерпретации S. Kiesling и последующих исследователей, сопоставленный с дискурс-историческим подходом R. Wodak и др. Предлагается матричный способ описания вторичных этнонимов как лексического знака, основанный на пересечении интерлингвокультурной оппозиции «ксеноним / идионим» (в понимании В. В. Кабакчи) и ономастической – «экзоэтноним / эндоэтноним». В результате формируется квадратная матрица, имеющая четыре полюса: ксеноним-экзоэтноним, ксеноним-эндоэтноним, идионим-экзоэтноним, идионим-эндоэтноним, внутри которой конкретные употребления вторичных этнонимов описываются как stance-конфигурации, что позволяет визуализировать динамику вторичных этнонимов: <ксено/идио × экзо/эндо> × <affect, alignment, investment> = динамика. На основе формализации метода дискурс-исторического подхода (R. Wodak) демонстрируется детализация данной формулы: то, как через микролингвистические приёмы реализуются

макростратегии конструирования, поддержания, трансформации и частичной демифологизации образов «своих» и «чужих». Авторская позиция (*stance*) рассматривается как первичный фактор (причина) динамики, перемещение в матрице – как вторичный фактор (следствие), а дискурсивные стратегии – как ее наглядная реализация.

Новизна исследования заключается в том, что динамика вторичных этнонимов понимается в настоящем исследовании как эмпирически фиксируемый паттерн изменений в функционировании лексемы, проявляющийся в перемещении между клетками функционально-генетической матрицы <ксено/идио × экзо/эндо> в диахроническом или синхронно-вариативном срезе. Условием этих трансформаций служит смена конфигурации авторской позиции (*stancetaking*) – перераспределение параметров *affect*, *alignment*, *investment* по отношению к обозначаемой группе. Индикатором динамики является само перемещение лексемы из одной клетки матрицы в другую. Таким образом, динамика не противопоставляется смене авторской позиции, а выводится из нее как объективированный результат, доступный для фиксации и верификации. Матричный способ организации траектории изменения вторичных этнонимов и дискурсивно-исторический подход делают наблюдаемыми трансформации в конструировании границы «свои / чужие» и показывает, как французский дискурс балансирует между языковой фиксацией республиканского универсализма и культурного плюрализма.

Ключевые слова: вторичные этнонимы, Франция, ксеноним-идионим, экзоэтноним-эндоэтноним, авторская позиция, свои/чужие.

DYNAMICS OF SECONDARY ETHNONYMS IN FRENCH DISCOURSE

LUPINA ANNA EVGENIEVNA,

PhD in Philology, Lecturer at the Military University,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The monograph is devoted to the analysis of the dynamics of secondary ethnonyms in French discourse, functioning as sensitive indicators of the "us vs. them" opposition, using the cases of Kanak/Canaque, Caldoche, and Beur/Rebeu. The focus is on the variability of the authorial/speaker stance (*stancetaking*) toward the naming of groups united by formal citizenship of the French Republic, yet differing in their historical and institutional contexts of identification within a unified state space. This specification is fundamentally important, since the analyzed cases represent various ethnolinguocultural and discursive contexts (in

particular, regional and autochthonous), which determines the specificity of their functioning.

Stance is conceptualized as a configuration of three parameters – affect, alignment, and investment – in relation to the designated group and to the dominant ideological frameworks of the French republican model and postcolonial diversity. The theoretical foundation of the study is the concept of stancetaking as developed by S. Kiesling and subsequent scholars, considered in conjunction with the discourse-historical approach of R. Wodak and others. The study proposes a matrix-based method for describing secondary ethnonyms as lexical signs, grounded in the intersection of the interlinguacultural opposition "xenonym vs. idionym" (following V. V. Kabakchi) and the onomastic opposition "exoethnonym vs. endoethnonym." This yields a four-part matrix with the poles: xenonym–exoethnonym, xenonym–endoethnonym, idionym–exoethnonym, and idionym–endoethnonym. Within this matrix, specific uses of secondary ethnonyms are described as stance configurations, enabling the visualization of their dynamics: $\langle \text{xeno/idio} \times \text{exo/endo} \rangle \times \langle \text{affect, alignment, investment} \rangle = \text{dynamics}$. Building on a formalization of the discourse-historical method (R. Wodak), the study further specifies this formula by demonstrating how micro-linguistic devices realize macro-strategies of constructing, maintaining, transforming, and partially demythologizing the images of "us" and "them." Authorial stance is treated as the primary factor (cause) of dynamics, while movement within the matrix constitutes the secondary factor (effect), and discursive strategies serve as its tangible realization.

The novelty of the research lies in the fact that the dynamics of secondary ethnonyms is understood in this study as an empirically observable pattern of changes in the functioning of a lexeme, manifested in its movement between cells of the functional-genetic matrix $\langle \text{xeno/idio} \times \text{exo/endo} \rangle$ in a diachronic or synchronically-variative dimension. The condition for these transformations is the shift in the configuration of authorial stance (stancetaking) – the redistribution of the parameters affect, alignment, and investment with respect to the designated group. The indicator of dynamics is the very movement of the lexeme from one cell of the matrix to another. Thus, dynamics is not opposed to the shift in authorial stance but is derived from it as an objectified result, accessible for observation and verification. The matrix-based organization of the trajectory of secondary ethnonym change, combined with the discourse-historical approach, renders observable the transformations in the construction of the "us vs. them" boundary and demonstrates how French discourse oscillates between the linguistic fixation of republican universalism and cultural pluralism.

Keywords: secondary ethnonyms, France, xenonym–idionym, exoethnonym–endoethnonym, stance, us/them.

Введение

Во Франции действует республиканская модель правления, исходно ориентированная на единую и неделимую гражданскую нацию и потому критически относящаяся к политике «мультикультурализма» как к потенциальной угрозе общественному единству [Мультикультурализм ... [https](#)]. Однако, фактическое культурное разнообразие признается, что подтверждается законами и международными обязательствами, рассматривающими культуру как важный аспект общественного и экономического развития, а также гарантирующими равный доступ граждан к культурным благам [Culture [https](#); Politique [http](#)]. А. Турэн [Tourain, 1992] говорит о «*pluralisme culturel*»/культурном плюрализме в контексте постмодерна и акцентирует множественность культурных ориентиров в рамках одной социальной системы. П. Бурдьё [Bourdieu, 1979] показывает стратифицированный, но многомерный культурный ландшафт, который не сводится к однородной национальной культуре. Ученый обсуждает культурный плюрализм через категорию *habitus*. Таким образом, французские мыслители (А. Турэн, П. Бурдьё, Ф. Дюбуа и др.) описывают современное французское общество через категории культурного плюрализма и множественности, что фактически сближает их подход с концептом мультикультурности, хотя и в республиканской интерпретации. В отечественной гуманитаристике [Загряжина 2021] и др.) эта ситуация описывается как проблема множественности в языке и культуре и как специфический «лингвистический узел» дискурса современности, когда единая политическая рамка сосуществует с разнообразием символических и языковых практик. В этом контексте особый интерес представляют вторичные этнонимы, через которые символически оформляются внутренние границы «своих» и «чужих» внутри единой гражданской общности, выступая чувствительными индикаторами конфликта между универсализмом и культурным плюрализмом.

Настоящее исследование ограничено территорией Французской Республики (включая заморские сообщества) и анализирует языковые практики её граждан. Независимые франкофонные государства (Бельгия, Швейцария,

Канада, страны Африки) сознательно оставлены за рамками в силу иных институциональных и исторических условий. Данное ограничение позволяет сохранить фокус на специфике французской республиканской модели универсализма, с тем чтобы в перспективе иметь возможность сравнительных исследований с другими франкофонными контекстами.

В работе утверждается, что оппозиция «ксеноним ↔ идионим», разработанная В.В. Кабакчи [Кабакчи 2012] для языка межкультурного общения, может быть продуктивно применена и к национальному языку интеркультурного государства. Основание для этого – сама логика оппозиции, построенная на различении «своей» и «чужой» культуры, которая не зависит от количества государственных границ и работает везде, где разные культурные миры вступают в контакт в рамках одного языкового кода. Тем самым мы не игнорируем франкофонию за пределами Франции, а сознательно сужаем объект до французского административного национального пространства, чтобы затем, в перспективе, иметь возможность сравнивать полученные результаты с данными по другим франкофонным регионам. В центре внимания оказывается вопрос о том, как внутри французского языка разные группы граждан Франции конструируют образы «своих» и «чужих» посредством вторичных этнонимов-культуронимов.

Аналогичное расширение оппозиции ксеноним/идионим от *lingua franca* к национальному языку уже предпринимается в работах Кабакчи, Прокшина [Кабакчи, Прошина 2021], О.В. Орловой и Ван Ю. [Ван, Орлова 2022; Орлова, Ван 2020] и А.А. Матвеевой [Матвеева, 2023]. Настоящее исследование продолжает эту линию, но переносит её на материал языка французского национального государства. Такое ограничение – стандартная практика в дискурс-анализе идентичности. Например, классическая работа Р. Водак и соавторов «The Discursive Construction of National Identity» [Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K., 2009] анализирует австрийскую идентичность, не охватывая всех носителей немецкого языка. Таким образом, исследование фокусируется на том, как вторичные этнонимы функционируют в связке «язык – речь – дискурс», выступая как обусловленное строем языка и реализуемое в конкретных речевых и дискурсивных практиках взаимодействие

разноуровневых элементов языковой системы с социокультурной средой [Бондарко, 2001: 10; Хабаров, 2022; Горбунов 2013]. Данные лексические знаки рассматриваются не как наименования уже заданных, субстанциализированных «групп», а как инструмент описания этнолингвокультурных сообществ [Лупина, 2026], как ресурс, посредством которого в конкретных коммуникативных ситуациях задаются, актуализируются и оспариваются границы «своих» и «чужих», то есть реализуются процессы идентификации и различные степени переживаемой групповой общности (в терминах Р. Brubaker – groupness [Брубейкер, 2012]).

В работе постулируется матричный способ организации вторичных этнонимов, как лексического знака. Для этого рассматривается схема соединения двух оппозиций, задающих статусы лексем: «экзоэтноним ↔ эндоэтноним» и «ксеноним ↔ идионим». Их пересечение позволяет схематически отразить «узлы» изменений и опорные точки динамики – те позиции, в которых вторичный этноним функционирует то как название, данное извне для «чужого» культурного мира, то как присвоенное самоназвание, встроенное в «свой» мир.

Формализация матричного соотношения понятий эндоэтноним/экзоэтноним и ксеноним/идионим осуществляется в рамках теории авторской позиции/позиции говорящего (stance/stancetaking), понимаемой как конфигурация оценки, выравнивания и вовлечённости по отношению к обозначаемому сообществу и доминирующим идеологическим рамкам [Kiesling et al, 2018; Du Bois, 2007; Ushchyna <https://doi.org/10.1017/S0022268920000000>; Тихонова, Косычева 2025]. В дальнейшем реализуется именно такая методика для качественного анализа трёх кейсов – Beur/Rebeu, Canaque/Kanak, Caldoche – с опорой на дискурс-исторические стратегии Р. Водак (номинация, предикация, аргументация, перспективация, интенсификация/смягчение).

Актуальность данного исследования обусловлена тремя факторами:

1. Социальным запросом – во французском обществе (и шире – в Европе) нарастает напряжение между республиканским универсализмом и реальным культурным плюрализмом, но лингвистических инструментов для анализа этого напряжения недостаточно.

2. Дисциплинарной лакуной – вторичные этнонимы изучаются либо как лексикографический элемент, либо как социологический индикатор, но отсутствует системный дискурс-аналитический подход, который связывал бы их вариативность с изменением стратегий конструирования идентичности и границы «свои» / «чужие».

3. Методологическим потенциалом – предлагаемый инструментарий (вторичный этноним как эвристический ресурс, матрица «ксеноним / идионим × экзоэтноним / эндоэтноним» и авторская позиция как конфигурация оценочно-отношенческих параметров) может быть экстраполирован на другие интеркультурные общества, открывая новое исследовательское направление в динамической этнолингвистике и критическом дискурс-анализе.

Следовательно, намечается исследовательская **проблема**: каким образом вторичные этнонимы маркируют границу «свой / чужой» и изменения в стратегиях позиционирования этнолингвокультурных сообществ во французском дискурсе.

Объектом настоящего исследования являются вторичные этнонимы, функционирующие во французском дискурсе и обозначающие граждан Французской Республики (метрополия и заморские территории).

Предметом исследования являются вариативное позиционирование и динамика вторичных этнонимов в матрице «ксеноним-идионим» и «экзоэтноним-эндоэтноним», а также связанные с этим изменения авторской позиции по отношению к обозначаемым группам.

Цель – выявить и описать механизмы вариативного функционирования и динамики вторичных этнонимов во французском дискурсе через призму позиционирования, основанной на оппозициях «ксеноним-идионим» и «экзоэтноним-эндоэтноним» и дискурс-исторических стратегиях конструирования «своих» и «чужих».

Задачи

1. Визуализировать матричные отношения между понятиями «экзоэтноним / эндоэтноним» и «ксеноним / идионим» применительно к французским вторичным этнонимам.

2. Показать, как авторская позиция (оценка, выравнивание, вовлечённость) коррелирует с матрицей <ксено/идио × экзо/эндо> посредством дискурс-исторических стратегий во французской коммуникации на примере функционирования вторичных этнонимов.

3. Построить типологию осей трансформаций вторичных этнонимов во французском дискурсе.

4. Уточнить понятие «динамика вторичных этнонимов» как эмпирически фиксируемый паттерн изменений в их функционировании, проявляющийся в перемещении между клетками функционально-генетической матрицы <ксено/идио × экзо/эндо>. Одним из ключевых аспектов этой динамики выступает асинхрония между лексической натурализацией этнонима в французском языке и социокультурной интеграцией обозначаемого сообщества в национальное пространство.

В работе используются общенаучные **методы** (наблюдение, описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный) и специальные методы дискурс-анализа в русле дискурс-исторического подхода: анализ стратегий номинации, предикации, перспективации, аргументации и интенсификации/смягчения, позволяющих восстановить траекторию трансформации оппозиции «свой / чужой» в употреблении вторичных этнонимов посредством теоретической рамки теории авторской позиции. Матричный способ визуализации знаний о функционировании вторичных этнонимов опирается на развиваемую в современной лингвистике традицию когнитивно-матрического и дискурсивно-матричного моделирования, где матрица понимается как формализованное пространство пересечения релевантных параметров описания (тип именования, интерлингвокультурный статус, авторская позиция и др.), позволяющее эксплицировать скрытые связи между уровнями языковой системы, дискурсивными стратегиями и социокультурными оппозициями «свои / чужие» в синхронном срезе.

Материалы: художественная и публицистическая литература постколониального периода, пресса, интервью, словари (около 300 текстовых фрагментов периодов Нового и Новейшего времени (до 2022 года)).

Научная новизна:

1. Разработана методика анализа динамики вторичных этнонимов во французском дискурсе.
2. Введено понятие асинхронии как разрыва между лексической натурализацией этнонима во французском языке и социокультурной интеграцией обозначаемым сообществом в национальное пространство.
3. Предложена типология осей дискурсивных трансформаций вторичных этнонимов.

Теоретический вклад монографии заключается в разработке визуализации траектории динамики вторичных этнонимов во французском дискурсе, демонстрации асинхронности между языковой натурализацией и социокультурной интеграцией обозначаемых групп в рамках дискурс-исторического подхода и типологизации пространственно-исторических осей трансформаций данного класса лексики.

Практический вклад монографии состоит в создании типологического инструментария анализа вторичных этнонимов как маркеров авторской позиции, применимого в лингвистической экспертизе, образовательной практике (курсы по социолингвистике, этнолингвистике и межкультурной коммуникации), а также при разработке рекомендаций по недискриминационному и рефлексивному употреблению этнонимов в дискурсе.

1. Вторичные этнонимы французского языка с точки зрения матричного подхода.

Эпоха глобализации, европеизации породила универсальное явление – язык межкультурного общения (ЯМО). Являясь универсальным явлением, в качестве ЯМО может быть исследован любой язык. [Кабакчи, 2012]

В настоящей работе в фокусе исследования находится французский язык межкультурного общения (ФЯМО). Принцип функционального дуализма языка состоит в том, что язык обращен и к внешним, и к внутренним культурам: «в зависимости от коммуникативной ситуации язык переключается с мира внутренней культуры на зарубежный мир внешних культур» [Кабакчи, Прошина

2012: 168]. Следовательно, национальный язык помимо своей прототипической модели имеет еще и варианты. Например, французский язык в центре государства отличается от его северного, южного и заморских вариантов. Данная ситуация способствует тому, что наименования элементов культуры – культуронимы [Кабакчи 1998, Кабакчи, Белоглазова 2012] обладают разной степенью освоенности у носителей национальной культуры. Этот факт относится и к именованию населения Французской Республики. С позиции закона, все, официально проживающие на этой территории называются французами (Français). Однако, семантический анализ номинаций французов показывает их достаточное многообразие. Например, выделяются Gaulois, Souchien, Céfran, которые объединены архисемой Français de souche, Beur, Rebeu – Français immigré (et leurs descendants) en France métropolitaine, Créole (aux Antilles, oc. Indien), Béké, Pied-noir, Caldoche – Français émigré (et leurs descendants) de la France métropolitaine, Kanak/Canaque – peuple premier sous tutelle républicaine française [Словари на Академикe <https>]. С точки зрения лингвистики, данные именования являются вторичными этнонимами, неофициальными названиями граждан Франции. Каждый лексический знак в своей основе содержит этнолингвокультурный маркер [Лупина, 2026], говорящий прежде всего о культурном разнообразии страны.

Существование вторичных этнонимов-культуронимов подчеркивают наличие границ «свой / чужой» между различными сообществами внутри единого государства, что «становится важным способом организации социального мира, при этом необходимо отметить, что зачастую в зависимости от контекста символические границы могут быть размытыми» [Фомина, 2025].

В качестве исходной точки настоящего исследования выступает интерлингвокультурологическая модель В.В. Кабакчи, в рамках которой понятия ксенонима и идионима вводятся для описания языка международного общения (английского, французского и др.) как языка-посредника между культурами. В этой модели идионим обозначает элемент «своей» культуры для носителя языка-посредника (например, *parliament* как специфику английской политической системы), тогда как ксеноним служит наименованием элемента

внешней, «чужой» культуры теми же языковыми средствами (например, *Duma*, *tsar* для описания русской культуры в английском дискурсе). Перспектива «свое / чужое» здесь задаётся не принадлежностью говорящего к определённому сообществу, а принадлежностью обозначаемого объекта действительности к внутренней либо внешней по отношению к языку-посреднику лингвокультуре. Важной особенностью этой модели является то, что статус ксенонима и идионима мыслится как фиксированное свойство лексемы в рамках данного языка: идионим и ксеноним описывают устойчивую межъязыковую корреляцию «свой элемент / его чужой аналог», при том что долгосрочные исторические процессы могут приводить к частичной ассимиляции ксенонима и его постепенному «переходу» в разряд идионимов.

В настоящем исследовании мы осуществляем следующее развитие идей В.В. Кабакчи в русле динамического аспекта контактной вариантологии, где фиксируется размывание границы между «внутренней» и «внешней» культурой, а именно на примере функционирования ксенонимов и идионимов: «Для британцев американское слово *cowboy*, австралийское *kangaroo* не являются элементами их культуры и, соответственно, не могут считаться идионимами, в то время как для англоязычных американцев и англоязычных австралийцев это, конечно, элементы их родной (внутренней) культуры» [Кабакчи, Прошина 2021]. В исследовании А.А. Матвеевой на материале пары «казак – *Cossack*» эта оппозиция явно связывается с эмоционально-оценочной энантиосемией и «свой / чужой», однако ксеноним и идионим по-прежнему жёстко распределены между двумя языками, что не позволяет увидеть внутриязыковое переключение статусов [Матвеева, 2023]. Работы О.В. Орловой и Ван Ю. по анализу ксенонимов-интерпретативов в дискурсе русскоязычной диаспоры Китая демонстрируют высокий потенциал дискурсивной динамики: ксенонимы описываются как единицы, подверженные семантическим, стилистическим и оценочным трансформациям при адаптации в новом коммуникационном пространстве [Ван, Орлова, 2022; Орлова, Ван, 2020]. Однако, в перечисленных работах отсутствует системный анализ вариативности позиции одной и той же лексемы в пределах единого

национального языка, в зависимости от вектора именования и историко-дискурсивного контекста. Настоящее исследование развивает дискурсивную линию, заданную этими работами, но переносит её в плоскость внутрифранцузского дискурса и показывает, что вторичные этнонимы могут функционировать как ксенонимы и как идионимы в зависимости от вектора именования и дискурсивных стратегий.

Предлагаемое в настоящем исследовании уточнение переносит оппозицию «ксеноним ↔ идионим» из пространства языка-посредника внутрь одного национального языка, французского, и связывает её не с межъязыковой корреляцией, а с дискурсивными стратегиями и вектором именования. В этой перспективе идионим трактуется как этноним, используемый самой группой для самоназвания, то есть реализующий ингрупповую позицию говорящего, тогда как ксеноним – как этноним, функционирующий в аутгрупповой перспективе, когда именование осуществляется внешней по отношению к группе инстанцией. Соответственно, ось «свой / чужой» определяется уже не принадлежностью объекта к внутренней или внешней культуре языка-посредника, а коммуникативной позицией говорящего внутри одного и того же языкового сообщества. Это позволяет рассматривать один и тот же вторичный этноним как потенциально двупозиционную единицу: например, лексема *beug* может функционировать как идионим в дискурсе самоназвания магрибинской молодёжи и как ксеноним в французском медиадискурсе, где она используется внешними по отношению к этой группе актёрами. То же касается пары *Kanak / Canaque* и других этнонимов, где значение «свой / чужой» и оценочная перспектива зависят от того, кто говорит, о ком говорит и в каком историко-дискурсивном контексте осуществляется номинация.

На этом фоне становится важным развести интерлингвокультурологическую оппозицию «ксеноним ↔ идионим» с ономастической парой «экзоэтноним ↔ эндоэтноним». В ономастике и лингвистической географии экзоним и эндоним используются для описания различий между внутренними и внешними наименованиями народов и территорий в разных языках: эндоэтноним фиксирует самоназвание на родном

языке общности, тогда как экзоэтноним – иноязычное название того же референта (например, Deutschland – эндоэтноним, Germany / Allemagne – экзоэтнонимы). Таким образом, для характеристики динамики вторичного этнонима важно формализовать эти две оппозиции.

В качестве формализации предлагается матричный способ презентации динамики вторичных этнонимов. Важными характеристиками матрицы являются её многомерность, способность моделировать закономерности и обеспечивать комплексную типологизацию динамики именования [Кукса, 2022].

В настоящем исследовании предлагается функционально-генетическая матрица анализа динамики вторичных этнонимов, как формализованное многомерное пространство, описывающее статус данных лексических знаков по двум ключевым осям (источник именования: эндо/экзо; культурная принадлежность знака: идио/ксено) и позволяющее фиксировать как актуальную функцию лексемы в дискурсе, так и её динамическую траекторию перемещений между клетками матрицы в диахроническом и синхронно-вариативном срезе. Данное определение опирается на традицию матричных моделей в гуманитарных исследованиях (когнитивно-матричное и дискурсивно-матричное моделирование) [Багиян <https://>; Колмогорова, 2013; Серова <https://>]. Термин «функционально-генетический» фиксирует два измерения: 1. функциональное: статус лексемы в дискурсе, её роль в маркировании «своё/чужое», экзо/эндо и ксено/идио; 2. генетическое (диахронно-дискурсивное): траектория изменений статуса и оценочности во времени и в разных конфигурациях авторской позиции.

Оппозиции ксеноним-идионим и экзоэтноним-эндоэтноним этимологически основаны на их префиксах. С точки зрения логики, заданные антонимы, хотя и акцентируют противопоставление по содержанию (пространственное положение первых и культурную дистанцию вторых), являются различного рода: контрадикторные, отношения противоречия (экзо-этно/вне, снаружи, их мир-внутри, наш мир) и контрарные, отношение противоположности (ксено-идио/чужой, иноязычный, инокультурное-свой, собственный, наше восприятие) [Словари на академике <https://>]. Если

контрарность предполагает наличие третьего (белый-черный предполагает еще и другие цвета: серый, красный и т.д.), то контрадикторность это отвергает, предполагая взаимоисключение (все – не все) [Голота <https>]. Следовательно, вторичный этноним, как потенциально сочетающий в себе эти два понятия, описывает объект действительности по отношению к сообществу-референту (самоназвание / внешнее именование) и по отношению к культурному миру говорящего (свое / чужое слово в рамках французского языка). В итоге, обе пары можно отнести к отношению «свое/чужое» (внутреннее/внешнее и наше/иное).

Например, в колониальном французском дискурсе лексема *Sapaque* функционировала как экзоэтноним: обозначение автохтонного населения Новой Каледонии, введенное и закреплённое представителями метрополии. На уровне французской языковой системы *Sapaque* быстро стала идионимом: формально натурализированным словом с устойчивой орфографией и словарной фиксацией. Однако для самих канаков это было чужое имя, то есть ксеноним в интеркультурном смысле – знак внешнего, колониального взгляда на «них». Постколониальный период связан с постепенным утверждением формы *Kanak* как эндоэтнонима: самоназвания, используемого самой группой и институционализированного в официальных документах (Нумейское соглашение и др.). Для канакской языковой личности *Kanak* приобретает идионимический статус – слово «своего» культурного мира, тогда как *Sapaque* закрепляется как отторгаемый ксеноним и стигматизирующий экзоэтноним. Для француза с метрополии, напротив, обе формы (*Sapaque* и *Kanak*) обозначают внешний по отношению к нему постколониальный мир и в этом интеркультурном смысле остаются ксенонимами, хотя формально являются идионимами французского языка. Такая смена статуса вторичных этнонимов *Sapaque/Kanak* произошла под влиянием экстралингвистических факторов в постколониальном дискурсе и зависит от позиции говорящего.

Как следствие происходит контрадикторная и контрарная трансформации в дискурсе при помощи ресурсов языка – лексических единиц. Каждый вторичный этноним можно формализовать в виде матрицы: разложить одну

лексическую единицу сразу по двум независимым параметрам в соответствии с историческим периодом и позицией говорящего (см. табл. 1):

Таблица 1. Функционально-генетическая матрица анализа динамики вторичных этнонимов

	Идио (свой культурный знак)	Ксено (чужой культурный знак)
Эндо (изнутри)	Эндо-идио: самоназвание сообщества для внутреннего употребления и свой культурный знак (идеальный «свой/мы»)	Эндо-ксено: самоназвание, но относимое к чужой культуре (теоретически возможно при миграции, диаспоре и пр.) Самоназвание сообщества (эндо-), но используемое внешним наблюдателем для обозначения чужого/экзотического в рамках единого государства.
Экзо (извне)	Экзо-идио: внешнее название, которое стало «своим» словом данной языковой системы. Название, данное группой большинства для себя (как норма), или название, которое меньшинство присваивает извне, делая "своим".	Экзо-ксено: внешнее название и чужой знак (идеальный «чужой/они») Чужое название для чужой группы (максимальная дистанция).

В частности, визуализация для *Sanaque/Kanak* на момент исследования (см. табл. 1.1):

Таблица 1.1. Функционально-генетическая матрица анализа динамики *Sanaque/Kanak*

	ИДИО (свой культурный знак)	КСЕНО (чужой культурный знак)
ЭНДО (самоназвание)	ЭНДО-ИДИО: <i>Kanak</i> для канакской языковой личности в постколониальный период (самоназвание и «свой» культурный знак) <i>Канак</i> в речи коренных жителей Новой Каледонии.	ЭНДО-КСЕНО: <i>Sanaque</i> / <i>Канак</i> для француза метрополии (внешнее именование, но формально «свое» слово французского языка) <i>Канак</i> (самоназвание) в устах метропольного француза-обывателя из Парижа.
ЭКЗО (название извне)	ЭКЗО-ИДИО: <i>Sanaque</i> (искаженное) в речи французских администраторов-патерналистов XIX–XX вв.	ЭКЗО-КСЕНО: <i>Sanaque</i> для канакской языковой личности (навязанное извне, стигматизирующее имя «чужого») <i>Sanaque</i> (прежний колониальный ярлык) в современной карикатуре или ультраправом дискурсе.

Дискурс как процесс использует языковые ресурсы для активного конструирования границ: говорящий в конкретной ситуации решает, кого включить в «мы», а кого исключить в «они», наделяя эти группы определенными характеристиками и тем самым влияя на восприятие аудитории [Molodychenko <https>]. Таким образом, оппозиции эндо-экзо и ксено-идио – это прагматико-дискурсивный процесс, а не фиксированные свойства слов. Для его анализа важно изучать не просто местоимения или отдельные слова в языке, а то, как говорящие используют эти и другие средства для проведения динамических границ, включения и исключения в конкретном коммуникативном событии, следуя логике Р. Брубейкера об идентификации как процессе, а не состоянии [Брубейкер, 2012]. Использование оппозиций «экзо–эндо» и «ксено–идио» позволяет задать двумерную матрицу этнонимического статуса, в которой каждая лексема (Сапаке, Канак) получает координаты по двум осям – источник именования (извне/изнутри) и культурная принадлежность знака (свой/чужой). В этой матрице описанные ранее контрадикторные и контрарные трансформации описываются как перераспределение форм Сапаке и Канак между клетками «экзо-ксено», «экзо-идио» и «эндо-идио» в зависимости от позиции говорящего (канак vs француз метрополии) и в постколониальном дискурсе.

2. Трансформации вторичных этнонимов в интеркультурных взаимодействиях французского общества: ксеноним-идионим

Современная социально-политическая реальность Французской Республики в научной литературе всё чаще описывается как мультикультурное общество: подчеркивается устойчивое сосуществование различных этнических, религиозных и культурных групп в рамках единого политического корпуса граждан [Leuva, 2015]. На институциональном уровне это отражается в государственной культурной политике и международных обязательствах Франции, где культура рассматривается как ключевой ресурс общественного и экономического развития, а также гарантируется равный доступ населения к культурным практикам и наследию на всей территории страны. Исходя из этого,

Французскую Республику можно обоснованно характеризовать как сообщество, в котором универсальная гражданская идентичность Français сосуществует с частными этнокультурными идентичностями, институционально признанными через политику культурного многообразия, но не всегда явно артикулируемыми в конституционном языке. На уровне повседневной коммуникации и дискурса это означает не просто сосуществование различных культурных групп, но их постоянное интеркультурное взаимодействие – в контактах, конфликтах, переговорах о значениях и символах. Именно в пространстве этих интеркультурных взаимодействий формируются и трансформируются вторичные этнонимы французского языка (Beur, Rebeu, Kanak, Caldoche и др.), которые фиксируют переход от внешнего названия «чужого» (ксенонима) к самоназванию «своего» (идиониму), отражая динамику конструирования идентичности во Французской Республике. Тем самым складывается устойчивое напряжение между универсалистской доктриной и языковой фиксацией плюрализма.

Вторичные этнонимы – «стилистически маркированные названия этнических групп, содержащие образно-экспрессивную характеристику данного этноса, а также оценочное отношение именующего субъекта» [Оладышкина, 2016: с. 54; Богомякова, 2005]. В отличие от официальных этнонимов-политонимов (Français, Canadien, Arabe), которые отсылают к взаимодействию с государством и поддерживают государственный контроль над наименованиями в публичной сфере, анализируемые лексемы поддерживают локальные идентичности, зависящие от общего опыта, знаний и фреймов референции [Dickinson, 2007: 118]. Иными словами, вторичный этноним как лексический знак семиотически содержит одновременно следующие компоненты: денотативный (этническая принадлежность), образно-экспрессивный (метафорический перенос, языковая игра) и оценочный (установка «свой/чужой», солидарность или стигматизация).

В настоящем исследовании это определение расширяется: вторичный этноним трактуется как лексический знак, маркирующий не только этническую принадлежность, но и этнолингвокультурную общность, конфигурируемую в

дискурсе. Данные лексические знаки фиксируют исторический опыт межгрупповых отношений и служат маркерами смены дискурсивных стратегий – от стигматизации к присвоению или к трансформациям другого типа. Например, *Sanaque* (Kanak) аккумулирует историю колонизации и деколонизации Новой Каледонии; *Caldoché* – напряженность между канакскими и европейцами; *Beur* – воплощает опыт постколониальной иммиграции из стран Магриба, формирование «второго поколения» в поиске гибридной идентичности на пересечении арабских корней и французской социализации. Данные лексические знаки показывают, что культуронимический статус актуализируется именно на пересечении культур, например, во Франции – колониальной и постколониальной, иммигрантской и республиканской, локальной и глобальной, центра и периферии. Таким образом, вторичные этнонимы выступают не просто как номинативные единицы, но как дискурсивные маркеры, репрезентирующие историческую динамику межгрупповых отношений и идентификационных стратегий в интерлингвокультурном взаимодействии. «we also know that nationalist attitudes and stereotypes articulated in discourses accompany and also influence political decision-making, and we notice today with anxiety a growing number of nationalist acts of discrimination in many European states» [Wodak et al 2009: <http://>]/мы также знаем, что национальные установки и стереотипы, артикулируемые в дискурсах, сопровождают и в то же время влияют на процессы политического принятия решений, и что сегодня мы наблюдаем рост обеспокоенности по поводу все большего числа таких актов дискриминации во многих европейских государствах. Этот факт учеными подчеркивается на макроуровне, а в данной работе он анализируется на микролингвистическом уровне – через функционирование вторичных этнонимов и их динамику в матрице ксено/идио × экзо/эндо.

Вторичные этнонимы функционируют как культуронимы именно в интерлингвокультурном контексте, где пересечение различных традиций, исторического опыта (например, колонизации, иммиграции), а также идентификационные процессы создают условия для того, чтобы эти номинации

выходили за рамки простого обозначения группы. В таких условиях они начинают аккумулировать итоги межгрупповых отношений и служить маркерами смены дискурсивных стратегий, направленных на конструирование национальных различий (диссимиляции) или внутринациональной однородности (ассимиляции), то есть колебаться между языковой фиксацией плюрализма и республиканского универсализма во французском дискурсе [Лупина, 2026 (2)]. Как следствие, возникает необходимость в этнолингвокультурном комментарий для иллюстрации бинарной дихотомии свои/чужие в контексте современных процессов глобальной интеграции и национальной дезинтеграции. Вторичные этнонимы *Canaque (Kanak)*, *Caldoche*, *Beur* не только обозначают национальную, этническую или социальную принадлежность, но и выражают определённый культурный и идентификационный контекст, связанный с историей, миграцией и политикой современного государства в рамках французской республиканской модели [Преображеская, 2020; Kanak, Caldoches et Zoreill [http](http://)].

Этнонимические оппозиции «эндоэтноним ↔ экзоэтноним» и «идионим ↔ ксеноним» описывают системные и когнитивные характеристики лексемы: чьим именем она является (самоназванием или внешней категоризацией) и к какому культурному миру отнесена (к «своему» или «чужому» для данной группы говорящих). В данной работе предлагается динамику смены статусов вторичного этнонима визуализировать сменой заполнения клеток одной и той же лексемой при смене позиции говорящего и дискурсивной эпохи, а матрицу рассматривать как стабильную структуру в четыре клетки. Для анализа того, как эти статусы реализуются в конкретных высказываниях, привлекается понятие *stance*/позиции говорящего, разработанное J.W. Du Bois [Du Bois, 2007]. Даная модель была значительно модифицирована в работах С. Кислинга и соавторов [Kiesling et al., 2018], который смещает акцент с статического результата на сам процесс *stancetaking*, то есть на последовательность локальных актов позиционирования в дискурсе. В таком понимании *stance* выступает не столько фиксированной категорией, сколько динамической конфигурацией оценивания, само-позиционирования и

(не)выравнивания с другими участниками, которая заново конструируется в каждом речевом ходе.

В рамках настоящего исследования stance рассматривается как прагматический уровень, на котором «разыгрываются» этнонимические статусы, заданные матрицей эндо/экзо и идио/ксено: переход лексемы из одной клетки матрицы в другую проявляется как последовательность stance-ходов, в которых говорящий по-новому распределяет роли «мы/они», «свой/чужой». Таким образом, стабильная четырёхклеточная матрица задаёт инвариант возможных статусов вторичного этнонима, а динамика stance-практик показывает, как в конкретных высказываниях эти статусы оспариваются, переопределяются и закрепляются в постколониальном дискурсе вокруг форм вторичных этнонимов, обозначающих одно и то же сообщество.

В таком понимании ксеноним и идионим, а также экзоэтноним и эндоэтноним перестают быть исключительно системными характеристиками культуронимов языка-посредника и оказываются операциональными категориями для анализа французского дискурса, в котором вторичные этнонимы функционируют как подвижные маркеры этнокультурной идентификации. Опираясь на дискурсивно-исторический подход Р. Водак, можно дополнительно описывать эти маркеры через стратегии поляризации «мы/они» и конструирования «Self/Other» (негативизация «чужих» и позитивизация «своих»), реализуемые посредством комплекса лингвистических приёмов, служащих конструированию национальной и этнической идентичности в рамках противостояния республиканского универсализма и фактического культурного плюрализма. К таким приёмам относятся: (1) стратегии номинации (nomination) – выбор и фиксация этнонимов, их вариантов и функциональных эквивалентов; (2) стратегии предикации (predication) – наделение этнонимических референтов оценочными атрибуциями и стереотипными характеристиками; (3) стратегии аргументации (argumentation) – обоснование или проблематизация притязаний на истину и нормативную правоту через типовые топосы и, при необходимости, выявление софистических, манипулятивных ходов; (4)

стратегии перспективации (perspectivization) – эксплицитное или имплицитное обозначение позиции говорящего и степени его вовлечённости либо дистанцирования; (5) стратегии интенсификации/нейтрализации (intensification/mitigation) – лексико-грамматические и дискурсивные маркеры усиления либо смягчения оценочной модальности высказывания [моя статья Ксеноним Идионимы].

В интерпретации S. Kiesling триединая конфигурация stance, предложенная J.W. Du Bois, предстает как динамический набор параметров, описывающих то, как говорящий в конкретном высказывании оценивает референта, выстраивает солидарность/дистанцию и распределяет символический ресурс идентичности, что может быть при необходимости дополнено более формализованным описанием (affect (A), alignment/solidarity (Al), investment (I) и др.), то есть как операционализируемая модель stance-taking. Тем самым мы сохраняем терминологическую преемственность с интерлингвокультурологией и ономастикой, но наполняем её новым содержанием, адекватным задачам дискурс-анализа динамики идентичностей и позволяющим связать матрицу «эндо/экзо × идио/ксено» с дискурсивными стратегиями поляризации «мы/они» в соответствии с методикой Р. Водак и с локальными stance-практиками говорящих, реализуя классическое триединство «язык – речь – дискурс».

Именно в терминах stance интерпретируются итоговые конфигурации, возникающие на пересечении матрицы «эндо/экзо × идио/ксено» и дискурсивных стратегий по Р. Водак. Иными словами, матрица фиксирует потенциальные статусы вторичных этнонимов в языковой системе, стратегии Водак описывают используемые говорящими лингвистические приёмы конструирования оппозиции «свои/чужие», а stance служит результирующей аналитической рамкой, в которой суммарно задаётся, какую позицию по отношению к референту, к другим участникам и к собственному высказыванию занимает говорящий в конкретном фрагменте дискурса. Методику анализа динамики вторичного этнонима можно кратко записать следующим образом: лексема → матрица статуса → конкретное употребление + стратегии Р. Водак

→ позиция говорящего = <A, AI, I> → динамика stancetaking во времени и по дискурсам.

Лексема *Sapaque* (канаки) изначально использовалась для обозначения данных автохтонов (коренных жителей нескольких островов Океании (Новая Каледония, Новая Зеландия)) в колониальном контексте, но сегодня трансформировалась в символ национально культурной идентичности и политической борьбы за автономию и признание в Новой Каледонии (*Kanak*) и была ими присвоена как маркер положительной самоидентификации в оппозиции исконные сообщества/мигранты (пришлые) [*Identités culturelles et sentiment d'appartenance en Nouvelle-Calédonie* [http: 11](http://11)]. Такая амбивалентность исчерпывающе объясняется в рамках дискурс исторического подхода и идеологического квадрата Т. ван Дейка, где позитивная самопрезентация и негативная презентация «других» реализуются через конкурирующие режимы номинации и предикации. Реализация стратегии номинации заключается в выборе между колониальным словом *Sapaque* и постколониальным *Kanak*: первое маркирует внешнюю категоризацию, второе – присвоение права на самоназвание. Сознательная орфографическая замена «с» → «к» материально фиксирует переход от номинации извне с пейоративным оттенком для чужой культуры (ксеноним), к дискурсу, присваивающему право на самоназвание для «своих» (идионим), но адаптированный во французском языке от полинезийского *kanaka* «свободный человек» путем транскрибирования – *Kanak* [Словари... [http](http://)] Стратегия перспективации фиксирует сдвиг точки зрения: если в колониальном дискурсе говорящий – представитель Метрополии, то в современном канакском дискурсе – сама группа. Однако, не меняется референциальный статус с ксенонима на идионим, сохраняя уничижительные стереотипы в неофициальной речи, если говорящий – не канак: «Is this how you see us after 30 years? Common growers of yams and manioc, incapable of thinking for ourselves, generally incapable?» [*Anti-independence cartoon accused of 'profound racism'* [http/](http://) Значит, вот так вы нас видите спустя 30 лет? Обычными фермерами, выращивающими ямс и маниоку, неспособными мыслить самостоятельно, вообще ни на что не способными?

Caldoche очерчивает специфическую регионально-культурную общность потомков европейских переселенцев в Новой Каледонии, формирующую собственный массив практик, диалекта и повседневного образа жизни, что подчёркивает интеркультурный характер французской реальности за пределами Метрополии [Kanak et Caldoches [http](#)]. Это слово разговорного стиля, обозначающее: о белых, осевших в Новой Каледонии. (Кальдош – неологизм, созданный канакскими детьми ~1960-х гг. (вероятно, на острове Лифу), для насмешки над потомками европейских колонистов Новой Каледонии: от «Calédonie» + пейоративный суффикс «-oche». Большинство кальдошей имеют более смуглую кожу «белые из глубинки (деревни, дословно: из кустарников (broussard))», то есть похожи на метисов. Кроме того, некоторые из них сильно подвержены лингвистическому влиянию меланезийских языков в лексике и синтаксисе.

Необходимо отметить, что термин «кальдош» не принят всеми европейцами-каледонцами. Многие называют себя просто «каледонцами» и считают «кальдош» пейоративным (аналогично тому, как Zoreilles/зорей (от слова «ухо» в креольском) – пейоративное обозначение французов с Метрополии в заморских владениях Франции), реализуя стратегию предикации: «le Caldoche ... c'est le paysan ... c'est pas pareil que les Calédoniens» [Identités culturelles et sentiment d'appartenance en Nouvelle-Calédonie [https](#)] / Кальдош, это крестьянин, он отличается от каледонца; «the Caldoche vocabulary differs from that of la Métropole» [Corporeal Archipelagos [https](#)]/лексика кальдошей отличается от французов с Метрополией.

Некоторые кальдоши подчеркивая разницу между молодым и пожилым поколением, утверждают, что это название им дали французы с Метрополией (метрополитены), которые приехали добывать никель на остров [Identités culturelles et sentiment d'appartenance en Nouvelle-Calédonie [https](#)]. Таким образом, это наименование пришло извне, реализуя бинарную оппозицию метрополитен/кальдош, канак/кальдош, то есть – ксеноним, распространяясь на поколенную – молодежь/пожилые. Стратегия перспективации остаётся двойственной: для канаків Caldoche – маркер «чужого» (колониальное

прошлом), для части самих калдошей – отвергаемый ксеноним, тогда как для других – частично присвоенный идионим. В целом, такая дилемма связана с тем, что люди хотят забыть события колониального прошлого, реализуя стратегию трансформации: «Caldoche hier peut-être pendant les Événement, mais assurément Calédonien aujourd'hui» [Identités culturelles et sentiment d'appartenance en Nouvelle-Calédonie [http: 27](http://27)]/кальдош – возможно, в прошлом, во времена Событий, но сегодня – несомненно каледонец. Стратегия перспективации остаётся двойственной: для канаков Caldoche – маркер «чужого» (колониальное прошлое), для части самих калдошей – отвергаемый ксеноним, тогда как для других – присвоенный идионим.

Beur акцентирует этническое происхождение при освоении французского языка, маркирует социокультурную общность второго поколения иммигрантов из стран Магриба (Алжира, Марокко, Туниса), рождённых и выросших во Франции, имеющую собственную идентичность, отличную как от культуры родителей, так и от традиционной французской [La langue française... [https](https://)]: 1. молодой магрибинец, родившийся во Франции от родителей-иммигрантов (североафриканского происхождения), французского гражданства и живущий в континентальной части Франции. Человек североафриканского происхождения, в частности из стран Магриба (включающей в основном Марокко, Алжир и Тунис); 2. араб, на искаженном верлане (французском сленге, основанном на обратном порядке слогов в словах). Араб (второе поколение эмигрантов из Северной Африки).

Стратегия номинации на первом этапе (иммиграционный дискурс) представлена экзонимом *Arabe*, который фиксирует внешнюю категоризацию. Стратегия перспективации активируется на постиммиграционном этапе: второе поколение переопределяет точку зрения, создавая *Beur* (верлан от *arabe*) как идионим, маркирующий «своих» в контексте французских пригородов. Стратегия предикации в цитате «Je ne serai jamais la petite Beur qui passe à la télé pour dire combien elle est assimilée, intégrée, rangée» [Словари [http](http://)]/ Я никогда не буду той магрибочкой, которая выходит на телевидение, чтобы сказать, какая она ассимилированная, интегрированная и опрятная – показывает, что даже внутри группы *Beur* может сочетаться с предикатами

ассимиляции и опрятности, вызывая отторжение – говорящая отказывается от стереотипной позиции «хорошего интегрированного иммигранта».

Являясь продуктом верлана («перевернутого» сленга) от слова *arabe*, *Beur* прошёл путь от уличного арготизма до самоназвания, символизирующего гибридную культурную принадлежность, молодёжную городскую субкультуру пригородов (*banlieue*) и особый социолект, смешивающий французский с арабскими заимствованиями. *Beur* подчёркивает интеркультурный и постиммиграционный характер современной французской реальности в континентальной Франции. На данный момент эта лексема является ксенонимом для французского языка межкультурного общения, с пейоративной окраской в некоторых контекстах, реализуя бинарную оппозицию коренной француз/француз второго поколения иммигрантов. Этот факт позволяет говорить о «разбитой/*brisée* или изгнанной/*chassé* идентичности, оказавшейся «на стыке двух миров, ... между Востоком и Западом, ... оба они для них – и свои, и чужие» [Прожегина, 2017: 4, Bouraoui, 1999; Bouraoui, 2000]. Как следствие, молодое поколение в повседневной речи чаще использует *Rebeu/ребё*, верлан второго порядка, что говорит о живой, неинституциональной динамике внутри группы: «On peut se traiter de rebeus entre amis, quand on fait partie du groupe. Mais quand ça vient de l'extérieur, ça peut être stimagisant, perçu comme une insulte» [le Parisien [http/](http://) Можно друг друга называть ребё только внутри североафриканского сообщества, но если термин звучит в другой категории граждан, то он может быть воспринят как оскорбление. Стратегия интенсификации/нейтрализации отчётливо видна в этом фрагменте: при ингрупповом употреблении (*entre amis*) термин *rebeu* нейтрализуется, становясь идионимом; при аутгрупповом употреблении (*quand ça vient de l'extérieur*) происходит интенсификация негативной оценки – термин воспринимается как оскорбление. Стратегия перспективации здесь критически важна: один и тот же языковой знак меняет статус с идионима на ксеноним исключительно в зависимости от позиции говорящего. Согласно этимологии этого слова, оно должно обозначать исключительно людей арабского происхождения; однако в действительности оно охватывает всех жителей Северной Африки, включая берберов. Тем не менее, подавляющее большинство берберов во

Франции отвергают это обозначение, которое наделяет их арабской идентичностью, с которой они себя не отождествляют: «Арабы – дикие люди, – говорит 26-летний бербер, сын выходцев из Алжира. – Я ненавижу, когда меня называют арабом. Люди должны понимать, что мы не арабы, у нас нет ничего общего» [Деминцева, 2008]. Стратегия предикации в этой цитате («Арабы – дикие люди») закрепляет за арабской идентичностью резко негативные коннотации с точки зрения бербера, который отказывается от навязанной номинации. Стратегия перспективации здесь демонстрирует внутренний раскол внутри магрибского сообщества: для арабов *Beur* может быть идионимом, для берберов – ксенонимом, навязывающим чужую идентичность. Второе противоречие кроется в определении «иммигрант второго поколения», так как, если человек родился в стране, он сам им не является. Как следствие, это показывает, что Французская Республика оттесняет их на периферию, но видит в них своих граждан. Фактически, *Beur* это ксеноним для принимающей французской культуры, но идионим для арабов. Это показывает, что путь от ксенонима к идиониму не всегда является линейным и окончательным – термин может оставаться полем борьбы за идентичность.

Суммируем результаты на основе параметров *stancetaking* для всех трех кейсов, обозначив динамику:

1. Намечающаяся динамика позиции говорящего (*P(U)*) для пары *Canaque/Kanak*:

1.1. От доминирующего профиля *P(U)* для *Canaque*: <A: --, AI: +метрополия, I: med-high>

1.2. К новому доминирующему профилю *P(U)* для *Kanak* в автохтонном дискурсе: <A: +, AI: +ингруппа, I: high>

1.3. Параллельно сосуществуют промежуточные *P(U)* (*Kanak* в устах *majority* с остаточной стигмой).

Итог: динамика вторичного этнонима = переход от устойчивой колониальной конфигурации авторских позиций к конфликтному сосуществованию контрастных позиций внутри одной матрицы, а не плавная «смена значения».

2. Намечающаяся динамика P(U) для Caldoche:

2.1. Исходно: P(U₄) = <A: –, Al: +канак, I: med> (чужой ярлык).

2.2. Далее: P(U₅) = <A: – по отношению к ярлыку, Al: +Calédonien, I: med–high> (отвержение).

2.3. Параллельно: P(U₆) = <A: ±/+, Al: +локальная общность, I: med> (частичное присвоение).

Итог: Caldoche остаётся полем борьбы авторских позиций между статусом ксенонима-идионима, экзоэтнонима-эндоэтнонима а не плавно движется по одной траектории.

3. Намечающаяся динамика P(U) для Beur/Rebeu

3.1. От Arabe_majority: стабильная ксено/экзо конфигурация.

3.2. К появлению Beur_ingroupe: сильный идионим/эндо статус с высокой вовлечённостью и конфронтацией с majority.

3.3. Параллельное существование Beur_majority и Rebeu_outgroup возвращает к ксено/экзо статусу.

3.4. Rebeu_ingroupe добавляет ещё одну идионим/эндо точку.

Итого: динамика = расхождение и множественное разветвление позиций говорящего по матрице, а не линейный «переход от ксенонима к идиониму».

Одни и те же лексемы задействуются в разных конфигурациях <A, Al, I> в зависимости от коммуникативной роли говорящего (ингруппа / аутгруппа / большинство (majority)), референта (какая именно группа обозначается) и того, какие дискурс-исторические стратегии используются в конкретном фрагменте: через выбор номинации задаётся базовый статус и аффект; через предикацию – оценочная нагрузка; через перспективацию – выравнивание с тем или иным коллективным «мы»; через интенсификацию или смягчение – степень вовлечённости и силы утверждения. В результате вместо единой траектории «от ксенонима к идиониму» и «экзоэтнонима к эндоэтнониму» возникает спектр устойчивых, но конкурирующих комбинаций этих параметров, которые распределяются по клеткам матрицы и задают сложную картину позиционирования, зависящую от дискурса и исторического периода.

3. Типология динамики вторичных этнонимов: дискурсивные конфигурации на пересечении оппозиций «ксеноним ↔ идионим» и «экзоэтноним ↔ эндоэтноним»

Вторичные этнонимы-культуронимы предстают в многослойной системе номинаций, где они дифференцируются то, как идионимы / ксенонимы, эндоэтнонимы/экзоэтнонимы в зависимости от того, какую авторскую позицию занимает говорящий по отношению к обозначаемому сообществу. Эта зависимость формализуется через функционально-генетическую матрицу <ксено/идио × экзо/эндо>, в которой статус этнонима задаётся по двум осям, а динамика проявляется как перемещение лексемы между клетками. Например, канакские вторичные этнонимы в Новой Каледонии. *Canaque* на протяжении более ста лет существовало во французском дискурсе как ксеноним с колониальным оттенком и пейоративными коннотациями; позднее в институциональном порядке (период Нумейского соглашения) была закреплена форма *Kanak* как символ автохтонной идентичности. При этом лексическая натурализация *Kanak* фиксирует смену доминирующей оценки и частичное выравнивание с автохтонной позицией, но не означает автоматического совпадения всех авторских позиций: социокультурное присвоение термина внутри сообщества остаётся неоднородным и неполным.

В случае *Caldoche* наблюдается обратная конфигурация: постколониальная рефлексия и движение за независимость создают условия для положительной переоценки локальной общности, однако эти сдвиги выравнивания и вовлечённости не приводят к полной лексической натурализации термина в нейтральном или позитивном ключе. Значительная часть носителей отвергает *Caldoche* как самоназвание, тогда как для других оно становится ироничным идионимом. И в канакском, и в калдошском кейсе становится очевидно, что натурализация лексической единицы и изменение конфигураций <оценка, выравнивание, вовлечённость> не совпадают по темпу и направлению.

Таким образом, при анализе вторичных этнонимов мы фиксируем асинхронность языковых и социальных процессов, проявляющуюся на уровне

стэнса: лексическая натурализация слова (его свободное употребление без перевода и комментариев) не гарантирует социокультурной интеграции группы и устойчиво позитивной авторской позиции по отношению к ней, и наоборот. Ксенонимы, первоначально маркирующие «чужих», могут быть интегрированы в идиоматикон принимающей культуры через изменения оценочного профиля и выравнивания (переход к нейтральным/положительным конфигурациям stance); однако ксеноним становится идионимом лишь тогда, когда соответствующая номинация перестаёт восприниматься как «чужая» и входит в активный словарный запас без маркеров дистанции и без доминирования негативных или иронически снижающих позиций.

Смена дискурсивных стратегий в рамках аксиологической оппозиции «свой/чужой» и сопряжённых параметров стэнса может быть описана через ряд типологических осей, каждая из которых маркируется трансформацией этнонима/культуронима и сопровождается перераспределением типичных конфигураций <оценка, выравнивание, вовлечённость>. Визуализируемые ниже дихотомии позволяют операционализировать переходы ксеноним ↔ идионим как многомерный, а не линейный процесс, в котором статус лексемы и доминирующие авторские позиции по отношению к ней меняются не одновременно и не всегда в одном направлении.

Предлагаемая типология объединяет четыре аналитические оси, различающиеся по своей природе: две из них заданы исторической динамикой (колониальная / постколониальная, иммиграционная / постиммиграционная), две – пространственной структурой (центр / периферия, локальное / глобальное). Гетерогенность этих осей принципиальна для стэнс-анализа. Исторические оси фиксируют преимущественно линейные переходы от одного дискурсивного режима к другому (например, от колониального названия к постколониальному присвоению), что сопровождается устойчивым сдвигом alignment (от метрополии к автохтонной группе) и постепенным изменением аффективного профиля. Пространственные оси, напротив, описывают синхронные отношения между уровнями иерархии (центр vs. периферия) или масштабами идентичности (локальное vs. глобальное), позволяя различать

одновременное сосуществование разных авторских позиций к одному и тому же этнониму в зависимости от того, из какой точки говорит субъект. Например, для Kanak доминирует колониально-постколониальная ось (смена исторического режима и долгосрочный сдвиг alignment), тогда как для Gaulois, Céfran ключевую роль играет ось центр / периферия (разные конфигурации стэнса в метропольном и периферийном дискурсах при одном и том же историческом времени). Это авто- и метастереотипные обозначения «коренных» французов, функционирующие как вторичные этнонимы для центра и являющиеся эндоэтнонимами в рамках majority-дискурса, но часто используемые периферией и критическими голосами как ксено- или иронические экзоэтнонимы. Таким образом, статус вторичного этнонима (ксеноним / идионим) понимается не как имманентное свойство лексемы, а как результат конкретной конфигурации временного (исторический контекст) и пространственного (позиция говорящего относительно центра / периферии, локального / глобального) измерений, задающих типичные профили <оценка, выравнивание, вовлечённость> для данного имени.

Колониальная-постколониальная ось (см табл. 2): ключевым механизмом является присвоение номинации группой, ранее являвшейся объектом внешнего именования, то есть переход от экзоэтнонима к эндоэтнониму, сопровождающийся сменой ксенонимического статуса на идионимический, что сопровождается сдвигом выравнивания (от метрополии к автохтонной группе) и изменением оценочного профиля.

Таблица 2. Колониальная-постколониальная ось

Параметр	<u>Колониальный дискурс</u>	<u>Постколониальный дискурс</u>
Кто именует	Колонизатор / Метрополия	Сама группа
Эндо/экзо статус	Экзоэтноним	Эндоэтноним
Идио/ксено статус	Чужая (ксеноним)	Своя (идионим)
Пример	<i>Canaque</i> (пейоративный ксеноним-экзоэтноним)	<i>Kanak</i> (нейтрализованный/ / аффирмативный идионим-эндоэтноним)

В колониальном дискурсе право именования принадлежит колонизатору / Метрополии; этноним выступает как ксеноним-экзоэтноним,

репрезентирующий «чужую» культуру и сопровождаемый отрицательным аффектом (Canaque). В постколониальном дискурсе номинативная инициатива переходит к самой группе; переоформленная лексема (Kanak) институционализируется как эндоэтноним и символ собственной идентичности, что приближает её к идиониму и меняет типичные конфигурации <оценка, выравнивание, вовлечённость>. Однако даже институциональная натурализация не гарантирует полного завершения присвоения: в разных типах дискурса сосуществуют конкурирующие авторские позиции и остаточные ксено-экзо употребления.

Колониально–постколониальная ось – наиболее наглядный, но не единственный сценарий трансформации ксенонима-экзоэтнонима в идионим-эндоэтноним.

Иммиграционная-постиммиграционная ось (см. табл. 3): ключевой механизм – сдвиг от внешней категоризации к внутренней идентичности, то есть от ксено-экзо к идио-эндо при сохранении возможных ксено-экзо употреблений во внешнем дискурсе, что напрямую отражается на параметрах авторской позиции. На иммиграционном этапе доминируют конфигурации с нейтрально-/негативной оценкой (affect) при выравнивании (alignment) с принимающим majority и относительно низкой вовлечённостью (investment), когда *Arabe* функционирует как внешний ксеноним-экзоэтноним.

Таблица 3. Иммиграционная-постиммиграционная ось

Параметр	<u>Иммиграционный дискурс</u>	<u>Постиммиграционный дискурс</u>
Кто именуется	Принимающее общество (французы метрополии)	Сама группа (дети иммигрантов, молодёжь пригородов)
Эндо/экзо статус	Экзоэтноним	Эндоэтноним (внутри группы)
Идио/ксено статус	Чужая (иммигрант = иностранец)	Своя (французский гражданин магрибского происхождения)
Пример	<i>Arabe</i> (формально нейтральный ксеноним-экзоэтноним)	<i>Beur</i> (самоназвание) → <i>Rebeu</i> (новое самоназвание)

В иммиграционном дискурсе доминирует точка зрения принимающего общества; номинация *Arabe* выполняет функцию ксенонима-экзоэтнонима,

фиксируя позицию «чужого» и задаёт рамку этнической дифференциации. В постиммиграционном дискурсе второе поколение иммигрантов переопределяет исходный этноним, создавая новые самообозначения (Beur, затем Rebeu), которые внутри группы функционируют как идионимы-эндоэтнонимы и сопровождаются иными профилями <оценка, выравнивание, вовлечённость>. При этом для внешних говорящих те же формы могут оставаться ксенонимами-экзоэтнонимами, вплоть до открытой стигматизации. Ось показывает, что даже после появления идионима-эндоэтнонима возможен дальнейший пересмотр изнутри (Beur → Rebeu), то есть динамика авторских позиций не заканчивается на одном «успешном» переходе.

Иммиграционно-постиммиграционная ось демонстрирует, что даже уже присвоенный идионим со временем может утратить свою нейтральность внутри группы и быть заменён новым самообозначением. Это означает, что изменяется не только форма этнонима, но и конфигурации авторских позиций (оценка, выравнивание, вовлечённость), что подчёркивает по-настоящему динамический характер внутригрупповых трансформаций.

Центральная-периферийная ось (см. табл. 4): ключевой механизм – маркирование центра (нормы, власти) и периферии (подчинения), а также перераспределение прав на именование: периферия производит свои ксено- или идионимы для обозначения представителей центра и других периферийных групп.

Таблица 4. Центральная-периферийная ось

Параметр	<u>Центральный дискурс</u>	<u>Периферийный дискурс</u>
Откуда номинация	Метрополия / Париж	Заморские территории / пригороды
Эндо/экзо статус	Эндоэтнонимы и автостереотипные вторичные этнонимы для центра; периферия часто невидима	Вторичные этнонимы как экзоэтнонимы для центра и соседних групп
Идио/ксено статус	Центр (истинно французская)	Периферия (подчинённое, но активно позиционирующее себя пространство)
Примеры	Gaulois, Céfran (эндоэтнонимы в majority-дискурсе, ксено-экзоэтнонимы в периферийных контекстах)	Caldoche (ксеноним, частично идионим внутри периферии)

В центральном дискурсе (Метрополия, «официальная» Франция) закрепляются номинации, соответствующие республиканской универсалистской модели, где этнические и региональные различия минимизируются, а эндоэтноним «французы» подаётся как универсальный. Периферийные контексты (заморские территории, пригороды) вырабатывают собственные вторичные этнонимы, функционирующие как экзоэтнонимы для представителей центра и соседних групп (Zoreilles, Caldoche), часто с ксенонимическим оттенком, но потенциально подлежащие внутреннему присвоению как локальные идионимы. Эта ось демонстрирует, что периферия не пассивно принимает центральные наименования, а активно конструирует «чужих» и «своих», создавая конкурирующие конфигурации <оценка, выравнивание, вовлечённость> по отношению к тем же объектам.

В результате центральная–периферийная ось позволяет описывать не только распределение именований, но и конкуренцию позиций говорящего: один и тот же этноним по-разному оценивается, соотносится с разными коллективными “мы” и сопровождается различной степенью вовлечённости говорящего. Тем самым периферийные вторичные этнонимы становятся инструментом переразметки границы центр / периферия и важным ресурсом позиционирования в рамках французского межкультурного пространства.

Локальная-глобальная ось (см. табл. 5): ключевой механизм – масштабирование идентичности от региональной специфики к национально-глобальным категориям и связанная с этим смена эндо/экзо статусов при переходе между уровнями, что приводит к диверсификации и расхождению позиций говорящего.

На локальном уровне вторичные этнонимы (Kanak, Caldoche, Beur и др.) маркируют тонко дифференцированные региональные, островные или пригородные идентичности и выступают как эндоэтнонимы и идионимы для своих носителей, одновременно функционируя как экзоэтнонимы и ксенонимы по отношению к соседним группам. На глобальном уровне доминирует республиканский дискурс национального единства с этнонимами типа Français, Tricolore, где локальные различия сглаживаются; в этой рамке те же локальные

этнонимы маргинализируются, не входят в официальный репертуар или считаются как ксено-экзо обозначения «особых» групп. В результате одна и та же номинация может быть идионимом-эндоэтнонимом на локальном уровне и ксенонимом-экзоэтнонимом в общенациональном или международном дискурсе, а конфигурации <оценка, выравнивание, вовлечённость> радикально расходятся между локальными и глобальными контекстами, что делает локально-глобальную ось ключевой для описания многоуровневого позиционирования во французском межкультурном пространстве.

Таблица 5. Локальная-глобальная ось

Параметр	<u>Локальный дискурс</u>	<u>Глобальный дискурс</u>
Какая идентичность маркируется	Региональная, островная, пригородная	Национальная (французская), иногда европейская
Эндо/экзо статус	Эндоэтнонимы и идионимы локальных групп; их экзоэтнонимы для соседей	Эндоэтноним «французы»; локальные этнонимы как ксено-экзо или вообще невидимы
Идио/ксено статус	Своя в узком смысле (канаки, кальдоши, бёры)	Своя в широком смысле (французы)
Примеры	Капак (канакская идентичность vs. французская, локальный идионим-эндоэтноним)	Tricolore (стирание локальных различий (в СМИ))

Локально-глобальная ось показывает, что статус вторичного этнонима и связанные с ним авторские позиции принципиально зависят от масштаба дискурса: переход от локального к общенациональному уровню меняет не только его ксено-/идио- и экзо-/эндо-характеристики, но и способ включения или исключения обозначаемых групп из воображаемого сообщества «французов»

Французская республиканская модель, не признающая этнических категорий в дискурсе, создаёт напряжение между локальными самоназваниями и глобальной нормой: одна и та же номинация может быть идионимом на локальном уровне и ксенонимом – на глобальном (общенациональном или международном).

Предложенная типология дихотомий позволяет, во-первых, описывать динамику переходов ксеноним ↔ идионим и экзоэтноним ↔ эндоэтноним как многомерный феномен, в рамках которого различные оси активируются

относительно независимо и с разной интенсивностью. Во-вторых, она делает объяснимой асинхронность между лексической натурализацией единицы и социокультурной интеграцией обозначаемой группы, когда закрепление этнонима в языке не сопровождается его принятием в качестве позитивного самоназвания и эндоэтнонима (как в случае *Caldoche*) или, напротив, внутренняя идентификация не ведёт к нейтрализации термина и его восприятию как нейтрального экзоэтнонима во внешнем дискурсе. В-третьих, типология задаёт основу для сопоставительного анализа кейсов, в которых одна и та же ось выступает доминантной (для *Kanak* – колониальная, для *Beur* – иммиграционная), а остальные работают как вспомогательные координаты. В-четвёртых, она органично встраивается в рамку дискурс-исторического подхода, позволяя связать стратегии номинации, предикации и перспективации с аксиологической оппозицией «свой / чужой» и концепцией культуронимов / ксенонимов – идионимов, эндо- и экзоэтнонимов в едином аналитическом инструментарии исследования вторичных этнонимов во французском интерлингвокультурном взаимодействии.

В итоге оказывается, что один и тот же вторичный этноним во французском языке межкультурного общения может функционировать как ксеноним или как идионим, как экзоэтноним или как эндоэтноним в зависимости от идеологической позиции говорящего (универсализм / плюрализм) и его места на описанных осях. Тем самым вторичные этнонимы образуют поле борьбы за идентичность, что согласуется с логикой дискурс-исторического подхода и идеологического квадрата Т. ван Дейка. Выявляется также, что процессы лексической натурализации этнонима и социокультурной интеграции обозначаемой группы протекают асинхронно: закрепление единицы в языке не гарантирует её принятия в качестве позитивного эндоэтнонима, и, наоборот, внутренняя идентификация может не сопровождаться нейтрализацией термина в статусе внешнего экзоэтнонима. Таким образом, предложенная типология дихотомий выступает рабочим аналитическим инструментарием для описания статусной и стэнс-динамики вторичных этнонимов в интерлингвокультурном взаимодействии.

Заключение

Французский контекст сегодня задаёт мощный внеакадемический запрос на осмысление кризиса универсалистской республиканской модели: при официальном отрицании этнических категорий язык повседневного и медиадискурса продолжает настойчиво воспроизводить оппозицию «свои / чужие». Вторичные этнонимы становятся ключевыми узлами этого противоречия, фиксируя и артикулируя те различия внутри гражданского «мы», которые формально не признаются государственной идеологией, и тем самым предлагая лингвистический инструмент для анализа политических и социальных конфликтов вокруг идентичности.

В работе реализована матричная модель анализа вторичных этнонимов на пересечении оппозиций «ксеноним ↔ идионим» и «экзоэтноним ↔ эндоэтноним», дополненная стэнс-анализом (affect, alignment, investment) в рамках дискурс-исторического подхода. Введённое понятие дискурсивной позиции вторичного этнонима показывает, что его статус (ксеноним / идионим, экзоэтноним / эндоэтноним) зависит от исторического контекста, масштаба дискурса и позиции говорящего, а не от имманентных свойств лексемы. Предложенная типология осей динамики (колониальная / постколониальная, иммиграционная / постиммиграционная, центр / периферия, локальное / глобальное) позволяет описывать переходы между этими статусами как многомерный паттерн перемещений в функционально-генетической матрице, а не как линейную «смену значения».

На основе трёх кейсов (Canaque/Kanak, Caldoche, Beur/Rebeu) показано, что процессы лексической натурализации этнонима и социокультурной интеграции обозначаемой группы протекают асинхронно: закрепление единицы в языке не гарантирует её принятия в качестве позитивного эндоэтнонима, и, наоборот, внутренняя идентификация может не сопровождаться нейтрализацией термина во внешнем экзоэтнонимическом употреблении. Динамика вторичных этнонимов описана как наблюдаемый и визуализируемый паттерн изменений stance-конфигураций <affect, alignment, investment> во времени и по дискурсам, что позволяет чётко фиксировать, каким образом

через микролингвистические средства реализуются макростратегии конструирования, поддержания и трансформации границы «свои / чужие».

Эмпирическая база исследования ограничена около 300 фрагментами (художественная и публицистическая литература, пресса, интервью, словари) и не включает цифровые коммуникации; полученные выводы требуют количественной верификации и расширения корпуса, в том числе за счёт диахронически размеченных данных из сетевого дискурса. Это открывает перспективу дальнейших исследований, связанных с автоматизированным stancetaking-анализом и статистическим моделированием траекторий перемещения этнонимов в матрице <ксено/идио × экзо/эндо>.

Предложенная модель обладает переносимостью на другие европейские контексты (например, Германия: Kanake, Alman; Великобритания: Paki vs. Brit-Asian; Россия: чурка, хачик), где вторичные этнонимы также функционируют как подвижные маркеры этнокультурной идентификации и поля борьбы за идеологическое переопределение «своих» и «чужих». Это делает результаты работы релевантными для социологии, политологии и антропологии, обсуждающих кризис интеграционных моделей, а также для лингвистической экспертизы и практик недискриминационного употребления этнонимов в дискурсе.

Список использованной литературы

1. Багиян А. Ю. Лингвистическое моделирование профессиональной идентичности: системный анализ когнитивно-дискурсивной матрицы https://ncfu.ru/upload/medialibrary/519/1g1usztgdgasva7b2p2w1w01u4wgl6rcp/Avto_referat-_Bagiyan-A.YU._.pdf
2. Богомякова, Е.В. (2005). Этнонимы современного немецкого
3. Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функционально-семантических категорий // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М. : Изд-во Рос. нового ун-та. 2001 – С. 4–13.;
4. Брубейкер Р. Этничность без групп. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
5. Ван Ю., Орлова О.В. Ксенонимы лаовай и лаобайсин как лингвокультурные маркеры дискурса русскоязычной диаспоры Китая. Язык и культура, 2022, №59.
6. Голота Я.Я. Два типа противоположностей https://lib.uni-dubna.ru/search/files/stat_sbornik_docladow/volume_1/session_4/4_7.htm

7. Горбунов А.Г. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма : учебное пособие / сост. А.Г. Горбунов. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 56 с.
8. Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2008. <https://rabkor.ru/culture/books/2009/03/03/review-book-1963/>
9. Загрязкина Т.Ю. Проблема множественности в языке и культуре, или «лингвистический узел» дискурса современности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-mnozhestvennosti-v-yazyke-i-kulture-ili-lingvisticheskiy-uzel-diskursa-sovremennosti> (дата обращения: 28.03.2026)
10. Кабакчи В. В. Введение в интерлингвокультурологию [Текст] : учебное пособие / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов", Каф. теории яз. и переводоведения. - Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та экономики и финансов, 2012. - 252 с. : ил., табл.; 21 см.; ISBN 978-5-7310-2836-3
11. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 232 с. ISBN 5-80М-0047-6
12. Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. - 2021. - Т. 25. - №1. - С. 165-193. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
13. Колмогорова А. В. Социокогнитивная матрица как модель описания когнитивных процессов в коммуникации / А. В. Колмогорова // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 14. – С. 696-701. – EDN PZRKJD.
14. Кукса И. Ю. МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ДИНАМИКИ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЯЗЫКОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/matrichnyy-podhod-kak-sposob-vyrazheniya-dinamiki-nauchnyh-predstavleniy-o-yazykovoy-modalnosti> (дата обращения: 27.06.2026).
15. Лупина А. Е. Вторичный этноним как инструмент анализа этнолингвокультурного сообщества (на примере французского *Beur*): перспективы исследования // Современное педагогическое образование. 2026. №4.
16. Лупина А.Е. Ксенонимы и идионимы как маркеры смены дискурсивных стратегий (на материале французских вторичных этнонимов (Военно-гуманитарный альманах. Серия "Лингвистика". Выпуск № 11. Том

2/Материалы XX Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации "Язык. Коммуникация. Перевод". Москва Военный университет. 26 июня 2026 г. / под ред. Н.В. Иванова. - М.: Военный университет Минобороны России, 2026 г. - 508 с. - С. 124-132)

17. Матвеева А.А. Семантико-функциональная параметризация идионимическо-ксенонимической пары «казак – Cossack» (на материале лексикографических источников и масс-медийного дискурса Великобритании и России) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. №11.

18. Мультикультурализм против универсализма: раскол в редакциях левых газет (Marianne, Франция) <https://inosmi.ru/20210304/249257804.html>

19. Оладышкина, А.А. (2016). Этнонимы в австрийском варианте немецкого языка. Филология: научные исследования, №3, с. 52–57. DOI: 10.7256/2454-0749.2017.3.23904

20. Орлова О.В., Ван Ю. Ксеноним-интерпретатив мафань в сетевом дискурсе русскоязычной диаспоры Китая. Вестник ТГПУ, 2020, Вып. 5 (211).

21. Преображеская А.А. Французская модель интеграции иммигрантов перед вызовами современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2020. - Т. 22. - №3. - С. 487-505. doi: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-487-505;

22. Прожогина С. В. Уроки встречи с «Чужим»: франко-магрибинское сопричастие // Историческая психология и социология истории. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroki-vstrechi-s-chuzhim-franko-magribinskoe-soprisutstvie> (дата обращения: 06.04.2026)

23. Серова И. Г. Когнитивная матрица для описания гендера <https://www.academia.edu/11709644/>

24. Словари на Академике <https://dic.academic.ru/>

25. Тихонова Е. В., Косычева М. А. Выражение авторской позиции в тексте научной статьи: риторические механизмы // Health, Food & Biotechnology. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-avtorskoy-pozitsii-v-tekste-nauchnoy-stati-ritoricheskie-mehanizmy> (дата обращения: 21.06.2026)

26. Фомина, Т. А. Номинативное варьирование узуальных дисфемизмов на оси «СВОЙ - ЧУЖОЙ» / Т. А. Фомина, Т. В. Алиева, А. Б. Корницкая // Филологические науки в МГИМО. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 70-81. – DOI 10.24833/2410-2423-2025-2-43-70-81. – EDN CCMXRD

27. Хабаров А. А. Делимитация понятий «речь», «дискурс» и «текст» в свете современных лингвистических концепций // Litera. 2022. №1.

29. Anti-independence cartoon accused of 'profound racism' against indigenous New Caledonians in court action <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/09/anti-independence-ads-accused-of-profound-racism-against-indigenous-new-caledonians-in-court-action>

30. Bouraoui, N. 1999. Le jour du séisme. Paris: Stock.
31. Bouraoui, N. 2000. Garçon manqué. Paris: Stock
32. Bourdieu P. La Distinction: Critique sociale du jugement. Paris: Ed. de Minuit, 1979.
33. Corporeal Archipelagos https://www.google.ru/books/edition/Corporeal_Archipelagos/NnhGDwAAQBAJ?hl=en&gbpv=1&dq=Caldoche&pg=PA9&printsec=frontcover
34. Culture – Politiques culturelles des régions : quelles priorités actuelles pour quel avenir ? [Электронный ресурс] / Au service des territoires - Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.caissedesdepotsdesterritoires.fr/cs/ContentServer?pagename=Territoires/LOCActu/ArticleActualite&cid=1250267812587> - Загл. с экрана. – Яз. фр.
35. Dickinson, J.A. (2007). How Do You Write Yourself? How Do You Call Yourself? Official and Unofficial Naming Practices in a Transcarpathian Ukrainian Village. *Anthropological Linguistics*, 49(2), с. 118
36. Du Bois, J. W. (2007). The Stance Triangle. In R. Englebretson (Ed.), *Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction* (pp. 139-182). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. <http://dx.doi.org/10.1075/pbns.164.07du>
37. Identités culturelles et sentiment d'appartenance en Nouvelle-Calédonie https://www.google.ru/books/edition/Identit%C3%A9s_culturelles_et_sentiment_d_ap/my03v2dwvDoC?hl=en&gbpv=1&dq=Caldoche&pg=PA28&printsec=frontcover
38. Kanak, Caldoches et Zoreill... qui sont-ils ? <https://www.trtfrancais.com/article/18163319>
39. Kanaks et Caldoches https://www.axl.cefan.ulaval.ca/pacifique/ncal-kanaks_def.htm
40. Kiesling Scott F., Umashanthi Pavalanathan, Jim Fitzpatrick, Xiaochuang Han, Jacob Eisenstein; Interactional Stancetaking in Online Forums. *Computational Linguistics* 2018; 44 (4): 683–718. doi: https://doi.org/10.1162/coli_a_00334
41. La langue française... <https://www.lalanguefrancaise.com/dictionnaire>
42. le Parisien <https://www.leparisien.fr/societe/le-mot-beur-fete-ses-25-ans-02-09-2010-1051818.php>
43. Leyva K. Multiculturalisme et laïcité en France : les trois républicanismes du rapport Stasi. *Dialogue*. 2015;54(4):647-684. doi:10.1017/S0012217316000020
44. Molodychenko E. N. "Us" vs "Them" in Political Discourse: The Instrumental Function of the "Evil Other" in American Presidential Rhetoric <https://www.scilit.com/publications/e1cdef014c2e2f199a95617b11409e1c>
45. Politique et actions culturelles [Электронный ресурс] / Ministère de la Culture - Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.culturecommunication.gouv.fr/Regions/Drac-Paca/Politique-et-actions-culturelles> - Загл. с экрана. – Яз. фр.

46. Tourain A. Critique de la modernité. – P.: Fayard, 1992. – 463 p.
47. Ushchyna, V. From stance to identity: Stancetaking in contemporary English risk discourse. Cognition, Communication, Discourse. <https://doi.org/10.26565/2218-2926-2020-20-05>
48. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity. 2nd ed. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. https://www.academia.edu/1858705/The_discursive_construction_of_national_identity

© Лупина А.Е., 2026

УДК 811.1

ГЛАВА 9

ЛЕКСИКА И СИНТАКСИС КАК МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: NAMDEUTSCH (НАМИБИЯ) И KIEZDEUTSCH (ГЕРМАНИЯ)

МАСЛЕЧКИНА С.В.

канд. филол. наук, доцент ГГТУ,
г. Орехово-Зуево, РФ

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу лексики и синтаксиса Namdeutsch и Kiezdeutsch не как отклонений от нормы, а как системных средств маркирования идентичности. Объект исследования — лексические заимствования и синтаксические модели в намибийском немецком (Namdeutsch) и городском этнолекте Германии (Kiezdeutsch); предмет — их функции в маркировании региональной и социальной идентичности. Цель исследования — выявить и сопоставить механизмы, посредством которых лексико-синтаксические особенности становятся маркерами идентичности: в Namdeutsch — через номинацию культурно-специфических реалий и адаптацию к контактному языку (африкаанс), в Kiezdeutsch — через коммуникативную экономию и маркировку принадлежности к мультикультурной молодёжной среде.

В качестве методов использованы сравнительно-сопоставительный анализ, социалингвистическое описание и контекстный анализ примеров. Новизна исследования состоит в типологическом сопоставлении двух форм языкового смешения по критерию идентичности: показано, что в Namdeutsch лексико-синтаксические модели закрепляют региональную идентичность, а в Kiezdeutsch — социально-субкультурную.

Практическая значимость результатов связана с их применением в учебных курсах по социалингвистике и в практике преподавания немецкого языка.

Ключевые слова. Namdeutsch, Kiezdeutsch, социалингвистика, языковое смешение, немецкий язык, молодёжный сленг

В последние десятилетия лингвистика всё чаще обращается к контактными вариантам языка как к источнику данных о динамике идентичностей в современном мире. Особый интерес представляют случаи, когда языковые особенности становятся не просто следствием контакта, а инструментом социального позиционирования.

К таким явлениям относятся Namdeutsch — разновидность немецкого в Намибии, и Kiezdeutsch — городской контактный вариант немецкого в Германии. Оба варианта активно обсуждаются в научной литературе, но сравнительному анализу их лексико-синтаксических особенностей, а также роли этих особенностей в конструировании идентичности, посвящено относительно немного работ.

Namdeutsch в Намибии и Kiezdeutsch в Германии представляют собой два ярких примера контактных вариантов немецкого языка, сформировавшихся в разных социокультурных контекстах: первый — в постколониальной многоязычной среде под влиянием английского и африкаанс, второй — в урбанистической мультикультурной среде как результат взаимодействия немецкого с языками мигрантов [7, 635]. Несмотря на различную историю становления, оба варианта демонстрируют схожие механизмы языкового варьирования, где лексика и синтаксис выступают маркерами групповой идентичности носителей.

Сходство Kiezdeutsch и Namdeutsch, по мнению профессора Н. Wiese [6], заключается в том, что и Kiezdeutsch, и Namdeutsch возникли в контексте многоязычности, а также благодаря высокой доле говорящих на этих языках мигрантов, которые активно использовали язык в повседневной жизни. Kiezdeutsch используется молодежью различного происхождения, поэтому его называют мультиэтнолектом и тем самым подчеркивают этническое разнообразие носителей данного молодежного языка. Namdeutsch является интересной противоположностью Kiezdeutsch.

Существуют значительные различия в отношении лингвистических и социальных аспектов. В то время как многонациональные районы, в которых говорят на Kiezdeutsch, как правило, являются социально неблагополучными районами в Германии, даже если это не относится к каждому отдельному говорящему, Namdeutsch характерен для экономически доминирующей группы с соответствующим образованием [7].

Цель настоящей работы — сопоставить лексические и синтаксические черты Namdeutsch и Kiezdeutsch, выявить общие и отличительные стратегии

маркирования идентичности и показать, как эти языковые практики отражают социальные установки и самоопределение их носителей

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении типологии языкового смешения и расширении представлений о вариативности современного немецкого языка. Практическая значимость проявляется в возможности использования полученных результатов в курсах социолингвистики, вариантологии немецкого языка, а также в методике преподавания немецкого как иностранного — в частности, для формирования у обучающихся представления о многообразии форм немецкого языка и навыков межкультурной коммуникации. Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать корпусный анализ динамики изменений в обоих вариантах, а также сопоставительное изучение других форм языкового смешения (например, Denglisch, молодёжный сленг в разных регионах) с опорой на предложенную типологию.

Новизна работы состоит в типологическом сопоставлении двух форм языкового смешения по критерию идентичности: установлено, что Namdeutsch закрепляет региональную идентичность через номинацию и стабилизацию норм, а Kiezdeutsch — социально-субкультурную идентичность через маркировку и коммуникативную экономию. Таким образом, оба варианта представляют собой системные явления, а не хаотичные отклонения от нормы, что требует отказа от оценочных трактовок в пользу функционального и типологического анализа.

Namdeutsch сформировался в условиях длительного языкового контакта немецкого языка с африкаанс, английским и языками банту. Исторически это связано с немецкой колонизацией (1884–1915) и последующим сохранением немецкого как языка части населения [8, 145].

Лексика Namdeutsch выполняет преимущественно номинативную функцию: она называет местные реалии, для которых в стандартном немецком нет точных однословных эквивалентов. Примеры:

- braai («барбекю, жарить на огне») — из африкаанс; несёт культурно-специфический оттенок, обозначая традицию, а не просто действие.

- biltong («вяленое мясо») — также из африкаанс; слово не имеет точного аналога в стандартном немецком.
- borara («идти, бродить неспешно») — заимствование, передающее оттенок, который в стандартном немецком пришлось бы дать описательное объяснение [2].

Грамматика Namdeutsch демонстрирует вариации падежей (особенно датива) и влияние ритмики африкаанс. Фонетически вариант воспринимается как более «ровный» по слогам.

Социолингвистически Namdeutsch функционирует как маркер региональной идентичности и является частью языкового ландшафта Намибии. Его устойчивость объясняется длительной историей и закреплённостью в быту.

В Namdeutsch грамматика меняется под влиянием контактного языка (прежде всего африкаанс) и длительной адаптации к локальному узусу. Изменения здесь не столько «упрощают» язык, сколько создают устойчивые региональные нормы. Например, в Namdeutsch наблюдается ослабление строгого противопоставления датива и аккузатива либо использование конструкций, где падеж выражен менее явно. Это не хаотичное опущение, а устойчивые модели, закрепившиеся в речи носителей. Согласование и порядок слов. Порядок слов в придаточных предложениях может тяготеть к более «нейтральной» или разговорной модели, но без радикального разрушения синтаксиса. Влияние африкаанс проявляется в упрощении некоторых сложных грамматических конструкций, характерных для стандартного немецкого языка.

Система времён в целом сохраняется, но в разговорной практике может наблюдаться тенденция к использованию более простых форм (например, перфекта вместо претерита) как отражение общего разговорного регистра, например: Er hat mir das Buch geben. (вместо стандартного Er gab mir das Buch или Er hat mir das Buch gegeben). Здесь видна тенденция к упрощению перфектной конструкции и ослаблению строгой падежной маркировки. Такие формы функционируют как региональная норма, а не как ошибка [3].

Kiezdeutsch возник в мультикультурных районах крупных городов Германии и распространён среди молодёжи, в том числе детей мигрантов и этнических немцев. Его среда — не территория, а социальная группа и тип коммуникации.

Лексика Kiezdeutsch выполняет маркерную и прагматическую функции: сигнализирует о принадлежности к группе и ускоряет коммуникацию. Примеры:

- lan (из турецкого) — обращение «чувак, приятель», маркер неформального общения.
- wallah (из арабского) — усилитель «честно, клянусь», маркирует мультикультурный характер речи.
- Внутриязыковые сокращения: musstu (вместо musst du), lassma (вместо lass uns mal).

Грамматические тенденции включают эллипсис и редукцию: опущение артиклей и предлогов (Ich war Fußball вместо Ich war beim Fußball), отсутствие глагола sein в значении «быть». Фонетически характерна редукция безударных слогов.

Статус Kiezdeutsch дискуссионен: одни исследователи трактуют его как формирующийся этнолект с системными особенностями, другие — как молодёжный сленг. Однако работы Х. Визе и Д. Мароссек показывают, что изменения не хаотичны, а образуют устойчивые модели.

В Kiezdeutsch грамматические изменения гораздо более заметны и выполняют прагматическую функцию: они ускоряют коммуникацию и маркируют принадлежность к группе. Характерно систематическое опущение артиклей, предлогов и даже глагола sein. Это не случайность, а устойчивая модель, например: Ich war Fußball (вместо Ich war beim Fußball), Gehst du Party? (вместо Gehst du zur Party?) [4].

В устной речи активно используются слитные формы, которые экономят усилия говорящего: musstu (вместо musst du), lassma (вместо lass uns mal), gibma (вместо gib mir mal). Это не «ошибки», а системные сокращения, понятные внутри сообщества.

В сложных предложениях часто используется более простой порядок слов, близкий к разговорному регистру. Придаточные предложения могут

заменяться на бессоюзные конструкции или простые последовательности предложений. Отсутствие глагола *sein* в значении «быть». В ряде контекстов глагол *sein* опускается, и смысл передаётся через контекст и интонацию. Это сближает *Kiezdeutsch* с другими контактными вариантами, где категория бытия выражается иначе, например: *Musstu gehen?* Редукция *musst du* до *musstu* — это системное упрощение, типичное для устной городской речи. Оно выполняет функцию коммуникативной экономии и одновременно служит маркером принадлежности к субкультуре.

В *Namdeutsch* синтаксис меняется не ради экономии усилий, а как результат длительного контакта с африкаанс и приспособления к локальному узусу. Изменения носят характер вариативности нормы, а не разрушения синтаксических правил. Например, вариативность падежных конструкций и ослабление падежной маркировки. В ряде контекстов падежные формы становятся менее обязательными, а смысл передаётся через порядок слов и контекст. Это отражает влияние синтаксиса африкаанс, где падежная система сильно редуцирована; упрощение сложных синтаксических моделей. Сложноподчинённые конструкции могут заменяться на более простые или на последовательность простых предложений. Это не «ошибки», а устойчивые модели, закрепившиеся в речи; разговорные синтаксические модели с сохранением грамматической структуры. Часто используется перфект вместо претерита, более свободный порядок слов в разговорных контекстах, но без нарушения базовых правил немецкого синтаксиса.

Грамматические особенности *Namdeutsch* отражают процесс адаптации немецкого языка к условиям длительного языкового контакта. Вариативность падежной системы и упрощение некоторых синтаксических конструкций — не следствие небрежности, а результат формирования региональной нормы под влиянием африкаанс и локальных коммуникативных практик [3]. В *Kiezdeutsch* грамматические упрощения выполняют прагматическую функцию: эллипсис и редукция экономят усилия говорящих и одновременно служат маркерами принадлежности к городской молодёжной среде. Это не хаотичные отклонения от нормы, а системные модели, понятные и ожидаемые внутри сообщества.

В Kiezdeutsch синтаксические изменения работают на коммуникативную экономию и социальную маркировку. Это проявляется в эллипсисе, бессоюзных конструкциях и упрощении моделей, которые в стандартном немецком считаются обязательным:

- Эллипсис артиклей и предлогов. Опускание артикля/предлога — устойчивая модель, а не случайная ошибка. Примеры: Ich war Fußball (вместо Ich war beim Fußball), Gehst du Party? (вместо Gehst du zur Party?).
- Бессоюзные и минималистичные конструкции. Вместо сложноподчинённых предложений часто используются простые или бессоюзные последовательности, где смысл считывается из контекста и интонации.
- Слитные и редуцированные формы как часть синтаксической модели. Такие формы (musstu, lassma) не просто «сокращения», а самостоятельные синтаксические единицы в рамках Kiezdeutsch.
- Опускание глагола sein. В ряде конструкций глагол sein опускается, и бытийность передаётся контекстом: Er da. (вместо Er ist da.).

Приведем еще ряд примеров:

- Gehst du Party? Вданной конструкции мы видим опущение предлога zur/zu — это системная модель в Kiezdeutsch, которая ускоряет коммуникацию и одновременно маркирует принадлежность к субкультуре. Для носителей это ожидаемая и понятная форма.
- Musstu gehen? Слитная форма musstu вместо musst du отражает тенденцию к экономии речевых усилий. В синтаксическом плане это не «искажение», а новая нормативная модель в рамках данного этнолекта.
- Lassma gehen. lassma (от lass uns mal) функционирует как единый синтаксический элемент, который сразу задаёт прагматическую установку (приглашение + смягчение). Это пример того, как редукция создаёт новую синтаксическую единицу.
- Ey, lan, komm mal. Данная эллиптическая, бессоюзная конструкция без артикля и предлога типична для неформального общения. Она выполняет не только коммуникативную, но и социальную функцию: сигнализирует о принадлежности к группе.

- Wallah, ich hab's nicht gemacht. Вставка wallah, которая заимствована из арабского, в начале предложения работает как прагматический маркер искренности. Синтаксически это вводный элемент, который не нарушает структуру немецкого предложения, но меняет его прагматическую нагрузку.

Сопоставление грамматических тенденций показывает, что языковое смешение может принимать разные формы: в Namdeutsch оно проявляется как вариативность и адаптация к региональному контексту, а в Kiezdeutsch — как прагматическое упрощение и социальная маркировка. Это подтверждает необходимость типологического подхода к описанию нестандартных форм языка [5].

Таблица 1 Сравнительная таблица грамматических особенностей

Критерий	Namdeutsch	Kiezdeutsch
Основной механизм	Вариативность в рамках нормы, влияние контактного языка (африкаанс)	Эллипсис, редукция, экономия усилий в устной речи
Падежная система	Вариации (в т. ч. ослабление противопоставления датив/аккузатив)	Опущение артиклей и предлогов, что снижает падежную маркировку
Глагольные формы	Сохранение системы времён, тенденция к разговорным формам (перфект)	Редукция форм, слияние элементов (<i>musstu, lassma</i>)
Синтаксис	Упрощение сложных конструкций под влиянием африкаанс	Эллиптические конструкции, бессоюзные последовательности
Функция изменений	Формирование региональной нормы	Коммуникативная экономия, социальная маркировка
Устойчивость	Относительно стабильные модели, закреплённые в узусе	Динамичные формы, часть субкультурного оборота

Анализ показывает, что смешение в Namdeutsch закрепляет локальные практики и формирует региональную норму, тогда как в Kiezdeutsch оно обслуживает социальную идентичность и ускоряет коммуникацию в мультикультурной среде. Это подтверждает неоднородность процессов языкового смешения и необходимость типологического подхода.

Примеры употребления иллюстрируют разницу функций:

- Namdeutsch: Wir gehen braai machen. — грамматически разговорная конструкция, где braai выступает как культурно-специфическое ядро.
- Namdeutsch: Er ist borara. — упрощённая конструкция, передающая оттенок действия.

- Kiezdeutsch: Ey, lan, komm mal. — эллиптическая фраза без артикля и предлога, типичная для неформального общения.
- Kiezdeutsch: Wallah, ich hab's nicht gemacht. — вставка маркера искренности из арабского в немецкую синтаксическую структуру.
- Kiezdeutsch: Gehst du Party? — опущение предлога zu/zur как устойчивая модель в молодёжной речи.
- Kiezdeutsch: Lassma gehen. — слитная форма, отражающая тенденцию к экономии речевых усилий.

Синтаксические особенности Namdeutsch отражают процесс адаптации немецкого языка к условиям длительного языкового контакта. Вариативность падежной маркировки и упрощение сложных конструкций — не хаотичные отклонения, а устойчивые модели, сформированные под влиянием контактного языка (прежде всего африкаанс) и закреплённые в региональном узусе. Синтаксис здесь служит средством интеграции заимствованной лексики в привычные грамматические структуры.

В Kiezdeutsch синтаксические упрощения выполняют прагматическую и социальную функции. Эллипсис, бессоюзные конструкции и слитные формы экономят усилия говорящих и одновременно маркируют принадлежность к городской молодёжной среде. Важно подчеркнуть, что эти модели не являются случайными: они системны, ожидаемы внутри сообщества и выполняют чёткие коммуникативные задачи.

Сопоставление синтаксических моделей Namdeutsch и Kiezdeutsch показывает, что языковое смешение может принимать принципиально разные формы: в одном случае оно проявляется как вариативность и адаптация к региональному контексту, в другом — как прагматическое упрощение и социальная маркировка. Это подтверждает необходимость типологического подхода к описанию нестандартных форм языка и отказ от оценочных трактовок в пользу системного анализа [1].

Синтаксис Namdeutsch характеризуется вариативностью, а не разрушением нормы: ослабление падежной маркировки, упрощение сложных конструкций и разговорные модели порядка слов формируются под влиянием

контактного языка (африкаанс) и закрепляются в региональном узусе. Встраивание заимствованной лексики (например, *braai*, *borara*) происходит в рамках существующих синтаксических моделей, что позволяет сохранять структурную целостность высказывания при адаптации к локальным коммуникативным практикам.

Таблица 2 Сравнительная таблица синтаксических особенностей

Критерий	Namdeutsch	Kiezdeutsch
Основная функция синтаксических изменений	Адаптация к контактному языку (африкаанс) и формирование региональной нормы	Коммуникативная экономия и социальная маркировка
Падежная маркировка	Вариативность, ослабление, но не полное исчезновение	Опущение артиклей и предлогов, что снижает падежную маркировку
Сложные предложения	Упрощение или замена на последовательность простых	Частый переход к бессоюзным и минималистичным конструкциям
Порядок слов	Сохранение базового порядка слов, разговорные вариации	Свободный порядок, часто ориентированный на прагматический фокус
Эллипсис и редукция	Умеренный, в рамках разговорного регистра	Систематический: опущение <i>sein</i> , артиклей, предлогов; слитные формы (<i>musstu</i> , <i>lassma</i>)
Интеграция заимствований	Встраивание в существующие синтаксические модели	Создание новых синтаксических единиц и моделей на базе заимствований и редукций

В Kiezdeutsch синтаксические модели целенаправленно ориентированы на коммуникативную экономию и социальную маркировку: эллипсис артиклей и предлогов (*Ich war Fußball, Gehst du Party?*), опущение глагола *sein*, использование слитных форм (*musstu*, *lassma*) и бессоюзных конструкций образуют устойчивые, системные модели, понятные внутри сообщества. При этом такие модели не являются хаотичными отклонениями, а выполняют чёткие прагматические функции и формируют особую норму городского этнолекта.

Сопоставительный синтаксический анализ Namdeutsch и Kiezdeutsch демонстрирует, что языковое смешение реализуется через разные механизмы: в Namdeutsch синтаксические изменения отражают адаптацию к контактному языку (прежде всего африкаансу) и способствуют закреплению региональной нормы, тогда как в Kiezdeutsch доминируют прагматические стратегии экономии речевых усилий и социальной маркировки, проявляющиеся в

систематическом эллипсисе, бессоюзных конструкциях и редуцированных формах. Это свидетельствует о неоднородности процессов языкового смешения и подтверждает необходимость типологического подхода к описанию нестандартных форм немецкого языка [1].

Проведённый сопоставительный анализ лексики и синтаксиса Namdeutsch и Kiezdeutsch позволяет сделать ряд существенных выводов.

Во-первых, в обоих вариантах лексика (в первую очередь заимствования и адаптированные единицы) и синтаксические конструкции активно используются как инструменты маркирования групповой идентичности. При этом в Namdeutsch заметную роль играют влияния английского и африкаанс, обусловленные постколониальным многоязычием Намибии, тогда как в Kiezdeutsch доминируют эффекты мультикультурного городского пространства и языкового контакта с языками мигрантов.

Во-вторых, несмотря на различие социокультурных контекстов, в обоих случаях нестандартные лексико-синтаксические формы не являются проявлением «ошибки» или «неграмотности», а представляют собой устойчивые и системно организованные языковые практики. Носители осознанно или неосознанно используют их для выражения принадлежности к своей социальной или культурной группе и для выстраивания дистанции по отношению к стандартному немецкому языку.

В-третьих, различия в характере маркирования идентичности отражают специфику самих сообществ: в Namdeutsch сильнее выражена регионально-историческая идентичность, в Kiezdeutsch — городская и мультиэтническая.

Таким образом, лексика и синтаксис в этих контактных вариантах немецкого языка выполняют не только коммуникативную, но и социально-символическую функцию, становясь важным ресурсом конструирования идентичности. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших социолингвистических исследованиях контактных форм языка, а также в курсах по вариативности немецкого языка и языковой идентичности.

Сопоставление показало, что, несмотря на разные условия формирования, оба варианта демонстрируют устойчивые модели языкового

варьирования, которые имеют системный характер и выполняют важные социальные функции.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных в преподавании немецкого языка как иностранного, в курсах социолингвистики и диалектологии, а также при разработке учебных материалов, ориентированных на понимание языковой вариативности и мультикультурных языковых практик.

Результаты исследования подчёркивают необходимость учитывать социолингвистический контекст при описании языковых вариантов и рассматривать нестандартные формы не как отклонения, а как полноценные средства выражения идентичности.

Список использованной литературы:

1. Auer, P., Schmidt, J. E. (eds.) *Language and Space: An International Handbook of Linguistic Variation. Volume 1: Theories and Methods*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/35146644/Language_and_Space_Auer_e_Schmidt (дата обращения 05.08.2026).
2. Kellermeier Rehbein, B. «Sprache in postkolonialen Kontexten. Varietäten der deutschen Sprache in Namibia» // Stolz, T., Warnke, I. H., Schmidt Brücken, D. (eds.) *Sprache und Kolonialismus. Eine interdisziplinäre Einführung zu Sprache und Kommunikation in kolonialen Kontexten*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. P. 213–234 [Электронный ресурс] URL: (дата обращения 05.08.2026).
3. Pütz, M. «„Südwesterdeutsch“ in Namibia: Sprachpolitik, Sprachplanung und Spracherhalt» // *Linguistische Berichte*. 1991. No. 136. P. 455–476. https://www.researchgate.net/publication/374991299_Sprachkontakt_in_Namibia_Registerdifferenzierung_im_Namdeutschen [Электронный ресурс] URL: (дата обращения 03.08.2026).
4. Wiese, H. «Kiezdeutsch: emergent grammatical practices in a multilingual city language» // *Journal of Sociolinguistics*. 2016. Vol. 20, No. 5. P. 575–603. https://www.academia.edu/6221248/Grammatical_innovation_in_multiethnic_urban_Europe_new_linguistic_practices_among_adolescents [Электронный ресурс] URL: (дата обращения 06.08.2026).
5. Wiese, H. *Kiezdeutsch. Ein neuer Dialekt entsteht*. München: C.H. Beck, 2012. https://www.academia.edu/30781951/Kiezdeutsch_ein_neuer_Dialekt_entsteht [Электронный ресурс] URL: (дата обращения 05.08.2026).

6. Wiese, H., Simon, H., Zappen-Thomson, M., & Schumann, K. (2015). Deutsch im mehrsprachigen Kontext: Beobachtungen zu lexikalischgrammatischen Entwicklungen im Namdeutsch und im Kiezdeutsch. – URL: http://www.researchgate.net/publication/277555023_Heike_Wiese_Horst_J._Simon_Marianne_Zappen_Thomson_Kathleen_Schumann_Deutsch_im_mehrsprachigen_Kontext_Beobachtungen_zu_lexikalischgrammatischen_Entwicklungen_im_Namdeutschen_und_im_Kiezdeutschen (дата обращения: 19.11.2024).

7. Маслечкина С.В. Namdeutsch и Kiezdeutsch: сравнение двух диалектов Казанская наука. №11 2024г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2024. – 635 с.

8. Маслечкина С.В. Немецкий язык в многоязыковом контексте: Namdeutsch и Kiezdeutsch Казанская наука. №12 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022. – 145 с.

© Маслечкина С.В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ОАО «БРЯНСКИЙ МОЛОЧНЫЙ КОМБИНАТ») <i>ПЕТРУХИНА Н.В.</i>	5
ГЛАВА 2. ФЕНОМЕН МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АКТИВИЗАЦИИ <i>СЛИНКОВА О.К., ВИШНЕВСКАЯ Е.В., СЛИНКОВ А.М.</i>	22
ГЛАВА 3. МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК СПОСОБ ОСВОЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ОТ АРХАИКИ К СОВРЕМЕННОСТИ <i>БЕЛЯКОВ Н.С.</i>	37
ГЛАВА 4. ТРАЕКТОРИИ БУДУЩЕГО: ОТ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ К ЭКОНОМИКЕ И ТЕХНИКЕ <i>ДЕВЯТЫХ С.Ю., ШЕПИЛЕВИЧ А.А.</i>	52
ГЛАВА 5. РУССКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЭМИГРАНТСКИЕ ШКОЛЫ <i>ЗВЕРКОВИЧ Г.В.</i>	82
ГЛАВА 6. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ ФУНКЦИИ К ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КОНФИГУРАЦИИ <i>ИШКОВ А.Д.</i>	95
ГЛАВА 7. АРХИТЕКТУРА ВЛАСТИ И СОПРОТИВЛЕНИЯ: ЗАМКИ УЭЛЬСА КАК СИМВОЛЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ <i>КОТОВА Е.Г.</i>	168
ГЛАВА 8. ДИНАМИКА ВТОРИЧНЫХ ЭТНОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ДИСКУРСЕ <i>ЛУПИНА А.Е.</i>	182
ГЛАВА 9. ЛЕКСИКА И СИНТАКСИС КАК МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: NAMDEUTSCH (НАМИБИЯ) И KIEZDEUTSCH (ГЕРМАНИЯ) <i>МАСЛЕЧКИНА С.В.</i>	223

Научное издание

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС. ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

МОНОГРАФИЯ

ВЫПУСК 111

Часть 1

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 20.08.2026г. Формат 60х90/16.

Печать: цифровая.

Усл. печ. л. 13,90. Тираж 500. Заказ 2713

**Отпечатано в редакционно-издательском отделе
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «АЭТЕРНА»**

450076, г. Уфа, ул. Пушкина 120

<https://aeterna-ufa.ru>

info@aeterna-ufa.ru

+7 (347) 266 60 68